

Н. Г. Чернышевский

Статьи, исследования и материалы

УДК [9(470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)

ББК 46.3.1

Ч 45

Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Демченко. – Саратов: Буква, 2013. Вып.19. – 234 с.

ISBN 978-5-906522-42-9

Редакционная коллегия:

зам. директора по научной работе музея Н. Г. Чернышевского *В. Н. Бондарева*, кандидат филологических наук, профессор *Ю. Н. Борисов*, доктор филологических наук, профессор *А. А. Демченко* (отв. редактор), кандидат исторических наук, научный сотрудник музея Н. Г. Чернышевского *И. Е. Захарова* (отв. секретарь), доктор философских наук, профессор *Е. В. Листвина*, директор музея Н. Г. Чернышевского *Г. П. Муренина* (зам. отв. редактора), доктор филологических наук, профессор *В. В. Прозоров*, доктор исторических наук, профессор *Н. А. Троицкий*

В сборнике представлены труды ученых из Японии, Италии, Республики Беларусь, Армении, Москвы, Нижнего Новгорода, Саратова, исследующих биографию Н. Г. Чернышевского, его философские, эстетические, литературно-критические, общественные взгляды, роман «Что делать?».

Для преподавателей, научных работников, студентов-филологов, философов и историков, читателей, интересующихся историей русской науки и культуры.

Издание осуществлено при поддержке
Управления по культуре администрации МО «Город Саратов»

УДК [9 (470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)

ББК 46.3.1

ISBN 978-5-906522-42-9

© Коллектив авторов, 2013
© ООО «АРМК Софит», 2013

ОТ РЕДАКТОРА

Очередной выпуск сборника, издаваемый по материалам проведенных в саратовском музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского XXXV (2013) и частично XXXIV (2012) Международных научных чтений «Н.Г. Чернышевский и его эпоха», традиционно продолжает публикации по широкому кругу философских, эстетических, литературно-критических, историко-литературных взглядов Чернышевского, его художественного творчества и биографии. Чтения проходили в тесном сотрудничестве музея с Институтом филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (ИфиЖ СГУ), Института истории и международных отношений (ИИМО СГУ) и философского факультета СГУ.

Сборник посвящается 185-летию со дня рождения писателя.

Доктор философских наук, профессор НИУ Высшей школы экономики В.К. Кантор (Москва) выступил на чтениях с двумя докладами. В первом, озвученном на чтениях 2012 года, рассматривалась постоянно привлекающая внимание исследователей полемика Чернышевского и Герцена о России (опубликовано в «Вопросах литературы» за 2013 г. Вып. 6). Во втором, помещаемом в предлагаемом читателю сборнике, — общественно-политическая позиция автора «Что делать?» через его идеи «разумного эгоизма». Герценовская тема привлекла внимание почетного профессора университета префектуры Анги (Нагоя), магистра исторических наук Сиро Като (Япония). Проблемам реформы и революции в России, центральным в обсуждениях Герцена и Чернышевского, посвятила свою статью кандидат исторических наук, доцент ИИМО СГУ О.В. Кочукова (Саратов). Рецепции философского наследия Чернышевского знаменитыми «веховцами» исследовались доктором филологических наук, профессором ИФиЖ СГУ А.А. Гапоненковым (Саратов). Эстетика Чернышевского в ее восприятии Вл. С. Соловьевым — тема статьи аспиранта НИУ Высшей школы экономики Е.В. Бессчетновой (Москва). Кандидат филологических наук, доцент Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова Г.С. Чернова (Беларусь) проследила подробности диалога-спора Ф.М. Достоевского с А.Н. Пыпиным, выражавшим философско-эстетические позиции «Современника» в период сотрудничества здесь Чернышевского. Анализ философских взглядов Чернышевского как автора работы «Антропологический принцип в философии» продолжила доктор философских наук, профессор философского факультета СГУ С.В. Позднева в соавторстве с Р.В. Масловым (Саратов). Культурологические аспекты философии Чернышевского стали объектом изучения кандидата философских наук, доцента СГУ Н.П. Лысиковой (Саратов).

Тему полного рисков сосуществования журналистики и власти в эпоху Чернышевского разрабатывал доктор филологических наук, профессор

ИфиЖ А.А. Демченко, литературно-критическим оценкам Чернышевского посвятили свои статьи кандидаты филологических наук, доценты ИфиЖ Н.В. Новикова (Саратов), рассмотревшая высказывания о творчестве Ф.И. Тютчева, О.А. Хвостова (Саратов), которая уделила внимание творческим взаимоотношениям Чернышевского с П.В. Анненковым, В.В. Смирнова (Саратов), проанализировавшая полемические стороны критических оценок пьесы А.Н. Островского «Доходное место». Поэзию Ф.И. Тютчева истолковывает в ее философских соприкосновениях с концепцией «бездна» Шеллинга профессор университета Саппоро Он Оя (Япония).

В ряде статей предложены новые материалы в изучении романа «Что делать?». Директор культурной ассоциации «Русский мир» Анна Роберти (Турин, Италия) ознакомила с итальянскими изданиями знаменитого произведения. Доцент каф. философии культуры и культурологии СГУ О.В. Шиндина (Саратов) рассмотрела выраженные в романе в антропологической перспективе архитектурные утопии, студентка НИУ Высшая школа экономики Т.И. Мицук (Москва) сопоставила тему самоубийства в «Что делать?» и «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Кандидат исторических наук, доцент государственного университета печати Е.В. Перевалова (Москва) рассмотрела затронутую в романе проблему женского образования, заинтересованно обсуждаемую в отечественной журналистике 1860-1880-х годов.

Второй раздел сборника открывается публикацией новонайденных материалов о Г.И. Чернышевском, отце писателя, кандидатом исторических наук, научным сотрудником саратовского музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского И.Е. Захаровой. Кандидат исторических наук, заведующий сектором того же музея В.А. Дьяконов осветил пока еще слабо исследованную тему развития театрально-музыкального искусства в Саратове времени Чернышевского. Неизвестные факты биографии родственницы писателя М.А. Чернышевской, провинциальной «эмансипе», поведала кандидат филологических наук, доцент Набережночелнинского государственного торгово-технологического института Я.Б. Руднева (Республика Татарстан). Влияние идей 1860-х годов, в частности системы гимназического образования, на формирование взглядов известного народника Л.А. Тихомирова охарактеризовал студент ИИМО СГУ Р.Р. Джаббаров. Искусствоведческий анализ живописного портрета купца В.Д. Вакурова, современника Чернышевского, провела научный сотрудник саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева Е.А. Шкута. Соискатель Ереванского государственного университета М.И. Адулян (Армения) внесла новые подробности во взаимоотношения Чернышевского с армянами Астрахани в 1880-е годы.

Кандидат филологических наук, доцент саратовской государственной юридической академии И.В. Пырклов собрал данные о Чернышевском, содержащиеся в полузабытой «Истории русской словесности»

П.Н. Полевого (1900). Попытку понимания Чернышевским идеи гражданственности, предельно соединяя ее с современными реалиями жизни, предложила Н.Ю. Кравченко, кандидат социологических наук, доцент СГУ. В том же ключе современного истолкования личности автора «Что делать?» организовала свою статью кандидат юридических наук, доцент СГУ Л.М. Лазанчина. Теории и практике строительства современного литературного музея-усадьбы посвятила свою публикацию доктор исторических наук, профессор саратовского государственного социально-экономического университета И.Я. Эльфонд. О гражданско-патриотической работе государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова рассказала его заместитель директора по научной работе, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Нижнего Новгорода, член Российского союза профессиональных литераторов Г.А. Дмитриевская (Нижний Новгород).

Техническая редакция сборника осуществлена научным сотрудником музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского О.В. Прокофьевой.

І. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

В.К. Кантор

ЧТО ЗНАЧИЛ РАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ОБЩИННОЙ СТРАНЕ?

В истории культуры существуют «странные сближения», если воспользоваться выражением Пушкина. Сближения, которые с десятилетиями приобретают характер почти мифологический, то есть не требующий анализа и рассуждения. Ведь то, что дано в мифе, то большинство принимает без рассуждения. Вместе с тем, миф в момент своего рождения был вызван определенными историко-культурными причинами, которые ученый обязан понять. И, если получится, то заменить миф рациональным знанием.

В данном случае речь об идее разумного эгоизма, рожденной, как мы знаем, не Чернышевским, известной еще со времен Спинозы и Гельвеция, повторенной в новой огласовке Фейербахом, английскими утилитаристами, но в России активно проповеданной и исповеданной все же именно Чернышевским и связанной с его именем. Сама идея тоже заслуживает рассмотрения, но еще интереснее с точки зрения культурного феномена, что многие политически ориентированные авторы (как антисоветские, так и просоветские) ведут позицию ленинской безнравственной этики именно от Чернышевского. Это прозвучало в легенде, идущей от Валентинова, о невероятном влиянии Чернышевского на Ленина. В таком объеме об этом влиянии никто и нигде больше Валентинова не рассказывал. Причем главный аргумент и опора этого утверждения – ссылка на пресловутом «Письме из провинции» с призывом звать Русь к топору¹. Артикулировал принадлежность Чернышевскому этого письма в 1928 г. Луначарский. Большевики искали предшественников в отечестве. Политический каторжанин Чернышевский очень подходил для такой цели. Хотя современники ясно видели авторство этого письма: круг Герцена. Сегодня почти с уверенностью указывают и конкретного человека – Огарева.

Но Чернышевский был звездой оппозиции. Его имя могло окормить новых революционеров. Как писал Бердяев: «Необходимо отметить нравственный характер Чернышевского. Такие люди составляют нравственный капитал, которым впоследствии будут пользоваться менее достойные люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости. Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского «нигилизма» был почти святой. Когда жандармы везли его в Сибирь, на каторгу, то они говорили: нам поручено везти преступника, а мы везем святого»².

Паразитально, что Ленин свою книгу «Что делать?» о создании

полностью подчиненной вождю организации революционеров называет так же, как роман Чернышевского³, в котором утверждалось отсутствие всякой централизации и свободы личности в артели. Вера Павловна, устраивая свою мастерскую, говорила работницам: «Надобно вам сказать, что я без вас ничего нового не стану заводить. Только то и будет новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорят, что только то и выходит хорошо, что люди сами захотят делать. И я так думаю. <...> Без вашего желания ничего не будет»⁴. Люди с ясным взглядом, не ангажированные теми или иными политическими группами, это ясно видели. «Надо ли доказывать, – писал Степун, – что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма»⁵. Что касается Чернышевского, то о нем он тоже произнес достаточно внятно: «Чернышевскому было ясно, что все преждевременно, что взят совершенно бессмысленный темп»⁶. Но, повторяю, прикосновению к Чернышевскому, как мученику царизма, было значимо для тех, кто готовил революцию против самодержавия.

При этом поразительная логика у обвинителей Чернышевского в революционности. С одной стороны, они признают, что дело было инспирировано охранкой: «При разборе его дела в следственную комиссию и судивший его Сенат поступили две записки с характеристикой литературной деятельности Чернышевского, составленные по заказу III отделения (охранка). В одной из них, написанной поэтом и переводчиком В.Д. Костомаровым, предавшим Чернышевского, весьма подробно доказывается, что издающиеся подпольные прокламации в громадной степени инспирируются идеями, развиваемыми Чернышевским в его статьях в легальном журнале "Современник"»: С другой, принимают выводы охранки как факт, не требующий доказательств: «Опровергать это безнадежно и невозможно, это суцая правда и одним из образцов (весьма ярким) такого перевода статей и идей Чернышевского на язык подпольных произведений – несомненно была прокламация под заглавием «Молодая Россия», появившаяся в Москве в мае 1862 г.»⁷. Вместе с тем именно Чернышевский пришел в прямой антагонизм с «Молодой Россией», поддержанной Герценом. Стоит сослаться на вывод об этой истории одной из крупнейших современных исследовательниц Ирины Паперно: «Хотя некоторые советские историки, вслед за правительством Александра II, считали Чернышевского создателем и главой влиятельной подпольной партии, никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту точку зрения, не существует. <...> Несомненно лишь то, что Чернышевский был влиятельным журналистом и писателем, центральным автором и соредактором "Современника" – самого широко читаемого журнала того времени»⁸. В своих бесчисленных статьях, книжных рецензиях, переводах и компиляциях западных трактатов Чернышевский выступал как активный пропагандист утилитаризма в этике, антилиберализма в политике и материализма в эпистемологии и эстетике»⁹.

На двух последних пунктах сейчас останавливаться не буду, хотя, скажем, своим антилиберализмом по отношению к славянам он очень напоминал Леонтьева, а в эстетике он все же скорее был христианином, даже православным, нежели материалистом. Но вот на теме утилитаризма в этике я, естественно, остановлюсь. Идея «разумного эгоизма» кажется многим гораздо ниже морали самопожертвования. Но, не говоря уж о том, что именно Чернышевский явил собой пример жертвенности¹⁰, напомним слова Кассирера о смысле этики разумного эгоизма (рассматривает ее он на примере Гельвеция): «Лишенный предрассудков человек увидит, что все, что восхваляют в качестве бескорыстия, великодушия и самопожертвования, только называется разными именами, но по сути дела не отличается от совершенно элементарных основных инстинктов человеческой природы, от «низких» вожелений и страстей. Не существует никакой нравственной величины, которая поднималась бы над этим уровнем; ибо какими бы высокими ни были стремления воли, какие бы сверхземные блага и сверхчувственные цели она себе ни воображала, — она все равно остается в плену эгоизма, честолюбия и тщеславия. Общество не в состоянии подавить эти элементарные инстинкты, оно может только сублимировать и прикрывать их»¹¹. Идея разумного эгоизма и есть сублимация природных инстинктов. Также и Фейербах сводит нравственность к действию разумно-эгоистического принципа: если счастье Я необходимо предполагает удовлетворение Ты, то стремление к счастью как самый мощный мотив способно противостоять даже самосохранению.

Когда-то Макиавелли написал, что человек скорее забудет смерть родителей, чем потерю имущества. То есть человек думает прежде всего о том, что ему выгоднее. Столь ли утилитарен Чернышевский? Приведу большую цитату (аналогичных текстов можно привести много): «Очень давно было замечено, что различные люди в одном обществе называют добрым, хорошим вещи совершенно различные, даже противоположные. Если, например, кто-нибудь отказывает свое наследство посторонним людям, эти люди находят его поступок добрым, а родственники, потерявшие наследство, очень дурным. Такая же разница между понятиями о добре в разных обществах и в разные эпохи в одном обществе. Из этого очень долго выводилось заключение, что понятие добра не имеет в себе ничего постоянного, самостоятельного, подлежащего общему определению, а есть понятие чисто условное, зависящее от мнений, от произвола людей. Но точнее всматриваясь в отношения поступков, называемых добрыми, к тем людям, которые дают им такое название, мы находим, что всегда есть в этом отношении одна общая, непременная черта, от которой и происходит причисление поступка к разряду добрых. Почему посторонние люди, получившие наследство, называют добрым делом акт, давший им это имущество? Потому, что этот акт был для них полезен. Напротив, он был вреден родственникам завещателя, лишенным наследства, потому они называют его дурным делом. Война против неверных для распространения

мусульманства казалась добрым делом для магометан, потому что приносила им пользу, давала им добычу; в особенности поддерживали между ними это мнение духовные сановники, власть которых расширялась от завоеваний. Отдельный человек называет добрыми поступками те дела других людей, которые полезны для него; в мнении общества добром признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членов; наконец, люди вообще, без различия наций и сословий, называют добром то, что полезно для человека вообще» (Чернышевский, VII, 285)

Русский историк-эмигрант Карпович, главный редактор «Нового журнала», вполне выполнял задачу, поставленную перед ним, – показать, что большевизм есть порождение русской мысли. «Цели могут быть достигнуты благодаря сильным личностям, которые могут влиять на ход событий, могут ускорить темп развития, дать направление хаотическому народному движению. В связи с этим представлен новый тип человека, и этот новый человек – что, я думаю, вполне ясно – революционер. <...> Представление о революционере в работах Чернышевского вполне ясно. Политический лидер должен преследовать свою цель, безо всякого снисхождения. Он должен помнить, что политика – неприятное дело. Чернышевский любил повторять две вещи: во-первых, что в политической деятельности нельзя носить белые перчатки, что история – не Невский проспект»¹². Ссылаясь на Н. Вольского (Валентинова), он приписывает «влиянию Чернышевского диктаторские и авторитарные черты ленинского социализма»¹³.

Павел Трибунский в комментариях к книге показывает в обоих случаях передергивание и даже приписывание противоположного (ленинского) смысла словам Чернышевского. О «белых перчатках» говорил не Чернышевский, а Ленин, в рассуждении же об истории как не пути по Невскому проспекту Чернышевский вовсе не имел в виду работу революционера, он говорил именно об истории, говорил, что ее нельзя воспринимать как тротуар, выложенный к счастливому и райскому миру¹⁴. В каком-то смысле мысль Чернышевского – это парафраз формулы Гегеля: «Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами»¹⁵.

Что же писал Ленин? Не существует общечеловеческой морали, утверждал он, а есть только классовая мораль. Каждый класс проводит в жизнь свою мораль, свои нравственные ценности. Мораль пролетариата – нравственно то, что отвечает интересам пролетариата. Обращаясь к молодежи в 1920 г. и, говоря о задачах союзов молодежи, вождь утверждал: «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»¹⁶. Пролетариат для большевиков был, в сущности, сословием, классом, который должен был подчинить себе остальной народ. Взгляд разумного эгоиста Чернышевского есть опережающее возражение: «Отдельное сословие приводит себя к дурному концу, принося в жертву себе

цельный народ» (*Чернышевский*, Антропологический принцип в философии, VII, 287). Как писал Бердяев в своем трактате «О назначении человека», у Ленина было рационалистическое безумие, которое не останавливалось перед любыми жертвами. Трезвый, не безумный, рационалист Чернышевский писал: «Наука, которая должна быть представительницей человека вообще, должна признавать естественным только то, что выгодно для человека вообще, когда предлагает общие теории. Если <...> Совершенно напрасно говорить о естественности или искусственности учреждений, – гораздо прямее и проще будет рассуждать только о выгодности или невыгодности их для большинства нации или для человека вообще: искусственно то, что невыгодно» (*Чернышевский*, Капитал и труд, VII, 36).

Стоит сравнить ленинский тезис с нечаевским «Катехизисом революционера». Нечаев писал: «Революционер – человек обреченный. <...> Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»¹⁷. Ленин почти буквально повторил Нечаева. Конечно, нравственный запал Чернышевского был совсем иного порядка. В отличие от недоучившихся или малоучившихся Нечаева и Ленина, Чернышевский работал во время учебы как серьезный филолог (у И.И. Срезневского), защитил магистерскую диссертацию. Не менее важной была его исходная нравственная установка. Напомню слова С.Н. Булгакова: «Вообще, духовными навыками, воспитанными Церковью, объясняется и не одна из лучших черт русской интеллигенции, которые она утрачивает по мере своего удаления от Церкви, например, некоторый пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм, вообще строгость личной жизни; такие, например, вожди русской интеллигенции, как Добролюбов и Чернышевский (оба семинаристы, воспитанные в религиозных семьях духовных лиц), сохраняют почти нетронутым свой прежний нравственный облик, который, однако же, постепенно утрачивают их исторические дети и внуки»¹⁸.

Так называемые «исторические дети и внуки» этот нравственный облик и вправду утратили. Но можно ли их называть «детьми и внуками»? Скорее, это крошки Цахесы, присвоившие себе достоинства благородного человека. Интересно, что, даже полагая Чернышевского предшественником Ленина, Карпович вдруг видит в идее Чернышевского о разумном эгоизме почти альтруизм. Он пишет, что под западным влиянием возникает «новая утилитарная этика, развитая отчасти в связи с общей рационалистической философией и влиянием Фейербаха. Если человек – мера всех вещей, то естественно, что он мера и в вопросах этики. Но более прямое воздействие оказывал на них английский утилитаризм Бентама и Милля-старшего. Эта этическая система базировалась на разумном эгоизме, иногда называемом просвещенным эгоизмом, согласно которому моральное благо и польза –

одно и то же. Что полезно, то хорошо: что хорошо – то полезно. Примерно так это можно сформулировать, хотя здесь возникает та же опасность неверного толкования, что с формулой Гегеля о действительном и разумном. Мы должны быть добрыми, потому что это полезно для нас, и альтруизм – всего лишь наиболее рациональная форма эгоизма. Самая роковая иллюзия – противопоставлять собственное благо и благо всего человечества, потому что они совпадают. Они совпадают, будучи правильно понятыми»¹⁹.

И это более похоже на правду.

За что же он был арестован? Поразительное дело, но более всего любой автократический режим не приемлет независимость духа и мысли. Кажется, единственный из русских литераторов того времени в письме к русскому царю он подписался не «Ваш верноподданный», а «Ваш подданный». Разница громадная. В своей «Исповеди», написанной всего за десять лет до письма Чернышевского крутой анархист и революционер Бакунин писал русскому императору: «Потеряв право называть себя верноподданным Вашего императорского величества, подписываюсь от искреннего сердца: *Кающийся грешник Михаил Бакунин*»²⁰.

Владимир Соловьев не раз подчеркивавший близость своих идей идеям Чернышевского, даже назвав статью о его диссертации «Первый шаг к положительной эстетике», оценил его арест и каторгу, как удар власти по независимому человеку: «От этих разговоров с отцом у меня осталось ясное представление о Чернышевском как о человеке, граждански убитом не за какое-нибудь политическое преступление, а лишь за свои мысли и убеждения. Конечно, обнародование своих мыслей и убеждений в печати есть уже поступок, но если этот поступок совершается с предварительного разрешения правительственной цензуры, казалось бы ясно, что он не может быть преступлением»²¹.

* * *

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В.Г. Белинский писал: «Пора нам перестать казаться и начать быть, пора оставить, как дурную привычку, довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм» (Белинский, X, 19). Очевидно, надо было обратиться к специфике страны. Общинность как специфическую особенность России утверждали славянофилы. И именно к ней обратился Чернышевский, наиболее полно проанализировавший все возможности общины. Он думал об использовании той структуры национальной жизни, которая сложилась на данный момент в России. А складывалась она, как он понимал, не одно столетие.

Не забудем при этом, что Чернышевский был антропоцентристом, что, находя, скажем, у эскимосов в зачатке те же явления, которые в развитом виде можно было видеть в промышленной Британии, он утверждал, что в миллионах привычек и особенностей, свойственных человеческому роду, каждый народ полностью развивает одну из этих особенностей, которую в зародыше ли или уже в стадии пройденной – и изжитой формы можно

отыскать и у других народов. Двигателем прогресса и цивилизации для него выступала самодеятельная личность: «Как вы хотите, чтобы взывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе» (Чернышевский, V, 695). А для этого человеку нужно «увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки» (Чернышевский, V, 695). Однако здесь я хотел бы сказать, как сочетал он идею общины с идеей личности, тем более с идеей разумного эгоизма, как крайнего проявления личностного начала.

Русская община для Чернышевского является показателем не типа культуры, а степени развития, которая в силу затянувшегося периода стала определять и структуру общественной жизни, с которой надо считаться, которую миновать никак нельзя. Будучи не прожектором, а реальным деятелем, Чернышевский в каждом вопросе полагал необходимым исходить из имеющейся данности. Принцип его подхода к действительности очень ярко иллюстрирует выдвинутая им и вызвавшая ожесточенную полемику теория «разумного эгоизма». Чернышевский строит свою этику не на отрицании эгоизма, а на возведении его, так сказать, в новую степень, ибо, полагал он, нельзя навязывать декретом добрые чувства, а надо просветлять то, что дано. Поэтому он пытается донести до большинства, что быть добрым хорошо и выгодно. В «Антропологическом принципе в философии» он так говорил о «цели, которая предписывается человеку <...> рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель — добро. Расчетливы только добрые поступки; рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр» (Чернышевский, VII, 291). Многие русские писатели религиозного толка всячески опровергали теорию разумного эгоизма. В «Братьях Карамазовых» Достоевский дал образ семинариста-карьериста Ракитина, который говорит, что будет подличать, разбогатеет, а затем и много добра принесет. Но Чернышевский, говоря о выгодности добра, возлагал надежды не на внешние обстоятельства жизни людей (богатство, преуспеяние и пр.), а ратовал за внутреннюю перестройку души: «По обширности результатов добро, приносимое качествами самого человека, гораздо значительнее добра, делаемого человеком только по обладанию внешними предметами. Доброе или дурное употребление внешних предметов случайно; всякие материальные средства так же легко и часто бывают обращаемы на вред людям, как и на пользу им» (Чернышевский, Антропологический принцип..., VII, 291). Когда Достоевский призывает обуздывать страсти, он формулирует свою знаменитую дилемму: если нет бога и бессмертия, то все позволено. Иными словами, если не будет воздаяния человеку за злые и добрые поступки, то ничто его не будет обуздывать, и начнется антропофагия. Но, в конечном

счете, этот аргумент этики великого писателя также апеллирует к выгоде человека: какому верующему охота на бесчисленные триллионы лет подвергаться бог знает какому наказанию, уж лучше не грешить.

Чернышевский имел единое, цельное мировоззрение, и каждое явление рассматривал исходя из своих общих принципов. Поэтому подход его к проблеме общины аналогичен решению этической проблемы. Эгоизм? Да, но разумный. Община? Да, но защищающая и сохраняющая личность. В России, как он неоднократно подчеркивал, за века существования не выработалось институтов, которые могли бы дать хотя бы некоторую гарантию личной независимости и безопасности: ни цехов, ни корпораций, ни независимых сословий, в недрах которых могла бы состояться личность. «До половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хотя те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествие поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии, — все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшною неурядицею управления... Только с XVII века внешние разорители были обузданы, и внутренняя администрация стала несколько улучшаться... Если теперь производятся вещи, тысячной доли которых не мог описать Щедрин, то рассказы наших отцов и дедов свидетельствуют, что в их времена господствовал произвол, невероятный даже для нас» (*Чернышевский*, Суеверия и правила логики, V, 690). Оставалась община, которую он и подверг пристальному рассмотрению и анализу.

«Общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, — так начинает он свою защиту общинного принципа в России и критику предубеждений против него, — существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту... Вывод из этого ясен. Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа». Далее следовал пассаж, сразу разводящий его концепцию со славянофильской и будущей народнической: «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития» (*Чернышевский*, Критика философских предубеждений против общинного владения, V, 362). Итак, гордиться нечем, но это — данность, и с ней необходимо реальному деятелю считаться.

Противники общины говорили, что в общине хотя все равны, но зато все одинаково бесправны. Чернышевский отвечал некоторыми весьма интересными примерами из разных областей жизни. Скажем, в патриархальном народе шейх носит такой же в принципе бурнус, как и

последний бедуин его племени, в цивилизованном обществе люди будут ходить в пальто одного покроя. Либо: «Вне цивилизации, – пишет он, – человек безразлично говорит одинаковым местоимением со всеми другими людьми. Наш мужик называет одинаково «ты» и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы делаем различие между людьми на «ты» и на «вы». При грубых формах цивилизации «вы» кажется для нас драгоценным подарком человеку, с которым мы говорим, и мы очень скупы на такой почет. Но чем образованнее становимся мы, тем шире делается круг «вы», и, наконец, француз, если он только скинул сабо, почти никому уже не говорит «ты». Но у него осталась еще возможность, если захочет, кольнуть глаза наглецу или врагу словом «ты». Англичанин потерял и эту возможность: из живого языка разговорной речи у него совершенно исчезло слово "ты"» (*Чернышевский*, Критика философских предубеждений против общинного владения, V, 369–370). Иными словами, с развитием цивилизации развивается, прежде всего, начало личности, высокое «Вы», когда каждый из народа делается личностью. И тогда, по Чернышевскому, наступает то равенство, которое мы наблюдаем в общине, только на ином уровне. «Высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытному началу развития. Само собою разумеется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше, нежели в начале» (*Чернышевский*, Критика философских предубеждений против общинного владения, V, 368).

Стало быть, стоит задача – наполнить эту форму таким содержанием, чтобы каждый представитель общины стал самостоятельным индивидом. Как же этого добиться? Путь не прост и долог. Историческое развитие не Невский проспект, говорил Чернышевский. И речь тут шла – вопреки Карповичу – не о пути революционера, а пути человечества. Но все же путь может быть сокращен, полагали многие, если будет учтен европейский опыт, если Россия сумеет опереться на европейские научные, технические и духовные достижения, просветить себя. Чернышевский гораздо скептичнее и мудрее: «Когда у нас пропорция между грамотными и безграмотными людьми будет такова же, как в Германии, в Англии, Франции, когда у нас будет, пропорционально числу населения, выходить столько же книг, журналов и газет и будут они так же много читаться, только тогда мы будем иметь право сказать о своей нации, что она достигла такого же просвещения, как теперь эти страны. Время это настанет, но не завтра и не послезавтра» И далее он вводит совершенно замечательный и ясный образ, что позволяет окончательно откинуть идею о его революционерстве: «Но когда мы догоним их, что тогда? О, тогда мы уже быстро опередим их! Вот это трудновато понять. Идет авангард и прокладывает дорогу; тяжело ему подвигаться вперед, он делает всего по две, по три версты в день; отсталые части войска идут по проложенной дороге, путь их легок, они делают в день по 30, пожалуй, но 40 верст; но как же это пойдут они таким же быстрым шагом, когда догонят авангард, когда перед ними будет тоже лежать новая

местность, по которой надобно еще прокладывать дорогу? Нам кажется, что им просто придется тогда работать рядом с авангардом над проложением дороги. <...> Будем желать того, чтобы пришлось нам когда-нибудь трудиться вместе с другими, наравне с другими над приобретением новых благ: не будем, ничего еще не сделавши, самохвально кричать: эх вы, дрянь и гниль! – а вот мы так будем молодцы!» (Чернышевский, Апология сумасшедшего, VII, 617).

Чернышевский понимал общинность как специфику русской исторической жизни, отнюдь не видя (в отличие от народников) в этой специфике внеисторического преимущества и превосходства России, говорил о необходимости преобразования общины на основе достижений европейской культуры, которая поможет русскому народу совершить прорыв из структуры первобытной на высшую ступень цивилизации. Чем импонировала ему община? В России не было таких структур, как на Западе (парламент, цеха, свободные города, независимая от государства церковь), в которых могла бы укрыться личность. И только в общине человек, казалось Чернышевскому, может найти поддержку.

Трезвому реализму Чернышевского Герцен и народники противопоставили идеализацию общины, которая, по их мнению, сама из себя должна была дать искомый гармонический общественный строй. И эта вера в уникальность общины, как типа русской культуры, вела к изоляционизму и пренебрежению к духовным завоеваниям Европы. Просвещение, просветительство уходило у народников на далекую периферию их концепций. Не случайно, даже переводя Маркса, они оказались в оппозиции к идеям марксизма как отвлеченной, ненужной России книжности. Думая, что они учатся у народа, они ему же навязывали тот уровень отношений, от которых сам народ стремился избавиться, оказывались гораздо дальше от живых и реальных нужд народа, чем Чернышевский, требовавший трезвости и критичности, говоривший, что быть демократом, бороться за народ – вовсе не значит его идеализировать. Ибо любая идеализация, как это ни парадоксально, в конечном счете обернется насилием над народом, когда выяснится, что вовсе он не отвечает идеальным представлениям о нем. Вместо развития народной самостоятельности, точнее, самостоятельных индивидов в народе, народники надеялись, по теории «героев и толпы», с помощью «критически мыслящей личности», а не то и нечаевских пятерок, совершить переворот, подчиняя народ своему пониманию народных идеалов, иными словами, создать ту общинную – насильственно навязанную – структуру, которую Маркс называл «казарменным коммунизмом». Даже в период самого яростного ратоборства за общину, связывая с ней возможный скачок в царство цивилизации, исходя из того, что в России «общинное начало... сроднилось с духом народным» (Чернышевский, Сельское благоустройство, V, 848), Чернышевский был решительно против навязывания народу своих представлений о нем. Полемизируя со славянофилом-общинником

Кошелевым, требовавшим законодательного закрепления общины, он писал: «Трудно вперед сказать, чтобы общинное владение должно было всегда сохранить абсолютное преимущество пред личным <...> Трудно на основании фактов современных положительно доказать верность или неверность предположения о будущем. Лучше подождать, и время разрешит задачу самым удовлетворительным образом. Вопрос о личном и общинном владении землей непременно разрешится в смысле наиболее выгодном для большинства. Теория в разрешении этого вопроса будет бессильна...» (*Чернышевский*, Сельское благоустройство, V, 847).

Говоря о задаче просвещения в России середины прошлого века, мы должны отдавать себе отчет, что идеи просветительства не могли не быть связаны с проблемой распространения знания, тем самым с университетской наукой, да и вообще с ориентацией на науку как таковую – силу, противостоящую невежественному, косному, традиционно-неподвижному образу жизни самодержавной империи. Наука казалась многим прогрессивно мыслящим русским писателям той непосредственной сферой деятельности, которая напрямую связывает страну с развитием в ней цивилизации. «Творя тихо и медленно, – писал Чернышевский, – она (наука. – В.К.) творит все: создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу всем его способностям. Наука – чернорабочий, не играющий блистательной роли в обществе; но трудами этого чернорабочего живет все: и государство и семейство, и политика и промышленность» (*Чернышевский*, Лессинг, его время, его жизнь и деятельность, IV, 5–6). В России университетская наука выполняла важнейшую функцию приобщения умов к основам цивилизации²².

Оставался, однако, вопрос о принципах и пределах просвещения. Может ли быть просвещение без свободы, как, впрочем, и свобода без просвещения? Между тем у Чернышевского просветительский пафос учительства неразрывно связан с понятием свободы, не мыслится без нее. «Каждый предмет имеет свой собственный характер, которым отличается от других предметов, или, как говорится, имеет свою индивидуальность. Потому основной принцип каждой науки должен иметь в себе особенность, должен быть таков, чтобы принадлежал именно этой науке; например: нравственная философия говорит «поступай честно», юриспруденция – «заботься об оправдании невинного и осуждении виновного»; это две мысли решительно различные. Но говорила ли бы что-нибудь свое, что-нибудь специальное политическая экономия, если бы сущность ее выражалась правилом «водворяй свободу»? Это одна из задач, равно принадлежащих всем нравственным и общественным наукам. Общий принцип всех их: служить благу человека. Свобода, подобно истине (или, лучше сказать, просвещению, потому что здесь имеется в виду субъективное развитие

истины в индивидуумах), не составляет какого-нибудь частного вида человеческих благ, а служит одним из необходимых элементов, входящих в состав каждого частного блага; свобода и просвещение – это кислород и водород, которые не могут быть предметами особенных наук, потому что и сами по себе не составляют отдельных предметов, не могут существовать в природе независимым, самостоятельным образом, отделяются от других элементов только искусственным анализом, но без которых не существует в природе никакая жизнь. Какое благо ни возьмете вы, вы увидите, что условием его существования служит свобода; потому она составляет общий предмет всех нравственных и общественных наук, – водворение свободы служит общим принципом их» (*Чернышевский*, Капитал и труд, VII, 17). Такая позиция в принципе исключает подавление личности, ее пристрастий, претендую только на воспитание.

Как такая вятная позиция перверсно перешла в ленинскую диктатуру, сказать не берусь. На это ответил современник и противник Чернышевского, профессор Цион, тем не менее, достаточно точно показав, как призыв к буржуазному предпринимательству поняли как призыв к бомбометанию: «Европеец спросит вас: кто такой Чернышевский? Вы ему ответите и скажете, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов <...>, роман "*Что делать?*", сделавшийся, однако, евангелием нигилистов. Вы ему покажете книжку Степняка, где он на стр. 23 увидит, что роман "*Que faire?*" предписывает троицу идеалов: *независимость ума, интеллигентную подругу и занятие по вкусу* (курсив в тексте). Первые две вещи нигилист "нашел под рукой". <...> Оставалась третья заповедь – "найти занятие по вкусу". Долго нигилисты колебались и были в отчаянии, что не могли раскусить мысли Чернышевского... <...> Но вот наступил 1871 год!... Он в волнении следил за перипетиями страшной драмы, происходившей на берегах Сены... <...> Ответ был найден. Теперь юноша знает, что он обязан сделать, чтобы остаться верным третьей заповеди романа Чернышевского. Парижская коммуна послужила ему комментарием для романа!»²³.

Как писал Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Но все же еще Шиллер говорил (потом повторил эту мысль Гегель), что суд истории – это всемирный (или Страшный) Суд. И, думается, на этом Суде будет ясно, кто искал истину и добро, а кто внешнего успеха и политической власти.

Примечания

¹ Стоит, немного забегаая вперед, напомнить мысль Чернышевского о том, что добро для каждого человека определяется добром Другого. Как свобода в отличие от воли, не видящей Другого, ограничена свободой Другого, так и Добро: «Добрым человек бывает тогда, когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим; злым он бывает тогда, когда принужден извлекать приятность себе из нанесения неприятности

другим» (*Чернышевский Н.Г.* Антропологический принцип в философии // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. VII. М., 1950. С. 264). В дальнейшем все ссылки на это издание даны в тексте). Именно в зле другому Ленин находил приятность себе.

² *Бердяев Николай.* Русская идея. СПб., 2012. С. 141

³ Стоит сослаться на Валентинова-Вольского: «Мне казался каким-то курьезом, что такая тусклая, нудная, беззубая вещь как «Что делать» могла «перепахать» Ленина, дать ему «заряд на всю жизнь». Как небо от земли была далека от меня мысль, что есть особая, скрытая, но крепкая революционная идеологическая, политическая, психологическая линия идущая от «Что делать» Чернышевского к «Что делать» Ленина и речь идет не только о совпадении заголовков» (*Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 109–110).

⁴ *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Л., 1975. С. 132.

⁵ *Степуи Ф.А.* Сочинения (Вступительная статья, составление, комментарии и библиография В.К. Кантора). М., 2000. С. 635.

⁶ Там же. С. 351.

⁷ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 113–114.

⁸ Стоит отметить, что самым широко читаемым журналом «Современник» сделали не романы русских писателей, а статьи Чернышевского. Именно он стал первым святым и пророком русской культуры в девятнадцатом веке – до Достоевского, Льва Толстого и Владимира Соловьева.

⁹ *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 21–22.

¹⁰ Продолжу уже цитированную фразу Бердяева: «Он говорил: я борюсь за свободу, но я не хочу свободы для себя, чтобы не подумали, что я борюсь из корыстных целей. Так говорил и писал «утилитарист». Он ничего не хотел для себя, он весь был жертва» (*Бердяев Николай.* Русская идея. С. 142).

¹¹ *Кассирер Эрнст.* Философия Просвещения. М., 2004. С. 41–42.

¹² *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 181.

¹³ Там же. С. 182.

¹⁴ См. *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). С. 322.

¹⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 2005. С. 79.

¹⁶ *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

¹⁷ *Нечаев С.Г.* Катехизис революционера // Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. / Документальная публикация под редакцией Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 244.

¹⁸ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. М., 2008. С. 447.

¹⁹ *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). С. 164.

²⁰ *Бакунин Михаил.* Исповедь. СПб., 2010. С. 184.

²¹ *Соловьев В.С.* Из литературных воспоминаний. Н.Г. Чернышевский // *Соловьев В.С.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 644.

²² См. *Кантор В.К.* Университеты и профессорство в России // *Вопросы философии*, 2013, № 6. С. 16–28.

²³ *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм // *Русский вестник*, 1886. № 6. С. 776–777.

ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ В ЯПОНИИ МОНОГРАФИИ «А. И. ГЕРЦЕН: ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО»

В 2012 году 6 апреля в московском доме-музее Герцена проходило празднование 200-летней годовщины со дня рождения А.И. Герцена. Мы с двумя моими коллегами из Японии принимали участие в этом мероприятии. И хотя в этот день вместе собрались многочисленные потомки Герцена из Европы и Америки, исследователей выдающегося публициста Герцена было на удивление мало. Один из немногих – Мицуо Наганава, опубликовавший в Японии монографию «А. И. Герцен: его жизнь и творчество» в начале 2012 года. Он передал свою книгу в дар музею. Сегодня я передаю музею эту книгу вместо автора.

Как вы видите, это огромный труд. При взгляде на данную монографию думается о том, что предпринятые автором на протяжении полувека исследования и переводы произведений Герцена явились подготовительными этапами на пути создания этого большого труда. И среди них, безусловно, полный трехтомный перевод мемуаров Герцена «Былое и думы» (издан в 1998–1999 гг.), ставший своего рода трамплином для данной работы. Этот перевод является также прекрасным проявлением преемственности в науке, поскольку завершает перевод «Былого и дум», унаследованный автором от своего учителя Юкихико Канэко. И надпись на титульном листе: «Памяти отца, матери и моего учителя Юкихико Канэко посвящаю» несет в себе глубокий смысл.

Осознававший себя продолжателем дела Герцена, Р.В. Иванов-Разумник отличительными чертами интеллигенции, наряду со свободой от интересов своего сословия («внесословность») и преодолением мелкобуржуазности («антимещанство»), считал уважение к наследованию («преемственность»). В этой связи слово «преемственность» представляется одним из ключевых понятий в приуроченном к 200-летию юбилею со дня рождения писателя издании в 2012 году биографии Герцена.

Герцен родился в Москве в 1812 году, когда Наполеон со своим войском вторгся в Россию и был изгнан оттуда, и скончался в Париже, куда он приехал по делам, как раз за год до Парижской коммуны. Временные рамки его жизни приходятся на самую середину XIX века.

С точки зрения истории общественной мысли, этот период можно назвать временем зарождения идеологии современной эпохи и последовавшего за ним этапа развития общественной мысли настоящего времени. Одним из проявлений этого стала идеология социализма. Иными словами, эпоха, когда жил Герцен, явилась процессом формирования капиталистического строя и временем, когда определилась бичующая капиталистические противоречия идеологическая система социализма. Разумеется, капиталистическое развитие было неоднородным, а

социалистическая идеология была довольно разнообразна. Среди всего этого Герцен, принимая социализм Сен-Симона, диалектику Гегеля и прочую западноевропейскую философию и общественную мысль, размышлял над современным значением России, выдвинул теорию «русского социализма» на основе русской крестьянской общины и создал теоретическую базу для последующего народничества. Однако не имевший достаточных экономических знаний Герцен не оставил после себя идеологической системы – «изма», подобно Марксу и Ленину, равно как и не создал блестящих произведений, украшающих историю мировой литературы, подобно Достоевскому и Толстому. Но его мемуары «Былое и думы» представляют собой великолепный сплав литературы и истории, и поныне не имеющих себе равных блестящий шедевр. В этом произведении заключается послание мыслителя Герцена современному миру. А данная «Критическая биография» как раз и является попыткой расшифровать послание Герцена нашему сегодня.

Во вступительной части своей работы автор заявляет, что «данный труд написан в ознаменование 200-летнего юбилея со дня рождения Герцена», и заблаговременно проясняет свою позицию в развернувшихся вокруг идейного наследия Герцена спорах, что стало особенно заметно после 1912 года, когда отмечался 100-летний юбилей со дня рождения писателя.

Автор рассматривает Герцена не как расхожий в советское время образ «революционного демократа» – предшественника русского революционного движения, а как страдающего живого человека («личность»), противостоящего всяческому деспотизму и зыскующего достоинства и свободы, и в этой трактовке Герцена он разделяет взгляды английского мыслителя Исайи Берлина и автора пьесы «Берег Утопии» Тома Стоппарда.

Герцен жил в эпоху подъема капитализма и наступавшего периода расцвета социалистической идеологии, бичующей противоречия капиталистического строя.

Но февральская революция 1848 года во Франции завершилась, не дав социализму расцвести, над последним возобладала идея национализма, а февральская революция стала исходной точкой на пути поражения Парижской Коммуны.

На фоне таких исторических событий автор книги «А.И. Герцен: его жизнь и творчество» подразделяет жизнь Герцена на четыре периода. Первый период: 1812–1840-е годы, второй период: 1840–1847-е годы, третий период: 1847–1852-е годы, четвертый период: 1852–1870-е годы. Грубо говоря, первый период – это время самостановления Герцена, юный период «любви и революции». Второй период – время идеологического взросления, период рождения первых философских и литературных произведений. С точки зрения истории общественной мысли, этот период можно назвать временем теоретических споров между славянофилами и западниками. Третий период – эмиграция в Европу и время разочарования в «любви и революции», период «семейной драмы» Герцена, подробно описанной в

«Романтических изгнанниках» Э.Х. Карра. Четвертый период – переезд в Лондон, основание Вольной русской типографии, послужившее началом кульминационного периода публицистической деятельности Герцена, иными словами, «время прилива». И «время отлива», когда после польского восстания 1863 года Герцен и его Вольная русская типография стали стремительно утрачивать свое влияние и поддержку.

Характеристика первого и второго периодов представляется самым лучшим местом данной монографии. Здесь перед нами развернуто глубокое исследование «любви и эгоизма» Герцена. Перевод цитируемых при этом материалов иначе как превосходным не назовешь. В частности, переписка между находившимся в ссылке Герценом и жившей в Москве Наталией, вплоть до ощущения свежести, живо иллюстрирует процесс формирования личности молодого Герцена («живого человека»). В истории русской литературы эта эпоха, наряду с упоминанием имени Пушкина, является «золотым веком», за которым последовало время появления русской интеллигенции. Впечатляет и поражает стремление автора ощутимо передать не только облик Герцена 1830–40-х годов, но и окружавшую его идеологическую атмосферу. Приведем один пример. Знакома читателей с потрясшим тогдашние образованные круги «Письмом к Гоголю» Белинского, автор пишет: «Письмо это длинное, но если это письмо сократить, то жизнь из него уйдет». И, насколько возможно, автор старается донести до читателя «жизнь» этого письма. Из такой позиции автора и выкристаллизовывается превосходное сочетание истории и литературы в книге «А.И. Герцен: его жизнь и творчество». Кроме того, тщательно анализируя такие важные произведения раннего Герцена, как «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», автор четко описывает процесс перехода Герцена от романтизма Шеллинга к философии Гегеля. При этом автор указывает как на очень важный момент, что, принимая философию Гегеля, Герцен не принял того, что следует назвать ядром философии Гегеля – его «абсолютного духа».

События, составляющие центральную часть третьего периода, а именно: эмиграция в Европу, разочарование в февральской революции, утрата жены, матери, сына, то есть, «семейная драма», переезд из Парижа в Лондон, проходят перед нами от первого до последнего действия в «душевной драме» Герцена. В важнейшем из написанного в те годы сочинении «С того берега» автор «Критической биографии» указывает на тенденцию Герцена к разграничению понятий «народ» и «масса». В «массе» Герцен увидел «социализм мщения», «коммунизм». Его недоверие к западной философии подкреплялось чувством утраты народа (массовизация народа).

Критикуя теорию «русского социализма» Герцена, изложенную в написанных Герценом после февральской революции сочинениях «Россия», «Русский народ и социализм», «О развитии революционных идей в России», автор строго оценивает ее, как «не имеющее научных оснований

произвольное рассуждение», и признает справедливость критики марксиста Мозеса Гесса в отношении «русского социализма» Герцена, как излишне приверженной национальному моменту идеологии. Но при этом подчеркивает современное значение рассуждений Герцена, касающихся «импровизации истории» и моральных возможностей русского народа.

«История не есть процесс непрерывной реализации разнообразных идей трансцендентальной философии, напротив, она преисполнена всевозможных случайностей и может всячески изменяться в зависимости от подхода человека» – такое утверждение Герцена более подобает нынешнему поколению, утратившему «Большую теорию» (Grand Theory). «Более того, проницательное суждение Герцена о том, что само направление истории может изменяться под воздействием природных потрясений, является поистине современным».

Четвертый период описывает наивысший подъем в деятельности Герцена и последовавшую за ним быструю изоляцию. В то время Герцен с его Вольной русской типографией активно способствовал движению, приведшему к обнародованию Манифеста об отмене крепостного права Александром Вторым.

Бывшая трибуной свободного слова газета «Колокол» стала местом открытых дискуссий («форумом») русской интеллигенции. Однако попытки Герцена добиться общественного согласия в России встретили отпор как справа, так и слева. Герцен пишет письмо Александру Второму и осуждает действия молодого поколения как «очень опасные!».

В советское время изучение Герцена этого периода заключалось, вслед за Лениным, в исследовании его «либеральных колебаний». Но автор «А.И. Герцен: его жизнь и творчество» замечает по этому поводу, что Герцен рассчитывал на осуществление своего особого «социализма» и несколько не «колебался». Совершенно верно! Скептицизм Герцена только с точки зрения непоколебимого фундаментализма выглядит как «колебания». «Смелый скептицизм Герцена» (Чешихин-Ветринский) разоблачает «насилие истории» в эсхатологических учениях исторической закономерности и миллениаризма.

В эпилоге автор пишет, что за скептицизмом Герцена стоит моральное чувство долга по отношению к народу, то есть к крестьянству, и указывает на «волюнтаризм, признающий основным движущим стимулом истории именно нравственность человека». Логосом истории является сам человек.

Автор «А.И. Герцен: его жизнь и творчество» на своем исследовательском пути добросовестно накапливал материал по изучению Герцена раннего периода. Будучи студентом, он рассматривает раннее сочинение Герцена «Сорока-воровка», а также «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Что касается «Семейной драмы», обнаруженной после выхода в свет «Собрания сочинений А.И.Герцена в 30 томах», то исследователь не только с неослабным вниманием просматривал новые материалы, помещаемые в сборнике «Литературное наследство» и в

«Летопись жизни и творчества А.И. Герцена», но и не раз побывал в Бахметьевском фонде в Америке, запрашивал там материалы Родичева – человека, считавшего себя преемником Герцена, и так далее, и тому подобное. В результате таких огромных стараний и появилась данная книга.

Чтобы написать такую критическую биографию, необходимо многолетнее накопление диалогов с предметом этой биографии. Кроме того, выдающиеся критические биографии приглашают к диалогу с предметом биографии и ее читателей. «А.И. Герцен: его жизнь и творчество» Наганава представляет собой именно такое сочинение. Оно показывает нам, что человек способен учиться у **прошлого**, **мыслить** и благодаря этому возделывать землю **знания** и получать на ней богатый урожай (выделено мной, С.К.).

Для русской интеллигенции в ее стремлении к учению, **науке** (выделено мной, С.К.), неперемными условиями последней были «интеллектуальное единение и преемственность». Герцен направил острие своей критики не только на радикалов молодого поколения, но и на тех, кто с насмешкой попирает «интеллектуальное единение и преемственность».

В свете всего вышесказанного я от души приветствую выход этой книги к 200-летию юбилею Герцена.

О. В. Кочукова

**«КУМИР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»:
ИЗ ОПЫТА ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОКАМИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-х – НАЧАЛА 1860-х гг.**

Отрезок времени накануне первой из «Великих реформ» – отмены крепостного права – по историческим меркам, достаточно непродолжительный (1855–1861), был чрезвычайно наполнен не только политическими событиями и явлениями (поражение в Крымской войне, смена лиц на престоле, подготовка крестьянской реформы), но и стремительными изменениями в сознании общества. Этому процессу уже современники дали разные названия, среди которых: «умственная революция», «канун освобождения», «переходное время», «эпоха обличения». Современники четко сознавали, что происходящее – не просто изменения во взглядах и настроениях, а настоящий переворот в политическом мировоззрении, стремительный и необратимый. В одном из эпистолярных источников эпохи читаем: «...Вы решительно не можете себе представить, до какой степени общественное мнение выросло и переродилось. Как будто по мановению какого-то волшебного жезла все изменилось вокруг Вас: Вы живете в новом каком-то мире ... Это не то, что подлецы из низости и расчетов стали вторить новому голосу нового

владыки. ... Нет! Это скорее похоже на то, как будто бы публика вдруг одумалась, очнулась и поняла, что она до сих пор делала какой-то неестественный вздор. И поверьте, все это делается не по давлению и камертону свыше, а как-то самопроизвольно, вследствие внутреннего какого-то непреодолимого толчка¹.

Во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. общественное мнение впервые проявило себя в качестве значимого фактора политической жизни России со всей силой и убедительностью, что признавали многие современники. Внутренний кризис, вызванный Крымской войной (своего рода «внешний вызов» сложившейся социально-политической системе), вынудил самодержавную власть доверить «просвещенным бюрократам» инициативу преобразований. Александр II, приступая к реформам, надеялся возвысить образ власти и приобрести поддержку в образованном обществе. Ожидания власти и общества, в конечной перспективе, могли быть очень отдаленными (по предположениям самодержавия, реформы должны были отдалить ряд перемен в ее взаимоотношениях с обществом, которые, напротив, входили в чаяния его лидеров). Многие послабления правительственного курса были вызваны простой необходимостью уступить стихийно сложившейся обстановке, признать то, что уже фактически стало реальностью. Критический пафос общественного мнения, проявившийся в распространении рукописной «подземной» литературы, создавал неуправляемую ситуацию для власти. В этих условиях приходилось смириться с мыслью, которую удачно сформулировал Я.П. Полонский: «Чем строже цензура, тем безцензурнее разговоры». Гласность возникала стихийно, снизу, раскрепощение духовных сил общества предшествовало реформам и явилось их предпосылкой².

В то же время гласность сознательно использовалась лидерами «либеральной бюрократии» для распространения и утверждения своей программы реформ, для того, чтобы исключить возможность ее пересмотра, попятного движения правительства. Правительство шло в хвосте событий, но в скором времени гласность была взята на вооружение и превратилась в инструмент политики самодержавия. Такая перемена объяснялась как необходимостью получения самодержавной властью «общественной санкции» на проведение реформ, так и ожиданием «общественных инициатив» как инструмента преодоления консервативного отторжения реформ правящей элитой и «крепостническим большинством» дворянства. Влиятельный представитель либеральной бюрократии А.В. Головин употребил весьма характерный термин: «искусственная гласность». Он полагал, что известное издание 1850-х гг. «Морской сборник» должно было стать средством, позволяющим «для законодательных работ создать, так сказать, искусственную гласность и усиленно вызывать полемику и борьбу разных мнений всего сословия, для которого закон пишется»³. Этот термин не только указывает на желание власти учесть спектр различных мнений по разным вопросам (следовательно, на изменение политики в области

информации), но и на стремление придать гласности управляемый характер. «Искусственная гласность» предполагала и такую ситуацию, когда «либеральные чиновники» провоцировали появление полемики, и это свидетельствовало о глубине их политических расчетов. Находившиеся в явном количественном меньшинстве в высших кругах и дворянской массе в целом либеральные реформаторы создавали себе опору в общественном мнении, печати и т.п. (Еще А.С. Пушкин замечал, что, в конечном счете, ни одна власть не устоит против сокрушительных ударов типографского станка).

Распространенные в образованном обществе настроения были весьма разнообразными. Среди них преобладали критицизм в отношении к недавнему прошлому и к настоящему положению дел абсолютно во всех сферах общественной и государственной жизни, «обличительство», направленное как на явления и процессы социально-политической реальности, так и на отдельные лица в бюрократическом аппарате. Гласность, критицизм и «обличительство» сочетались с общим приподнятым, воодушевленным настроением, ростом общественной активности. В этом море мыслей и эмоций общей и неперменной становилась надежда на лучшее будущее и грядущие изменения в политике и жизни. При этом эмоциональный фон варьировался от мрачных настроений, вызванных горечью поражения в Крымской войне, до приподнятого, воодушевленного ожидания предстоящих перемен. Интересные соображения на этот счет встречаем в записке Р.А. Фадеева «Причины распространения нигилизма» (1871). Важным обстоятельством, определившим качественные характеристики общественного мнения в России, Фадеев считал момент его зарождения. По его мнению, это был завершающий этап Крымской войны, когда в восприятии действительности преобладали отрицательные эмоции обиды и оскорбления. С точки зрения Фадеева, общественные настроения того периода лучше характеризует не слово «мнение», а слово «увлечение». Оно «истекло не из мнения, а из чувства, из общего настроения». Это было «нравственное возмущение против государственной власти»: «Оно было ничем иным, как загнанным внутрь чувством народной гордости и минутно пошатнувшимся доверием к династии, не умевшей, да простится мне выражение, застраховать за Россией победы, вошедшей привычкой в плоть и кровь русского человека»⁴. Именно вследствие этого, с точки зрения Р.А. Фадеева, общественное мнение приобрело «форму всеобщего отрицания».

Общество, в котором невероятно быстро иссякали влияние и популярность защитников «старого режима», голоса которых совершенно исчезли в общем хоре, одновременно выносило приговор всей традиционной системе («Прежняя система отжила свой век», по выражению М.П. Погодина⁵), давало ей многочисленные уничтожающие характеристики (к примеру, фраза П.А. Валуева «Сверху блеск, внизу гниль»)⁶ и демонстрировало готовность инициировать, принимать и обсуждать

различные проекты преобразований. Эти проекты преобразований, как и обличительные тексты с критикой различных сфер государственной жизни, большей частью составили так называемую «рукописную литературу», переходили из рук в руки, а по мере частичного признания гласности со стороны власти, некоторые из них печатались.

Одна из ведущих тенденций в становлении общественного мнения накануне «эпохи Великих реформ» – ощущение разрыва преемственности поколений, связи исторического прошлого, настоящего и будущего. Отказ от наследия недавнего прошлого воспринимался как непереносимое условие дальнейшего развития. Такому сознанию как никогда более было неприятно известное суждение графа А.К. Бенкендорфа: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение»⁷.

Громко провозглашенный разрыв преемственности между двумя эпохами, двумя царствованиями, нигилизм по отношению к прошлому, были, видимо, весьма естественным фоном в период перехода к масштабному реформированию страны. «Обличение» прежней системы становилось орудием реформаторских сил и видимым образом, символом, служившим их консолидации. «Эпоха обличения» – явление не единичное в истории, и даже, скорее, типичное в периоды перед началом структурных реформ или революций. Несколько позже современники уже очень по-разному оценивали состояние умов после Крымской войны, и некоторым «эпоха обличения» стала представляться «болезнью времени». Критика мировоззрения реформаторов исходила, конечно же, от представителей консервативной мысли, потерявших в конце 1850-х гг. дар слова.

Разумеется, «болезни времени» захватывали сознание не всего общества, а прежде всего наиболее активной, передовой его части, которую современники нередко определяли как «образованное меньшинство». Вообще же, эксплуатация образа истинно просвещенного и прогрессивного меньшинства – весьма характерное явление эпохи. Так, один из самых видных идеологов «партии реформаторов» К.Д. Кавелин писал уже в 1875 г.: «Все великое в России совершалось незаметным меньшинством в ту минуту, когда власть была расположена это сделать»⁸.

Эта тема соотношения ретроградного большинства и прогрессивного меньшинства общества настолько занимала, к примеру, А.М. Жемчужникова (одного из соавторов творческого союза, создавшего литературный псевдоним «Козьмы Прутков»), что он предпослал своему очерку «Переходное время» великолепное противопоставление двух эпиграфов⁹. Первый – строки из поэзии В.А. Жуковского: «О, родина святая! Какое сердце не дрожит, тебя благословляя!» Второй – из поэзии Н.А. Некрасова: «Наперечет сердца благие, которым родина свята». В первом высокие патриотические чувства и возвышенная духовность атрибутируются большинству общества, во втором – претензии на них

оставлены только незначительному меньшинству.

Показательно то, что критический пафос общественного мнения был воспринят «либеральными бюрократами» как реальность, с которой непременно нужно считаться и которую необходимо использовать в своих интересах. В этом отношении весьма любопытно содержание предложения, сделанного в 1857 г. директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е.П. Ковалевским в письме к А.М. Горчакову. Сущность предложения сводилась к мысли о создании новой политической газеты в России в качестве органа, который бы «руководил публикой в различных и не всегда благоприятных правительству мнениях». Непременным условием достижения намеченной цели автор письма считал допустить выражение критических настроений: «Практически дознано, что всякое оправдание и неуместно выраженная похвала правительственных мер, — как бы они полезны ни были, — наводит на мысль, что в них скрывается какое-нибудь недоброе намерение»¹⁰.

Изучение параметров, проявлений и исторической роли общественного мнения накануне крестьянской реформы 1860-х гг. требует всестороннего подхода. В отечественной историографии размышления исследователей о феномене общественного мнения находятся, как правило, в связи с изучением различных аспектов взаимоотношений власти и общества¹¹.

В одном из современных исследований, посвященных истории клубов в России, затронут вопрос о механизмах формирования, инструментах и социальных очагах функционирования общественного мнения¹². Но все еще недостаточно изучены теоретические представления современников по обозначенной проблеме, то есть совокупность созданных ими концепций «общества» и «общественного мнения». Эта тема обозначена в статье Т.В. Андреевой, которая, в частности, рассмотрела отдельные опыты ее анализа современниками¹³.

Безусловно, исследование феномена общественного мнения в России 1850–1860-х гг. требует анализа представлений о нем лидеров общественного движения эпохи. К их числу относились К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и Н.Г. Чернышевский. В их политическом мировоззрении нашли отражение различные способы решения вопроса о соотношении интересов и пределах влияния общественного мнения и государственной власти.

Фактор общественного мнения, начиная с середины 1850-х гг., приобретал для К.Д. Кавелина все большее значение. В этот период Кавелин совершенно четко сознавал роль поражения в Крымской войне и подъема общественного мнения как факторов, вынуждавших правительство перейти к реформам. В дальнейшем он переходит к размышлениям о необходимости выработки особой тактики воздействия на власть, тактики постоянного и рационально организованного интеллектуального давления на нее со стороны общественного мнения. Кавелин подчеркивал необходимость организованного давления либерального общества на верховную власть с

целью удержания ее в русле реформ. Именно поэтому он считал необходимым достижение единства в общественном мнении. «То ли дело, – писал он М.П. Погодину, – если все голоса будут заодно, чем когда каждый поет свое и немощен в одиночку»¹⁴.

Цели формирования общественного мнения и его консолидации для организованного интеллектуального давления на власть служило распространение так называемой «рукописной литературы». В 1855 г. К.Д. Кавелин выступил с инициативой создания серии статей на общественно-политические темы¹⁵.

Осознание исторической роли общественного мнения в конкретной политической ситуации, и в то же время стойкое убеждение в безусловной необходимости механизмов самодержавного государства для успешного масштабного реформирования страны стали причинами корректировки либеральной идеологии. «Либерализм по-Кавелину» означал не план борьбы с самодержавием с целью его конституционного ограничения, а программу давления на него с целью незаметного для самой власти подчинения либеральному общественному лагерю и использования потенциала государственных механизмов управления.

Разработка тактики воздействия на власть хорошо видна из основного содержания «Записки о письменной литературе», присланной А.И. Герцену и опубликованной в первой книге «Голосов из России». В советской историографии была выдвинута убедительная версия об авторстве этой «Записки»: Н.Н. Захарьин (Я.З. Черняк) аргументировал мнение о ее принадлежности Кавелину¹⁶. Все усилия автор «Записки» приложил к тому, чтобы доказать (очевидно, представителям власти), что за распространением рукописной литературы не стоит никакое тайное общество, и в России «заговорщиков нет», то есть, нет угрозы престижу и безопасности государственной власти со стороны общества. И поэтому правительство должно отказаться от «полицейских мер» борьбы с проявлениями общественного мнения. Фактически это означало требование свободы печати и гласности, но выраженное не в ультимативной форме, а в форме подсказки правительству, как найти удобный выход из сложившейся ситуации. Аргументом являлось следующее положение: «...высказанное неудовольствие теряет половину силы. Но уничтожьте этот, в сущности, безвредный способ выражать свою оппозицию, и вы дадите ей другое, более опасное направление»¹⁷. Таким образом, выбранный тон диалога с властью был подчинен общему плану отказа от открытой борьбы с ней и перехода к тактическому союзу, со скрытым намерением подчинить ее своим интересам (интересам либерального развития).

Однако, для того, чтобы заставить власть прислушаться к голосу общественного мнения, нужны были дополнительные средства, делающие этот голос более громким и различимым. Для Кавелина было очень характерным стремление использовать радикальное течение освободительного движения в целях давления на власть. В январе 1858 г. он

обращался к А.И. Герцену с призывом «быть возвестителем нашей гнили и мерзости»: «Делай то, что ты теперь делаешь, только в еще сильнейшей степени — печатай все гнусности, злодейства ... с именами, но будь еще осторожнее с царской фамилией»¹⁸. «Обличительство» как черта общественного мнения 1850—1860-х гг., можно сказать, было частью программных убеждений Кавелина.

В 1850-е гг. К.Д. Кавелин смог занять одну из ведущих позиций в формировании общественного мнения России и, особенно, в разработке либеральной программы и тактики ее осуществления. Это во многом объяснялось стремлением Кавелина к общественному единению, компромиссу различных политических сил и идеологических систем. В условиях борьбы за осуществление крестьянской реформы тактика союза прогрессивных общественных сил была перспективной и реалистичной. Но в начале 1860-х гг. на повестке дня, напротив, встал вопрос о дифференциации общественного движения. Причины заключались как в усложнении социальной реальности и возникновении большого числа дискуссионных для общественного мнения тем, так и в естественных последствиях частично допущенной гласности, делавшей эти дискуссии возможными. Тот вариант апелляции к общественному мнению, который был представлен в общественной деятельности Кавелина, подвергался пересмотру и «справа», и «слева».

Размышления о природе и характере общественного мнения в России стали важной основой для «консервативного либерализма» Б.Н. Чичерина, выступившего в начале 1860-х гг. с известным лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Уже в конце 1850-х гг. по различным конкретным причинам возникали идейно-политические разногласия К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Они по-разному смотрели на проблему централизации государственного управления, на университетский вопрос, их различало отношение к публицистике и деятельности А.И. Герцена. За частными разногласиями обозначался фундаментальный и принципиальный для общественного движения в России вопрос о пределах государственной и общественной инициативы в реформаторском процессе, и в целом о соотношении позиций власти и общества. В принципе, Кавелин тоже мог бы устроить лозунг «либеральные меры и сильная власть», но он не верил в его реалистичность в конкретно-исторической ситуации. Кавелин сознавал факт постоянного тяготения государственной власти к реакционным отступлениям от реформаторского курса и считал нужным организовать этому противодействие со стороны общественного движения. Для Чичерина, напротив, более значимой становилась проблема негативных характеристик в становлении и развитии общественного мнения как фактора политической жизни России. В определенном смысле Б.Н. Чичерин стоял у истоков консервативной критики общественного мнения в России: он одним из первых поднял вопрос о допустимых границах его обличительного потенциала и критического пафоса и попытался противопоставить

«обличительному» мнению «охранительные начала», считая, что ценности прогресса и традиций должны быть уравновешены в историческом процессе.

В серии статей, написанных на рубеже 1850–1860-х гг. и объединенных в издании 1862 г. под общим названием «Несколько современных вопросов», Чичерин много внимания уделил выявлению критически-обличительного, разрушительного вектора развития общественного мнения. Нельзя не заметить, что Чичерин, наряду с Кавелиным, в середине 1850-х гг. возлагал самые большие надежды на фактор общественного мнения и содействовал развитию настроений критики в применении к «старому режиму», но после свершения крестьянской реформы 1861 г. логически неизбежное продолжение «обличительства» он считал уже политически опасным явлением. По этому поводу он писал: «Теперь, когда дышать стало свободнее, когда преобразования на каждом шагу открывают новую возможность действовать, все еще продолжается прежний вопль. Мало того: он усиливается с каждым днем. Никто не хочет видеть того, что совершилось и совершается; преобразования встречаются всеобщим равнодушием, если не враждою. Забывают громадные государственные меры и устремляют все внимание на мелкие интриги бюрократов»¹⁹.

В разработанной Чичериным типологии видов либерализма в России особое место уделяется так называемому «оппозиционному либерализму», который спекулирует болезненным состоянием общественного мнения. Он замечал: «Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением... Русский либерал выезжает на нескольких громких словах: свобода, гласность, общественное мнение, слияние с народом и т.п., которым он не знает границ... Оттого самые элементарные понятия: повиновение закону, потребность полиции, необходимость чиновников кажутся ему порождением возмутительного деспотизма. Этот присущий русскому обществу и глубоко коренящийся в свойствах русского духа элемент разгульной свободы, которая не знает себе пределов и не признает ничего, кроме самой себя, — это именно то, что можно назвать казачеством»²⁰. Весьма примечателен избранный Чичериным ложный способ объяснения феномена общественного мнения в России «через менталитет русского народа», в то время как в действительности, описываемые им процессы и явления были общим признаком общественного развития периодов революций и масштабных реформ; ссылки на давнюю историю здесь вряд ли были более убедительны, чем уяснение характерных черт современности.

Размышления Б.Н. Чичерина над проблемой общественного мнения вызвали категорическое несогласие Н.Г. Чернышевского, написавшего статью «Чичерин как публицист» (1859). Внимание Чернышевского привлекла следующая фраза Чичерина: «Когда вследствие исторических обстоятельств один из существующих элементов государства развивается в

ущерб другим, тогда общественное мнение чувствует невыгоды исключительного направления, естественно влечется в противоположную сторону. Редко при этом сохраняется чувство меры... Общественное мнение, заходя за пределы разумных требований, идет к полному отрицанию тяготеющего над ним элемента»²¹. Чичерин считал, что публицист не должен льстить увлечению умов и «искажать истину в угоду кумиру общественного мнения». Чернышевский, напротив, полагал, что главное достоинство публициста – «живое сердце», и его задача совершенно не похожа на задачу ученого, а потому он должен стремиться не к взвешенной правомерности объективных формулировок, а к чуткому выражению и пояснению «тех потребностей, которыми занято общество в данную минуту»²².

Полемика Чернышевского и Чичерина, естественно, не сводилась к определению задач публицистики. Два мыслителя по-разному оценивали потенциал общественного мнения в России и совершенно различно понимали вопрос о допустимых границах развития его «обличительного» потенциала. Иронизируя над опасениями Чичерина по поводу радикализации общественных настроений, становящихся угрозой государственному порядку, Чернышевский писал: «... надобно полагать, что г. Чичерину нужен был необыкновенный запас мужества, чтобы защищать бюрократию и централизацию, эти драгоценности, совершенно изгнанные из нашего общества и беспощадно преследуемые в нем. Надобно предполагать, что он писал для общества, над которым владеют ультра-республиканцы, сажающие в тюрьму каждого, кто замолвит слово в пользу монархического порядка»²³. В конечном счете, содержание публицистических произведений Чичерина Чернышевский свел к «неуместным усилиям подавить то, что, право, вовсе не нуждается в подавлении»²⁴.

В современной политологии изучение параметров общественного мнения и его взаимодействия с властными институтами является одним из приоритетных направлений. Так, Д.П. Гавра считает возможным выделять шесть режимов взаимодействия власти и общественного мнения, расположив их в относительном порядке убывания давления первой и увеличения роли второго. Это следующие режимы: режим подавления общественного мнения со стороны властных структур; режим игнорирования общественного мнения; режим патернализма власти по отношению к общественному мнению; режим сотрудничества (взаимореализации); режим давления общественного мнения на власть; режим диктатуры общественного мнения²⁵. Дискуссии современников об общественном мнении как факторе политической жизни России накануне и в начале «эпохи Великих реформ» свидетельствуют о том, что вопрос о «режимах взаимодействия» власти и общественного мнения решался ими очень по-разному, порой до диаметральной противоположности оценок от «подавления» до «диктата». Думается, что такие суждения отражали

действительную противоречивость явлений и процессов, связанных с формированием и развитием общественного мнения в России.

Примечания

¹ Письмо *К.Д. Кавелина* к *С.М. Соловьеву*, 16 января 1856 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917 / Сост. *В.Ф. Антонов* и др.; Под ред. *В.Г. Тюкавкина*. М., 1990. С. 14.

² См.: *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4.

³ Цит. по: *Стаферова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 58–59.

⁴ Цит. по: *Порох И.В.* А.И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX в. Дисс... докт. ист. наук. Саратов, 1977. С. 374.

⁵ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874. С. 315.

⁶ *Валуев П.А.* Дума русского // Русская старина. 1891. Кн. 5. С. 354.

⁷ *Жихарев М.И.* Докладная записка потомству о П.Я. Чаадаеве // Русское общество 30-х гг. XIX в. М., 1989. С. 105.

⁸ *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 883, 885.

⁹ *Жемчужников А.М.* Переходное время // Русский вестник. Т. 31. 1861. Февраль.

¹⁰ Цит. по: *Порох И.В.* Указ. соч. С. 389–390.

¹¹ См., напр.: *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; Власть. Общество. Культура: Из истории общественных инициатив в России XVIII–XX вв. / Сост. *Леонов В.Г.*, науч. ред. *Васильева Т.А.* М., 2006; Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009.

¹² *Розенталь И.С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007.

¹³ *Андреева Т.В.* Теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения в России во второй половине XIX – начале XX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 256–263.

¹⁴ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды Погодина. Т. 14. СПб., 1900. С. 202.

¹⁵ *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1991. С. 115.

¹⁶ См.: Голоса из России. Вып. IV. Комментарии и указатели. С. 62–63.

¹⁷ *Голоса из России.* Кн. 1. М., 1974. С. 50.

¹⁸ Письма Кавелина к Герцену начала 1858 г. // Литературное наследство. 1955. Т. 62. С. 385.

¹⁹ *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 129.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ *Чернышевский Н.Г.* Сочинения.: В 2 т. М., 1986. Т.1. С. 649.

²² Там же. С. 650.

²³ Там же. С. 652.

²⁴ Там же. С. 654.

²⁵ *Гавра Д.П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ВЕХОВЦЫ

Двадцать лет разделяет знаменитый сборник «Вехи» и оставшуюся почти не замеченной в истории России смерть Н.Г. Чернышевского. Соединяет их противоречивый путь русской интеллигенции: народнические иллюзии, марксизм, отказ от наследства «шестидесятников», нищезанство, идеализм, революция и ее подавление. Для авторов нашумевшего сборника Чернышевский был давно прошедшей фигурой русского освободительного движения, из стремительных волн которого на историческую сцену вышел тип интеллигента-радикала, окруженного в общественном мнении ореолом фальшивой святости. «Вехи» были озабочены отсутствием у русской интеллигенции подлинно религиозного мировоззрения, которое только одно способно *перевоспитать* личность революционера, развернуть общественное мнение.

Чернышевский оставался знаменем «разночинской демократии» для революционных социалистов, марксистов. И именно они использовали его фигуру для доказательства «либерального ренегатства» (В.И. Ульянов-Ленин) «Вех». В многочисленных откликах на этот сборник выделяется 75-страничная книга приват-доцента Московского университета Владимира Максимовича Фриче «От Чернышевского к Вехам» (М., 1910). История русской интеллигенции здесь воспринята по марксистским схемам: «Чернышевский — это ее юность, полная героических порывов, жажды самопожертвования и гордого стремления вперед, юность, озаренная светлыми мечтаниями о царстве равенства и братства на земле. "Вехи" — это тот возраст, когда пылкий протестующий юноша сознательно становится степенным обывателем, который с пренебрежением отмахивается от былых героических мечтаний и с головою уходит в свою будничную работу, в свое мещанское житье-бытье»¹. Это есть не что иное, по мнению автора, как «приспособление к буржуазному строю»².

Сегодня мы говорим о «Вехах» как о последнем предупреждении в широком смысле русскому образованному обществу, к сожалению, проигнорированном. До появления сборника многие голоса потонули в журнальных полемиках и схватках. Вот что писал М.Н. Кагков в 1879 году: «Куда ни посмотришь, везде Лопуховы, Кирсановы и Веры Павловны. Тип расплодился, но с тем вместе из его среды выработалась дальнейшая метаморфоза. Коммуны незлобивых юношей и дев в венках и афинских костюмах, весело приходящих и уходящих, превратились в шайки чисто разбойничьего характера. Среди несметного множества Маниловых производят беспрепятственно свои операции Собакевичи нигилизма...»³. Тип революционера-радикала взял верх в исторической судьбе России и обернулся сначала явлением социалиста А.Ф. Керенского, отдававшего первые распоряжения об арестах царских чиновников в марте 1917-го, и

наконец, Ленина, развязавшего гражданскую войну в нищей и лапотной стране, уставшей от войны мировой.

Значит ли это, что Чернышевский идейно предвосхитил такое развитие событий? Не будем забывать, что семена социального радикализма разложили царский режим, одряхлевший и неспособный сопротивляться, подтолкнули к Февралю дворянский либерализм, всколыхнули русское крестьянство в лютой ненависти к барину, и пробудился, как образно выразился М. Булгаков, «корявый мужичонков гнев», который разрушил быт и бытие старой России. В статье «Русский духовный Ренессанс и журнал “Путь”» Н.А. Бердяев констатировал: «В революции произошел срыв русской культуры, перерыв культурной традиции, которого не произошло, например, во французской революции. Произошло низвержение культурного слоя. Н. Чернышевский победил Вл. Соловьева»⁴.

У С.Л. Франка в эмиграции есть глубокая мысль о *ложном и истинном радикализме*, о том, что тип ложного радикала из разных идейных лагерей, сословий, классов, сродни «блудному сыну», который бежит из отчего дома, отказывается от прошлого и предания. Ложный радикализм – «вера в *самочинность* отдельного лица и поколения... Чистый или отвлеченный идеализм или *рационализм*. Пафос *отрицания* его проникает, и хотя он имеет творческие потуги, но ему не удастся творчество, а только разрушение»⁵. Радикализм русского духа выразился в нигилистическом рационализме (Бакунин, Базаров Тургенева, персонажи романа Достоевского «Бесы»). Примечательно, что Франк не называет Чернышевского и даже Рахметова как литературного персонажа в этом ряду *ложных радикалов*. В противоположность им, истинный радикал заботится о благородстве помыслов, не разрушая до основания старое, он стремится к творчеству и свободе, обладает пророческим призванием. Примеры истинного радикализма – реформа католицизма, освобождение крестьян, перемена в мирозерцании Достоевского.

Был ли Чернышевский истинно *творческим* радикалом, или его радикализм ложный, основанный на отрицании и разрушении? Трудность ответа на этот вопрос в особом соединении и столкновении в рамках одной судьбы двух традиций в истории русской мысли и литературы: социально-радикальной и религиозно-мистической. Чернышевский – поначалу верующий христианин, сын священника, семинарист, как и многие радикалы, пришел к сомнению в своей религиозности, но без надрыва.

2 августа 1848 г. он записывал в «Дневнике»: «Кажется, я принадлежу к крайней партии, ультра; Луи Блан увлекает меня...»⁶ Не бравада ли это совсем молодого человека? Читаем далее, 20 января 1850 г. – вполне осознанное стремление: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т.д.»⁷. Отдаленная перспектива революции увеличивает людские страдания «низших классов».

Преклоняясь перед идеалом христианской любви (см. дневниковую запись от 23 сентября 1848 г.), Чернышевский ясно осознает свое фейербахианство: «В религии я не знаю, что мне сказать – я не знаю, верю ли я в бытие бога, в бессмертие души и т.д. Теоретически я скорее склонен не верить, но практически у меня недостает твердости и решительности расстаться с прежними своими мыслями об этом, а если бы у меня была смелость, то в отрицании я был бы последователь Фейербаха, в положении – не знаю чей, – кажется тоже его» (20 января 1850 г.)⁸. В характере своем Чернышевский находит апатичность, нерешительность, робкость и даже слабость.

По словам о. Г. Флоровского: «Это был кризис взглядов, даже не убеждений, и не верований. Не срыв... Такими серыми выглядят записи его дневников, где он говорит о своих религиозных колебаниях. Он и не верует, и не решается не верить. Промежуточной ступенью... у Чернышевского был религиозно-сентиментальный гуманизм...»⁹ Немецкий философ-идеалист и атеист Людвиг Фейербах основал антропологический подход к изучению религии. Фейербахианство означает «превращение и перерождение теологии в антропологию» (Л. Фейербах), то есть в ничто иное как «религию человекобожия» (С. Булгаков)¹⁰. Чернышевский под влиянием Фейербаха был в России «проводником» *атеистического гуманизма*, против которого выступили веховцы.

Обратимся к авторам сборника «Вехи»: все они участники социально-радикального движения, каждый из них испытал глубокую перемену в собственном мирозерцании (путь «от марксизма к идеализму» П. Струве, С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка). В ранней молодости они читали письмо Белинского к Гоголю, сочинения А.И. Герцена, роман «Что делать?» Чернышевского, статьи Добролюбова, Писарева, П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, русские переводы К. Маркса.

Опыт интеллигентского сознания давал им возможность критически воспринимать радикальные слова и поступки, прозревать будущее из настоящего под воздействием идей и образов Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева, Киреевских, Аксаковых, Н.В. Гоголя, А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева, М.Н. Каткова, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова, Б.Н. Чичерина, Ю.Ф. Самарина, Вл.С. Соловьева, немецкой классической философии, неокантианства и неохристианства, Шопенгауэра, Ницше. Появление «Вех» подготавливалось не только сборником «Проблемы идеализма» (1902) – манифестом критических марксистов. Немалое значение в развенчании господствующего материалистического мировоззрения имели книги Н. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) и «Sub specie aeternitatis» (1907), сборник биолога Вл. Фаусека «Сущность жизни» (1903), в котором пересматривался натурализм, публикации в журналах «Новый путь», «Вопросы жизни», «Русская мысль», заседания Религиозно-философского общества в Петербурге¹¹.

Участники «Вех» на тот момент, когда сборник был составлен, принадлежали к различным течениям политической жизни. Веховцы сами подчеркивали, что «должны говорить каждый за самого себя». Неоднородность сборника сразу же отметили и критики. Слишком выбивалась из общего русла позиция М.О. Гершензона, составителя «Вех», — этический индивидуализм. Ближе к церковной догматике стояли С. Булгаков и Н. Бердяев. Наибольшая солидарность отличала статьи П. Струве и С. Франка — осознание религиозного смысла культуры. Б.А. Кистяковский об идее права и А.С. Изгоев о революционной молодежи прямо выражали политическую платформу кадетской партии. Дальнейшее творчество веховцев лишь усилит обозначенные противоречия и придаст авторам ее больше разногласий. Некоторые взгляды будут заметно скорректированы до и особенно после революции 1917 года и гражданской войны («советизация» Гершензона, воцерковление С. Булгакова, спор Бердяева, Франка и Изгоева со Струве о сущности белого движения и борьбы с Советской Россией, Кистяковского и Струве по украинскому вопросу).

Непосредственно имя Чернышевского в «Вехах» упомянуто в статьях Н. Бердяева, С. Булгакова и П. Струве. Заслуживает внимания общая характеристика интеллигентского сознания, в котором просматриваются родовые черты «владельца дум» «революционной демократии», еще не ставившего вразрез личные идеалы с общественным развитием, еще не испытавшего в полной мере кризис демократии и идеи прогресса. Надо сразу отметить, что в суждениях веховцев о Чернышевском нет ничего лично-оскорбительного, подобно оценкам его современников из либеральной интеллигенции: например, восторга К.Д. Кавелина о ссылке Чернышевского, некоторых пассажей в переписке П.В. Анненкова и И.С. Тургенева и т.д. Веховцы хорошо читали Достоевского: «Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились» («Нечто личное», «Дневник писателя» за 1873 год).

Бердяев больше всего из авторов сборника писал о Чернышевском, стремясь выявить «философов» интеллигенции (Чернышевский, Писарев, Лавров, Михайловский): «Потребность в целостном общественно-философском мирозерцании — основная потребность нашей интеллигенции в годы юности, и властителями ее дум становились лишь те, которые из общей теории выводили санкцию ее освободительных общественных стремлений, ее демократических инстинктов, ее требований справедливости во что бы то ни стало»¹². Этими требованиями была подготовлена формула Н.К. Михайловского о *правде-истине* и *правде-справедливости*. В конечном счете, признавалась только одна правда — справедливости. Восторжествовал общественный утилитаризм.

Бердяев как-то заметил в «Мутных ликах» (1923 год!): «Революция произошла от духа Чернышевского, а не от духа Вл. Соловьева»¹³. На какой

же философской традиции сформировался этот «дух»? В сочетании материализма Фейербаха, просветительской рационалистической философии и социального утопизма. Сюда же следует добавить бессознательную религиозность, свойственную русскому народу. В 1860-е годы Чернышевскому Бердяев противопоставляет «настоящего философа» П.Д. Юркевича, создавшего оригинальное учение «философии сердца». Материализм же этого времени был примитивной формой философствования. Н.О. Лосский писал: «Ошибочная теория, сводящая все поведение всех людей к эгоизму, возникла у Писарева и у Чернышевского как логический вывод из метафизики материализма»¹⁴.

В конце жизни, пытаясь глубже проникнуть в существо личности Чернышевского и будучи уже «очень левым» мыслителем, Бердяев в книге «Русская идея» подробно обрисовал его нравственный портрет, смягчив отдельные черты радикала и впадая в неоправданное преувеличение: «Необходимо отметить нравственный характер Чернышевского... Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского "нигилизма" был почти святой... Он ничего не хотел для себя, он весь был жертва... Случай Чернышевского поражает несоответствием между довольно жалкой материалистической и утилитарной его философией и его подвижнической жизнью, высотой его характера»¹⁵. Аскетизм Чернышевского Бердяев признал неотъемлемой частью русской революционной интеллигенции.

В 1946 году он оправдывал мораль Чернышевского: «Мораль "Что делать?" должна быть признана очень чистой и отрешенной. Проповедь свободы любви есть проповедь искренности чувства и ценности любви как единственного оправдания отношений между мужчиной и женщиной»¹⁶. «Поздний Бердяев», осужденный Г. Федотовым, Иоанном Шаховским, Б. Зайцевым и многими русскими эмигрантами, вошел в противоречие с авторами «Вех» и с самим собой. Метаморфозы восприятия Чернышевского Бердяевым – предмет отдельного разговора.

В веховской статье С.Н. Булгакова говорится о двойственности «вождей русской интеллигенции» – Добролюбова и Чернышевском: «оба семинаристы, воспитанные в религиозных семьях духовных лиц», «сохраняют почти нетронутым свой прежний нравственный облик, который, однако же, постепенно утрачивают их исторические дети и внуки»¹⁷. Писарев и Михайловский, марксисты усилили нигилистическое отрицание. Чернышевский же не отказывался совсем от религиозных черт, христианского аскетизма, прежде всего, в жизненных проявлениях. Многие «религиозные идеалы» русской интеллигенции, о которых в общем смысле писал Булгаков, он сделал примером для последующего усвоения: героизм, жертвенность, мечта о светлом будущем, стремление спасти угнетенных от страданий, строгий нравственный облик, атеистическая вера.

Особый акцент Булгаков делает на отсутствии в трудах Чернышевского постановки национальной проблемы: «Интеллигенция еще не придумала национальной проблемы, которая занимала умы только славянофилов,

довольствуясь «естественными» объяснениями происхождения народности (начиная от Чернышевского, старательно уничтожавшего самостоятельное значение национальной проблемы, до современных марксистов, без остатка растворяющих ее в классовой борьбе)¹⁸. С.Булгаков подчеркивает «космополитизм» русской интеллигенции, неразвитость в ней ощущения национальной традиции и культуры.

В романе Чернышевского «Пролог» Алексей Волгин произносит слова о «рабской психологии» русского народа: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы...»¹⁹ Героя этого нельзя, конечно, отождествить с автором, но пронзительная мысль его лейтмотивна и не находит в романе должного опровержения. Отсутствие видения национальной судьбы России перейдет и к большевикам. Эту фразу Волгина, напрямую относя к Чернышевскому, с нескрываемым восхищением приводили и Ленин («О национальной гордости великороссов»), и Сталин («Тов. Демьяну Бедному»).

Чернышевский в веховской статье П.Б. Струве соотносится как *другой* «духовный тип» и с его далекими предтечами, и с ближайшими предшественниками и современниками: Новиков, Радищев, Чаадаев, Бакунин, Белинский, Герцен. Струве разводит «русский образованный класс» и «русскую интеллигенцию», родоначальником которой он провозглашает Михаила Бакунина: «Без Бакунина не было бы "полевления" Белинского и Чернышевский не явился бы продолжателем известной т р а д и ц и и общественной мысли. Достаточно сопоставить Новикова, Радищева и Чаадаева с Бакуниным и Чернышевским для того, чтобы понять, какая идейная пропасть отделяет светочей русского образованного класса от светочей русской интеллигенции»²⁰. Под «известной *традицией*» понимается традиция Бакунина и Белинского, замешанная на атеизме и социальном радикализме. Чернышевскому, как и Бакунину, Струве приписывает «атеизм в глубочайшем философском смысле», «с начала и до конца его деятельности»²¹.

Более определенно сопоставляется Чернышевский с Герценом: «Чернышевский по всему существу своему другой человек, чем Герцен. Не просто индивидуально другой, а именно другой духовный тип»²². Что автор имеет в виду? В работах веховцев находим ответы на этот вопрос. «Идейную пропасть» с веком Просвещения при наличии общей рационалистической основы мировоззрения²³, в 60-е годы – с культом естественных наук. Более низкий тип культуры по сравнению с Чаадаевым и «людьми сороковых годов». Жертвенность во имя революционных идеалов, аскетизм. Различие поколений – важнейший пункт. «Барство» Герцена и демократизм разночинца Чернышевского, «идеалист» и «мыслящий реалист», обитатель «московских салонов» и сторонник утилитарного знания, по природе своей догматичного. Оба разошлись в оценке крестьянской общины, краеугольного камня народничества.

Статья С.Л. Франка «Этика нигилизма» развенчивала один из основных

мифов русской интеллигенции – о ее высоких нравственных традициях. Имя Чернышевского не было упомянуто, однако, суть его этических воззрений отчасти просматривается в общей характеристике нравственного мировоззрения интеллигенции, присущего ей «нигилистического морализма», покоящегося на отсутствии веры в абсолютные ценности. Мораль становится самодовлеющей и прекращает служить конечной цели.

Разве не о Чернышевском вот эти тезисы Франка? Истина научная заменяется принципом пользы для жизни. Наука и искусство сами по себе – «опасная роскошь». Отказ от абсолютного религиозного идеала ведет к абсолютизации «человеческого, слишком человеческого». «Любовь к ближнему» становится важнее «любви к дальнему». «Символ веры русского интеллигента есть б л а г о н а р о д а»²⁴. Отсюда – стремление удовлетворить его земную нужду, *распределять* народное достоинство, а не накапливать национальное богатство. Русский интеллигент – враг самозаконной *идеи культуры*. Его социальный оптимизм порожден утопическими представлениями о народном счастье, причем в отдаленном будущем, о внешнем устройении общества, удовлетворении материальных потребностей. Франк писал и о «механико-рационалистической теории счастья» – истоке «религии социализма». Механически перестроить жизнь, разрушить старое и перераспределить общественное добро – все это противоречит «творческому созиданию».

«Веховцы» стремились освободить творческую личность от гнета внешней среды, общества и природы, призывали заглянуть в глубь человеческой души, устремиться к высотам духа, абсолютным ценностям. Чернышевский как классический «духовный тип» русской революционной интеллигенции представлял для них не только исторический интерес, его мировоззрение, мораль созданных им «новых людей» были материалом к познанию России и русской революции.

Примечания

¹ Фриче В.М. От Чернышевского к Вехам. М., 1910. С. 4–5. Материалы полемики 1909–1910 гг. вокруг сборника «Вехи» см. в: Вехи: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 896.

² Там же. С. 5.

³ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. СПб., 2010. Заслуга Пушкина. С. 694

⁴ Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 317.

⁵ Франк С.Л. Консерватизм и радикализм. Лекция. Л.1. См.: BAR. Ms. Coll / S.L. Frank. Box 12. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (USA).

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 1. М., 1939. С. 66.

⁷ Там же. С. 356–357.

⁸ Там же. С. 358.

⁹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 293.

¹⁰ См.: *Булгаков С.Н.* Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 326–379; № 12. С. 74–102.

¹¹ Ср.: «Сама проблематика и все главные тезисы “Вех”, будь то критика интеллигенции или утверждение религиозных принципов жизни и общественной деятельности, или поиск оптимального соотношения полюсов свободы и власти, “духа” и “учреждений”, вошедшие во все хрестоматии социально-философской мысли под именем веховства, были хрестоматийны еще до их появления» (*Колеров М.А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996. С. 316–317).

¹² *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1989. С. 15.

¹³ *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 454.

¹⁴ *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 347.

¹⁵ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 139.

¹⁷ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1989. С. 37.

¹⁸ Там же. С. 65

¹⁹ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 13. М., 1949. С. 197.

²⁰ *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1989. С. 156.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 157.

²³ Примечательно, что Струве к середине 1920-х годов изменит свою точку зрения на Радищева: «Радищев – отец русской интеллигенции и интеллигентщины» (*Струве П.Б.* Радищев и Пушкин // *Струве П.Б.* Дух и слово. Статьи о русской и западно-европейской литературе. Париж, 1981. С. 69). Об этом подробнее: *Кара-Мурза А.А.* П.Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» // Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой и В. К. Кантора. М., 2012. С. 134–137.

²⁴ *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1989. С. 174.

Е.В. Бессчетнова

ДИАЛОГ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА О ПРЕКРАСНОМ

Казалось бы, у таких двух разных русских мыслителей, как Н.Г. Чернышевский и Вл.С. Соловьев, не может быть общих точек соприкосновения, но такое утверждение ошибочно. Соловьев был младше Чернышевского на тридцать лет и по своему собственному утверждению относился к противоположному идейному лагерю, написал статью «Первый шаг к положительной эстетике», в которой философ поддержал эстетическую концепцию Чернышевского, называя ее «первым словом истинной эстетики».

Основные положения эстетики были сформулированы Н.Г. Чернышевским в его магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Защита диссертации состоялась

в мае 1955 года, а ведь писалась она и была почти завершена еще в 1853 году. Это был период последних лет «мрачного семилетия» вечного, как казалось современникам, николаевского правления – «моровой полосы», по утверждению Герцена. Главной целью политики Николая I на протяжении всех тридцати лет его царствования было ограждение России от западноевропейских ценностей: просвещения, свободы слова и мысли. Профессор Никитенко (научный руководитель диссертации Чернышевского) называя николаевскую Россию Сандвичевыми островами, местом, где едят людей, писал: «На Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и гибели»¹. Это было время полного отсутствия свободы в обществе, казалось, что «можно двигаться, можно дышать не иначе как с царского разрешения или приказания»². И, естественно, работа молодого Чернышевского была реакцией на социально-политическую ситуацию современной ему России. Молодой мыслитель говорил на диспуте о необходимости просвещения и образования, о духе свободного исследования.

Центральным вопросом своего труда Чернышевский сделал соотношение искусства и жизни, то, что есть прекрасное и наиболее совершенное в нем. Для мыслителя важно дать понять, что «прекрасно, то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям»³. «Прекрасное есть жизнь» – именно этот тезис становится основным в эстетической концепции Чернышевского. Прекрасное существует объективно и присуще самим предметам и явлениям реального мира, оно целостно и способно принимать различные формы. «В прекрасном, – пишет Чернышевский, – есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. <...> Самое общее из того, что мило человеку, и самое милое ему на свете – жизнь; ближайшим образом такая жизнь, какую хотелось бы ему вести, какую любит он; потом и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чем не жить... прекрасное есть жизнь; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь и напоминает нам о жизни»⁴. Действительность всегда прекраснее искусства, которое способно возвысить только сближение с жизнью. Человеку же всегда было свойственно естественное стремление – интересоваться явлениями окружающего мира и их интерпретировать. По убеждению Чернышевского, «человек не может... не произносить о них своего приговора; поэт или художник, не будучи в состоянии перестать быть человеком вообще, не может, если бы и хотел, отказаться от произношения приговора над изображаемыми явлениями; приговор этот выражается в его произведении – вот новое значение искусства»⁵, то есть иными словами, искусство должно воспроизводить то, что интересно человеку в жизни, давать ей объяснения, осуждать пороки, и тем самым способствовать ее преобразованию.

Упрекаемый в утилитаризме, на самом деле Чернышевский был убежден, что искусство не может быть утилитарным, никто не может

диктовать ему свои правила: «Поэт не должен писать великолепных од, не должен искажать действительности в угоду различным произвольным и приторным тенденциям. К сожалению, для этого она (теория «чистого искусства» — Е.Б) появилась уж слишком поздно, когда борьба была кончена; а теперь подавно она ни к чему не нужна: искусство успело отстоять свою самостоятельность и должно думать о том, как ею пользоваться»⁶. Искусство есть отражение окружающего мира, и поэтому красоту следует искать не на небе, а на земле.

Тезис «Прекрасное есть жизнь, для Чернышевского вовсе не означал, что современная ему действительность совершенна, наоборот, в ней, несомненно, присутствует и красота, и уродство, и поэтому главная цель человека и его деятельности есть преобразование природы и общественной жизни.

Искусство, будучи инструментом пересоздания человека, превращения его в свободное, самодействующее существо, способно научить его жить, а не просто существовать. Искусство — учебник жизни для человека, результат «человеческого труда»⁷. Истинную человеческую жизнь Чернышевский связывал с жизнью ума и сердца. Следуя категорическому императиву Канта, философ писал: «Человек сам себе цель, и дела человека должны иметь цель в потребностях человека, а не в самих себе»⁸.

Жизнь ума и сердца отпечатывается в выражении лица, а точнее в глазах, которые у каждого свои особенные, в них отражается внутренний мир и индивидуальность человека. «Нам существам индивидуальным, очень нравится индивидуальная красота, — писал Чернышевский, — не могущая перейти за границы своей индивидуальности»⁹. Индивидуальность — это существенный признак прекрасного. В свою очередь трагичное определялось Чернышевским как «ужасное в человеческой жизни», где, прежде всего ужасными являются страдание или же смерть человека. Так, для сравнения, у Гегеля трагичное присутствует в моментах, когда человек выступает принятых в обществе норм и законов, когда его воля сталкивается с необходимостью, после чего следует возмездие.

Обратившись к эстетике Вл. Соловьева, мы увидим, что для него утверждение Чернышевского «Прекрасное есть жизнь» также значимо. Настоящая красота и настоящее искусство — это есть жизнь, в рамках которой происходит преобразование человека. Соловьев разделял положения Чернышевского об объективности красоты и недостаточности искусства и даже утверждал, что на основании истин, раскрытых в его диссертации, «возможна будет дальнейшая плодотворная работа в области эстетики, которая должна связать художественное творчество с высшими целями человеческой жизни»¹⁰. В своей работе «Общий смысл искусства» Соловьев также писал о том, что искусство должно вести к реальному улучшению действительности. Абстрактная красота бесполезна, она абсолютно отделена от материальных нужд и потребностей, но каждый относится к ней как чему-то чрезвычайно ценному, красота не является средством, а

напротив она есть цель сама в себе: «Не совершенно ли уже помимо нас это дело всемирного просветления? Природная красота уже облекла мир своим лучезарным покрывалом, безобразный хаос бессильно шевелится под стройным образом космоса и не может сбросить его с себя ни в беспредельном просторе небесных светил, ни в тесном круге земных организмов»¹¹.

Для Соловьева чрезвычайно важно точно так же, как и для Чернышевского, выдвигавшего на первый план личность, не абстрактное идеальное построение общества, а реальное, фактическое преобразование человека, и как следствие его жизни. Философ писал в своей статье «Первый шаг к положительной эстетике»: «Отвергнуть фантастическое отчуждение красоты и искусства от общего движения мировой жизни, признать, что художественная деятельность не имеет в себе самой какого-то особого высшего предмета, а лишь по-своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества, — вот первый шаг к истинной положительной эстетике»¹². У Соловьева речь идет о преобразовании посредством христианских догматов, только на пути Христа, только с верой в него достигается преобразование. В заключительной части магистерской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал» есть следующие строки: «Если в нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если в области познавательной (для ума) она есть абсолютная истина, то осуществление всеединства во внешней действительности, его реализация или воплощение в области чувствуемого материального бытия есть абсолютная красота. Так как эта реализация всеединства еще не дана в нашей действительности в мире человеческом и природном, а только совершается здесь, и притом посредством нас самих, то она является задачей для человечества, и исполнение ее есть искусство»¹³. У Соловьева была идея написать третью часть работы, в которой говорилось бы о семи таинствах, способствующих перерождению мира нравственно, физически и эстетически, но она, к сожалению, не была осуществлена.

Хочу обратить внимание на одно высказывание Лосева, где он подчеркнул не только близость Соловьева к Чернышевскому, но возвысил их идеи до уровня античного миропонимания. Библихин записал в свое время слова Лосева о Чернышевском и России: «Что в России... Россия беспросветное мужичество. В России нужно только водку и селедку. Алкоголизм и селедка. Эстетики мизерные. Ну вот только Владимир Соловьев. Он защищал тезис Чернышевского, что прекрасное есть жизнь. Так же как греки, онтологично. Прекрасное есть бытие. Вот разве что он. <...> Чернышевского диссертация хороша. <...> Главное у него правильно»¹⁴. Не случайно, видимо, едва ли не первая статья Чернышевского посвящена анализу «Поэтики» Аристотеля¹⁵.

Стоит отметить, что Вл. Соловьева к Чернышевскому приблизило одно из судьбоносных обстоятельств жизни последнего, а именно его арест и последующая ссылка. Подчеркну сочувствие к Чернышевскому в семье

Соловьева, прежде всего его отца, великого русского историка С.М. Соловьева. В 1898 году Вл. Соловьев в своей работе «Литературные воспоминания. Н.Г. Чернышевский» подробно разбирает судебный приговор, вынесенный Чернышевскому. Полагаю, что статья Соловьева, единственная работа тех лет, в которой решительно опровергаются все пункты обвинения. Это выступление обусловлено отнюдь не личными симпатиями к идеям арестанта, ведь Соловьев сам отмечал, что относился к совсем чуждому и не сочувственному Чернышевскому лагерю, его отец был убежденным «государственником» и был далек от взглядов реалистов-радикалов шестидесятых годов, статья философа – это критика судебной системы, указание на отсутствие свободы слова в российском обществе, и в подтверждение этого Соловьев, вспоминая слова отца, пишет: «Что же это такое? – берут из общества одного из самых видных людей, писателя, который десять лет проповедовал на всю Россию известные взгляды с разрешения цензуры, имел огромное влияние, вел за собою чуть не все молодое поколение, – такого человека в один прекрасный день без всякого ясного повода берут, сажают в тюрьму, держат года, – никому ничего не говоря, – судят каким-то секретным судом, совершенно некомпетентным, к которому ни один человек в России доверия и уважения иметь не может и который само правительство объявило никуда не годным»¹⁶. В.В. Розанов в свою очередь писал о Чернышевском: «Конечно, не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства – было преступлением, граничащим злодеянием. <...> С самого Петра I мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы дышал, каждая минута бы жила, и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве <...> Что такое все Аксаковы, Ю. Самарин и Хомяков, или «знаменитый» Мордвинов против него как деятеля, т.е. как возможного деятеля, который закрыт был где-то в снегах Вилюйска? <...> Как лицо и энергию поставил его не только во главе министерства, но во главе системы министерств, дав роль Сперанского и «незыблемость» Аракчеева... Такие лица рождаются веками; и бросить его в снег и глушь, в ели и болото ... это...это... черт знает что такое <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но взяли да и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломову... »¹⁷. Николаевская Россия – это «Некрополис» (именно оттуда писал свои «Философические письма» Чаадаев), в котором живут гоголевские «мертвые души». Герцен писал об этом: «Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель – всех их толкает в могилу неумолимый рок. История нашей литературы – это или мартиролог, или реестр каторги»¹⁸. Именно это и тревожило Чернышевского, именно «царству мертвых» он и противопоставил свой идеал господства в мире красоты действительной Жизни.

Поразительно, что Чернышевского судили и обвиняли как вождя

грядущего бунта, как революционера, а он на самом деле этому бунту противостоял, он был убежден в силу и необходимость справедливого закона. В письме царю он писал: «Государь, <...> благоволите, прошу вас, оказать мне справедливость повелением об освобождении меня от ареста»¹⁹. Что важно отметить, Чернышевский просит оказать не милость, а справедливость. А ведь именно принципы справедливости лежат в основе норм, которые мы именуем правом. Отсюда вытекает вопрос: «Что есть право для русского народа?» Это понятие для народа туманно, едва ли могущее быть ясно определено. Чернышевский с этим связывал чрезмерное «азиатство», или же говоря словами Вл. Соловьева «панмонголизм», в русском народе: «Азиатством называется такой порядок дел – писал Чернышевский, – при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность»²⁰. В работах Чернышевского есть и предчувствие возможного народного восстания, так, в письмах без адреса мы находим следующие строки: «Мы думаем народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»²¹. В 1918 году, описывая свое ощущение от событий Октябрьской революции (которая тогда виделась точнее, чем позже, гибелью европейского начала России), эту же мысль гениально выразил в своем стихотворении «Скифы» А. Блок:

А если нет – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинать
Больное позднее потомство!
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!²²

Что делать? Как возможно преодолеть азиатство? Чернышевский был убежден, что единственным путем может быть просвещение, а двигателем общественного развития и благоустройства общества является «самодетельная личность»²³. Этот процесс будет длительным и постепенным, невозможно избавиться моментально от панмонголизма, изначально заложенного в русском человеке: «Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что Бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет, и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям»²⁴.

Сначала мы должны пройти процесс обучения, и прежде чем начать правильно интерпретировать и использовать уроки западноевропейской истории, Россия должна как минимум достигнуть такого же уровня просвещения, «ибо пользоваться уроком может только тот, кто понимает его, кто достаточно приговорен, довольно просвещен, – писал Чернышевский, – Когда мы будем так же просвещены, как западные народы, только тогда мы будем в состоянии пользоваться их историей, хотя в той слабой степени, в какой пользуются ею сами они»²⁵. В свою очередь Вл. Соловьев полагал, что через европейское просвещение «русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство»²⁶. Христианство отделило Россию от степной дикой Азии и ввела Россию в семью европейских государств. Поразительно, что именно через Христианство, религию наднациональную и истинный источник просвещения, оба великих русских философа: и Соловьев, и Чернышевский видели возможность преодоления национального идола, тормозившего развитие России.

В стихотворении *Ex oriente lux* есть строки:

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком?
Востоком Ксеркса иль Христа?²⁷

Евгений Трубецкой отмечал в своей работе «Миросозерцание Владимира Соловьева», что задача России – возвыситься над противоположностью Запада и Востока и явить себя «Третьим Римом», который сможет примирить в себе два первых²⁸. В 1889 году в Париже вышла книга Соловьева «Россия и Вселенская церковь». В предисловии была определена роль России в построении всемирной теократии: Россия призвана войти в нее как политическая сила. Римский папа, Русский Царь Самодержец и пророк именно это необходимо, по мнению Соловьева, для построения Всемирной монархии. Свой теократический проект философ противопоставил реальной России второй половины девятнадцатого века, это была эпоха императора Александра III, правление которого началось с трагических событий 1 марта 1881 г. – убийства радикалами императора-освободителя, императора-реформатора, императора-европейца, который помнил и следовал заветам Петра Великого. Реформы, заканчивающиеся убийством их зачинателя, диктуют другую линию поведения. Россия – особая страна с особыми идеалами, где преобразования и свободомыслие неизбежно заканчиваются смутой. Для проводимой в этой стране политики более всего подходит тезис «Россия для русских», или даже «Россия для православных», за чем следует ущемление отличных народов и религий. «Это был решительный шаг назад, если сравнить его с более

космополитическим взглядом на имперское правление периода Екатерины II или начала XIX века. В этом заключался симптом смертельной болезни: русское самодержавие было обречено на быструю деградацию, и приближаясь к концу, оно теряло имперское сознание»²⁹.

Оба мыслителя подвергли критике реальную Россию, не принимали ее, потому и создавали утопии. Чернышевский, находясь в тюремной камере, пишет роман «Что делать?», будущее в котором автору видится скорее светлым и счастливым. Разночинец Кирсанов в самой обычной беседе говорит Лопухову: «Золотой век – он будет... это мы знаем, но он еще впереди. Железный проходит, почти прошел, но золотой еще не настал»³⁰. Главные герои романа трудятся, работают для приближения прихода на Землю Золотого века, идеального общества будущего, правителями которого станут умные просвещенные «новые люди», способные к действию или точнее к деятельному, освобождающему труду. Казалось бы, должен сработать закон диалектики Гегеля: самосознание рабское, несвободное через непосредственное отношение к вещи через свой труд становится свободным. Чернышевский верил в преобразующую мир силу науки и искусства. Но новые люди не должны дать успокоиться обществу, противостоять радикализму вчерашних рабов.

Такая установка была важна для России, нечто похожее утверждал и Соловьев, писавший о возникновении нового класса, формально получившего свободу, но не умеющего и не знающего, как ей пользоваться. Итак, наряду с классом гордых господ и рабов смиренных, на которых разделял людей Ницше, появится класс «рабов не смиренных, т. е. переставших быть рабами, – <...> Вернуться добровольно к смирению и рабской покорности эти люди не имеют никакого намерения, а принудить их некому и нечем, – по крайней мере, до пришествия антихриста и пророка его с ложными чудесами и знамениями»³¹.

Золотой век – это соблазн, поддавшись которому общество последует за Антихристом. Соловьев долгое время полагал, что человек при помощи Бога может перерасти в нечто Высшее. Но «грядущий человек» в «Краткой повести» стал больше чем просто человеком, благодаря покровительству дьявола. Антихрист, вместо идеального монарха, стал главой Всемировой империи, когда являющейся идеалом философа, его Золотым веком. Соловьев пришел к выводу, что осуществление Царства Божьего на Земле невозможно, оно имеет другую опорную точку – в Абсолютном бытии, в царстве Свободы, даруемой человеку Богом.

Стоит сослаться на слова знаменитого архимандрита Феодора (Бухарева): «Роман "Что делать?" <...> создал свои мастерские, а там уж как хотите. <...> Вера Христовых учеников может вырывать и из земли народных умов и сердец какое бы то ни было укоренившееся и развившееся на этой земле дерево нечеловеческих взаимных отношений между людьми, весьма обыкновенных у народа особенно в снискании способов к удовлетворению насущных потребностей жизни. И пусть эта вера не сужает

при этом своего взгляда, не ограничивается двумя или тремя мастерскими, но, напротив, пусть обнимает всякие рабочие среды в народе, все мастерские и сведет их в одну ту мастерскую, где хозяйкой, готовой войти во все и действовать во всем для изгнания отовсюду зла, только бы через веру дали ей место, оказывается сама благодать Божия, которая, ради воплощения Сына Божия, не чуждается человека ни в какой чернорабочей среде телесных трудов»³². Чернышевский восстает против всякого социального насилия над человеческими чувствами, он движется любовью и уважением к свободе. Для обоих мыслителей ценна Жизнь, где царствует благодать Божия и Любовь. Та самая, что движет солнца и светила, как сказал когда-то Данте, величайший христианский поэт.

Примечания

- ¹ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т.1. Л., 1995. С. 315.
- ² *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 74.
- ³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. II. М., 1949. С. 13.
- ⁴ Там же. С.13.
- ⁵ Там же. С.17.
- ⁶ Там же. С. 271.
- ⁷ *Кантор В.К.* Русская классика или бытие России. М., 2005. С. 423
- ⁸ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 71
- ⁹ Там же. С. 47
- ¹⁰ *Соловьев В.С.* Первый шаг к положительной эстетике// *Соловьев В.С.* Соч. в 2 т. Т.2. М., 1990. С. 552
- ¹¹ *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства//*Соловьев В.С.* Соч. в 2 т. Т.2. М., 1990. С. 234
- ¹² *Соловьев В.С.* Первый шаг к положительной эстетике// *Соловьев В.С.* Соч. в 2 т. Т.2. М., 1990. С. 554
- ¹³ *Соловьев В.С.* Критика Отвлеченных начал//*Соловьев В.С.* Сочинения. Т.1. М., 1990. С. 744
- ¹⁴ *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 23
- ¹⁵ *Кантор В.К.* Эстетика Чернышевского и ее первые критики. «Москвитянин» против Чернышевского // Русская литература, 1975. № 1. С. 62–78.
- ¹⁶ *Соловьев В.С.* Первый шаг к положительной эстетике// *Соловьев В.С.* Соч. в 2 т. Т.2. М., 1990. С.641
- ¹⁷ *Розанов В.В.* Уединенное // *Розанов В.В.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 207–208
- ¹⁸ *Герцен А.И.* Соч.: В 30 т. Т. VII. М., 1956. С. 208
- ¹⁹ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. XIV. С. 461
- ²⁰ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. V. С. 700
- ²¹ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. X. С. 92
- ²² *Блок А.А.* Соб. Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 123
- ²³ *Кантор В.К.* Русская классика или бытие России. М., С. 395
- ²⁴ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. VII. С. 616–617
- ²⁵ Там же. С. 616
- ²⁶ *Соловьев В.С.* Византизм и Россия//*Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1989. С. 578
- ²⁷ *Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 12 т. Т.3. Брюссель, 1966–1969. С. 131

²⁸ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 37.

²⁹ Кантор В.К. Владимир Соловьев: имперские проблемы всемирной теократии (<http://magazines.russ.ru/slovo/2007/54/ka16.html>)

³⁰ Н.Г. Чернышевский. Что делать? М., 1969. С. 343.

³¹ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике//Соловьев В.С. Соч.в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 558

³² Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. М., 1991. С. 131–138.

Г. С. Чернова

А. Н. ПЫПИН И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. ОППОНЕНТЫ ИЛИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ?

К середине XIX века в русском литературоведении значительное место заняла культурно-историческая школа, самым полным, самым последовательным представителем которой по праву считается А.Н. Пыпин.

Исследователи не раз отмечали, что его научно-историческая теория, базировавшаяся на основополагающих принципах материалистической эстетики, «нашла в России благоприятную почву». При этом было принято цитировать А.И. Герцена, который в работе «О развитии социалистических идей в России» писал, что «у народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и совести»¹. Исходя из этих обстоятельств, делался вывод, что «идея отражения в литературе жизни общественной <...> широко распространилась в русском обществе, среди писателей и ученых»². Однако, несмотря на авторитет Пыпина-ученого, его суждения о литературных явлениях отнюдь не все писатели и критики воспринимали как конечную истину. Общественведческий характер изысканий Пыпина нашел поддержку, прежде всего, в кругах научной и творческой интеллигенции, оказавшейся под влиянием материалистической философии и революционно-демократических теорий.

Одним из самых непримиримых противников социально-утилитарного подхода к искусству был Ф.М. Достоевский. Как каждый большой художник, он имел свои представления о его сущности, целях и задачах. Однако его не могли не интересовать достижения современной ему литературной науки. Об этом свидетельствуют его критические статьи, записные тетради, письма.

Имя Пыпина привлекло внимание Достоевского в 1860-е гг. Бывший профессор Петербургского университета стал публицистом и критиком журнала «Современник», разделяя и выражая идейные и эстетические позиции своего печатного органа. Характерным для советского литературоведения было утверждение, что сотрудники «Современника», и Пыпин в их числе, «резко выступали против реакционной и либеральной

журналистики. Особенно острой была полемика «Современника» с журналами Достоевского «Время» и «Эпоха»³. Конечно, это деление изданий по принципу «прогрессивности» устарело. Но оно, в определенной мере, отражало поляризацию сил в журнальных баталиях, когда решался главный, как считал Достоевский, «вопрос об искусстве».

И сам издатель «Времени», и его оппоненты понимали, что вопрос этот имел не только эстетический, но и идеологический смысл. Действительно, в русской критике споры о сущности искусства отражали философские и общественно-политические взгляды представителей различных «литературных партий». Поэтому, как справедливо заметил Б.Ф. Егоров, «тонкие и гибкие глубины искусства отнюдь не освобождали эту область от крайностей и нормативности <...> В полемике выделялись крайности: искусство на службе интересов общества – искусство независимое; искусство вторично, т. к. отражает жизнь – искусство первично, воплощая творческий гений художника и т.д.»⁴. Отсюда и резкость суждений, и односторонность оценок, которые допускали участники полемики: Достоевский называл критиков-«реалистов» «утилитаристами», а поддерживающих их ученых – «теоретиками»; последние, в свою очередь, относили писателя к сторонникам «чистого искусства».

В статье Достоевского «Г-н ...бов и вопрос об искусстве» (1861) можно обнаружить кардинально противоположные декларации: «искусство должно служить себе целью»⁵ и «искусства не современного, не соответствующего современным потребностям и совсем быть не может»⁶. Поэтому сотрудники «Современника» упрекали его в «эстетизме», а друг и единомышленник писателя Ап.А. Григорьев – в уступках «теоретикам» и «утилитаристам». Сам Достоевский называл все споры о том, что важнее – «тенденция» или художественность, «кабинетными», «теоретическими». Как писатель, он знал, что в произведении важно «согласие идеи с формой», ибо никакой социально полезной «тенденцией» невозможно оправдать «нехудожественное» ее воплощение.

Очевидно, однако, не без влияния «теоретиков» в статьях Достоевского появился ряд важных положений. Например, его утверждение, что «искусство всегда современно и действительно, и ничем иным не может быть по своей природе»⁷ дает основание полагать, что писателю был известен неоднократно повторяемый Пыпиным тезис, что «литература является отражением действительности». «Абсолютный художник также немислим, как абсолютный человек, существующий вне племенных и общественных отношений. Всякая литература – «национальна», т.е. несет на себе черты племени, общественных особенностей и идеалов <...> Без этого литература мертва», – подчеркивал Пыпин⁸. Эту точку зрения, без сомнения, разделял Достоевский, требуя от Марко Вовчка (М. Маркович. – Г.Ч.) исторической и национальной обусловленности характеров персонажей его «Народных рассказов». Можно также усмотреть аналогии в высказываниях писателя и ученого о соответствии форм искусства определенным эпохам

общественного развития.

С подачи «теоретиков» Достоевский включился в полемику по таким вопросам, как «полезность искусства» и содержание понятия «народность». Однако это были общие положения, и каждая из сторон вкладывала в них свой смысл.

Вслед за Чернышевским Пыпин доказывал, что в русских условиях «<...> литература, по всему складу жизни, получает особенную важность, как принципиальный фактор общественности»⁹. Поэтому, выступая в «Современнике» в качестве критика, он оценивал литературные явления с точки зрения общественно значимого идеала. Соответственно, назначение и пользу искусства он усматривал в воспитании общественного сознания.

Достоевский отнюдь не отрицал общественную пользу художественного произведения, но находил ее в нравственно-возвышающем влиянии на читателя. Поэтому необходимым условием искусства он считал единство содержания и высокохудожественного его воплощения. «Красота полезна, потому что она красота <...> Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит есть и потребность здоровья (нравственного. — Г.Ч.), а следовательно, тем самым, гарантировано и высшее развитие народа», — писал Достоевский¹⁰. Спор с «Современником», таким образом, из области эстетики переходит в область идеологии.

В период сотрудничества с «Современником» Пыпин опубликовал ряд работ, в которых давалась негативная оценка эстетическим и, в особенности, общественно-политическим позициям Достоевского. В статье «Вопрос о национальности и панславизм» (1864) он высмеял теории славянофилов и «почвенников», назвав последних «прозелитами славянофильства». Ответ Пыпину Достоевский дал в печати значительно позже, в статье «Мечты и грезы» (1873), после публикации научного исследования «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки». В шестой части работы, «Славянофильство», Пыпин писал об идеологах «почвенничества»: «К славянофильству примкнули новые школы, которые также говорили о «народных началах», «почве» и т.п. не имея ни таланта, ни горячего убеждения первых зачинателей учения, распространяли только пустые фразы на тему народности и более или менее явный обскурантизм»¹¹.

Разъясняя свои взгляды, Достоевский отвечал: «<...> Тут, известно, есть вера в какие-то внутренние самобытные силы народа, в какие-то начала народные, совершенно личные и оригинальные, нашему народу присущие, его спасающие и поддерживающие»¹². Спор писателя с ученым, таким образом, касается проблемы «народности». «Почвенник» Достоевский обуславливает это понятие идеалом Христа, который, по его убеждению, сохраняется в народном сознании. Для «западника» Пыпина религиозность могла ассоциироваться только с народными предрассудками, которые необходимо разоблачать и изживать. Показательна в этой связи его рецензия на роман «Монахиня». Она была опубликована в «Современнике» без

подписи в 1864 г. и называлась «Новый роман автора «Проклятого». По словам рецензента, героиня «Монахини» «перебывши в трех или четырех монастырях, все еще не может составить себе о них понятия <...> Очевидно и сам Лубер, вообще имевший большое пристрастие к Терезе, сомневался в ее здравом смысле»¹³.

В Записной книжке 1863–1864 гг. Достоевский с раздражением пометает: «Умственные способности Терезы плохи, потому что ходила по монастырям»¹⁴. В характеристике, которую Пыпин дал героине «Монахини», писатель усмотрел выпад против религии. Возмущенный, он возвращается к этой теме через несколько страниц: «О монастырях (в «Современнике» разбор «Проклятого») «Глупа, потому что религиозна». Ну не дико ли это?»¹⁵.

Рецензия Пыпина послужила поводом еще для одного, весьма важного замечания, отразившего отношение Достоевского к атеистическим и революционным учениям: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить без Бога и без семейства. Они заключают, что изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*»¹⁶. Достоевский, причислив Пыпина к «социалистам», отождествил просветительский рационализм ученого с революционностью Чернышевского и его единомышленников. Но эта запись свидетельствовала не только об обострившихся идеологических разногласиях писателя с демократами, но и его неприязни к «теоретику» Пыпину, которая с годами только усиливалась.

Следует отметить, что отношения «Современника» с Достоевским в 1864–1865 гг. резко обострились. Если во времена, когда в журнале работали Чернышевский и Добролюбов, тон дискуссий был сдержано-уважительный, то после них в адрес писателя допускались оскорбительные выпады. Так, М.А. Антонович в статьях «Послание к Стрижам» и «Стрижи в западне» аттестовал Достоевского «обер-стрижом». Издатель «Времени», судя по всему, готовился ответить «Современнику» и даже нашел его сотрудникам хлесткое имя – «шиши». А поскольку обязанности ответственного редактора журнала исполнял Пыпин, то Достоевский рекомендует называть его «обер-шиш господин Пыпин». Соответственно, Антоновича – «маленький шиш»¹⁷.

Смысл слова «шиш» понятен: «ничто», «фига». Но в Толковом словаре В.И. Даля обнаруживается и другое, забытое сегодня, его значение: «Шиш, шиши, шишига, шишиган – нечистый, сатана, бес, злой кикимор, домовый, нечистая сила, которая обычно поселяется в овине; овинный домовый»¹⁸. Достоевский мог получить, по его словам, «полезные сведения» о шишах и в статье А.Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина» (1851).

По Афанасьеву, шиши – это языческие бесы низшего разряда, домашние пакостники. Очевидно, для того, чтобы выразить враждебно-насмешливое отношение к Пыпину и его коллегам по «Современнику».

Достоевский и использовал слово «шиши» в том смысле, как оно толковалось Далем и Афанасьевым. Назвав так своих оппонентов, писатель подчеркивал, что не принимает всерьез ни их идеологические, ни их эстетические установки. Это подтверждает следующая запись: «Над вами можно только смеяться, но говорить с вами серьезно нельзя»¹⁹. Всерьез «бесами» Достоевский назовет провокаторов от революции в своем одноименном романе-предупреждении, который появится в 1871–1872 гг.

В 1864 г. прозвище «шиши», которое Достоевский дал демократам, в печать не попало. Он понимал, что это слово может быть истолковано в оскорбительном смысле, а правила корректной полемики писатель соблюдал. «Это мерзость, как бы ни было метко это прозвище. Ни за что я не стану называть обер-шишами», – останавливает он себя²⁰.

Как отмечалось выше, в 1872 г. была опубликована работа Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов». Ее основные положения доказывали, что глава культурно-исторической школы не изменил сложившееся в 1860-е гг. отношение к эстетике. «Литература редко поднимается до высшего совершенства художественной красоты» и «больше примыкает к непосредственным явлениям общественной жизни и подает о них свой голос в поэтическом произведении, как в публицистике», – писал он²¹. И это в то время, когда уже увидели свет «Преступление и наказание» и «Идиот» Достоевского, «Война и мир» Л.Н. Толстого...

Задачей филологической науки ученый считал не эстетическое изучение, а сопоставление литературы с жизнью, «которое только и может указать действительное значение исторического прогресса»²². Он по-прежнему требовал от литературы «отражений целого характера общества». Поэтому Пыпин утверждал, что в середине 1830-х гг. интерес к произведениям А.С. Пушкина значительно упал. Он объяснил этот факт не тем, что читатели и критики не были готовы воспринимать реалистические тенденции в его творчестве, а тем, что «общество не встретило у него ответа на свои ближайшие вопросы». Задачам литературы соответствовали произведения другого писателя – Н.В. Гоголя, которые отвечали «этому, у одних сознательному, у других инстинктивному, исканию»²³.

В Записных тетрадях 1872–1875 гг. Достоевский весьма резко охарактеризовал автора научного исследования: «<...> Пыпин не легкомысленный, г-н Пыпин – тупица, угрюмая тупица. Что бы он прочел – это только воз с сеном – пока развалится телега. Староверы, считающие себя молодыми и новыми»²⁴. Конечно, такая оценка «Литературных мнений ...» субъективна, к тому же она не предназначалась для печати. Но важно, что писатель отказал Пыпину в оригинальности его собственных «литературных мнений». Он намекал на то, что они построены на «мнениях» В.Г. Белинского, высказанных в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», что «в словесности выражается стремление русского общества к самосознанию»²⁵. Достоевский в суждениях Пыпина о Пушкине не без

основания усматривал влияние Белинского, который, как известно, с негативным оттенком оценивал Пушкина как «поэта-художника», который «больше ничем не мог быть по своей натуре», а главой нового направления в литературе, соответствовавшего задачам и потребностям времени, называл Гоголя.

Достоевский высоко ценил Гоголя, но автора «Евгения Онегина» он считал «величайшим национальным поэтом (а в будущем и народным в буквальном смысле слова)». В нем Достоевский видел гениального художника, творчество которого соответствовало его представлениям о высоком искусстве, сочетающем идеи Добра с красотой формы. Именно Пушкина он называл выразителем черт русского национального сознания. Эти мысли Достоевский разовьет в Речи на открытии памятника поэту в Москве 20 июня 1880 г.

Показательна ироничная реакция Пыпина на выступление писателя: «Достоевский в знаменательной речи на Пушкинском празднике, в восторженном, хотя и запутанном панегирике, изображал Пушкина не только как великого поэта, но и как общественного моралиста»²⁶.

Недооценку Пушкина критиками-демократами и представителями культурно-исторической школы Достоевский объяснял их «западническими» убеждениями. Понять национального русского поэта, считал он, может только русский ученый. Еще в 1864 г. он отметил: «У них («теоретиков». — Г.Ч.) великий аргумент, что наука общечеловечна, и не национальна. Вздор, наука везде и всегда была в высшей степени национальна»²⁷. К этой теме Достоевский вернулся в статье «Мечты и грезы»: «Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее, образуется всею историческою жизнью страны»²⁸.

В русской культурно-исторической школе Достоевский усматривал влияние западной филологической науки. Поэтому он упрекал Пыпина в том, что тот «не видит и не слышит и не примечает твердые и самостоятельные начала, присущие народу русскому»²⁹. По убеждению автора статьи, неспособность «западника» Пыпина понять и принять народный идеал приводит к недооценке нравственно-философского значения русской литературы.

Сегодня не все суждения Достоевского о Пыпине и Пыпина о Достоевском следует расценивать как бесспорные: зачастую они определялись не только эстетическими, но и идеологическими позициями оппонентов. В дискуссиях о роли «этики» и «эстетики» в искусстве им не всегда удавалось избегать крайностей. Однако нельзя не признать, что в результате этих дискуссий выработывался важный методологический принцип: оценка художественных произведений в двух аспектах — конкретно-историческом и вневременном, что вносило важный вклад в развитие русской филологии.

Примечания

- ¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. / А.И. Герцен. М., 1956. С. 198.
- ² Гришунин А.Л. Культурно-историческая школа / А.Л. Гришунин // Академические школы в русском литературоведении. М., 1976. С. 108.
- ³ Русская периодическая печать. 1702–1894 гг. М., 1959. С. 250.
- ⁴ Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов / Б.Ф. Егоров. Л., 1991. С. 12.
- ⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 18. / Ф.М. Достоевский. Л., 1972–1989. С. 48
- ⁶ Там же. С. 101.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Пытин А.Н. История русской литературы: В 4 т. Т.4. / А.Н. Пытин. СПб., 1907–1911. С. 588.
- ⁹ Там же. С. 588.
- ¹⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 18. С. 101.
- ¹¹ Пытин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки / А.Н. Пытин. – СПб., 1909. С. 548
- ¹² Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 21. С. 91
- ¹³ Пытин А.Н. Новый роман автора «Проклятого» / А.Н. Пытин // Современник. 1864. № 6. отд. II. С. 143.
- ¹⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 20. С. 171.
- ¹⁵ Там же. С. 177.
- ¹⁶ Там же. С. 171.
- ¹⁷ Там же. С. 187.
- ¹⁸ Даль В. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. / В. Даль. М., 1981–1982. Т. 4. С. 636.
- ¹⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 20. С. 187.
- ²⁰ Там же. С. 187.
- ²¹ Пытин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки / А.Н. Пытин. СПб., 1909. С. 1.
- ²² Там же. С. 2.
- ²³ Там же. С. 614.
- ²⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 21, С. 254.
- ²⁵ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. / В.Г. Белинский. М., 1976–1982. Т. 8. С. 190.
- ²⁶ Пытин А.Н. История русской литературы: В 4 т. / А.Н. Пытин. СПб., 1907–1911. Т. 4. С. 588–589.
- ²⁷ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 20. С. 177.
- ²⁸ Там же. С. 93.
- ²⁹ Там же. С. 91–92.

Р. В. Маслов, С. П. Позднева

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нравственно-философские идеи, поставленные в диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»,

были развиты впоследствии в книге «Антропологический принцип в философии», написанной в 1860 г. Это весьма знаменательно, ибо идея о том, что человек есть центральная категория философии, с помощью которой можно изложить систему представлений о природе, обществе и мышлении, лежит в основе такого раздела философии, как «Философская антропология».

К числу сторонников философской антропологии до Н.Г. Чернышевского в истории философии относят Сократа, Гельвеция и Фейербаха. В чем заключается значение идей Н.Г. Чернышевского?

Сначала о самой книге. Читать ее непросто. Начинается она с мощной критики г-на Лаврова, о котором сейчас никто не помнит. Затем повествование часто прерывается рассуждениями автора, не относящимися непосредственно к теме исследования. Но общие идеи ясны и доказательны. Книга – настоящий гимн естествознанию, «точным наукам», которые помогают гуманитарному знанию в освоении человека. Идея о тесном взаимодействии гуманитарных наук и естествознания – самая привлекательная идея книги.

Далее. «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма...»¹.

«Но при единстве природы мы замечаем в человеке два различных ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает)»².

Относительно нравственных правил гуманитарные науки имеют, по мнению автора, некоторое преимущество перед естественными науками, ибо в естественных науках все средства принадлежат внешней природе, а в гуманитарных науках лишь половина принадлежит внешней природе, а другая половина заключена в самом человеке, и от него зависит проблема его самосовершенствования³.

«Физиология и медицина находят, что человеческий организм есть очень многосложная химическая комбинация, находящаяся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью»⁴. Физиология поэтому разделяет его на несколько частей: дыхание, питание, кровообращение и т.д. для удобства в теоретическом смысле, но в итоге они есть неразрывное целое⁵.

В работе еще много интересных рассуждений о нравственных началах в человеке – о добре и зле (добро есть превосходная степень пользы), об эгоизме, о наличии сознания у высших животных (у животных есть сознание, но нет самосознания) и т.д.

В целом можно признать, что Н.Г. Чернышевский представил в работе «Антропологический принцип в философии» оригинальный материалистический вариант философской антропологии.

Что изменилось на сегодняшний день в философской антропологии?

Во-первых, популярность философской антропологии резко возросла. В XX столетии большую популярность приобрели идеалистические варианты философской антропологии (после Ф. Ницше, В. Дильтея, Г. Зиммеля) работы Макса Шелера. Однако философская антропология до сих пор не стала законченной наукой.

Что такое философская антропология?

Философская антропология – наука о сущности и сущностной структуре человека, о его основных отношениях: к природе, обществу, другим людям, самому себе, о его происхождении, о социальных и метафизических основаниях его существования, об основных категориях и законах его бытия. Невозможно более или менее точно определить время возникновения философской антропологии как отдельной философской дисциплины. Проблема человека ставилась уже первыми философами Индии, Китая, Древней Греции, и в последующем не было ни одной философской школы или учения, в которых не поднимался бы вопрос о человеке: его происхождении, способностях, структуре сознания, смысле существования и т.п.

Но только в XX в. перед философией встает задача: выработать единую систематическую теорию человека. И. Кант считал, что философия, отвечающая на четыре главных вопроса (что я могу знать?, что я должен делать?, на что я могу надеяться?, что такое человек?), должна, в конце концов, три первых вопроса свести к четвертому, а все науки – к антропологии. За последние десять тысяч лет истории, писал М. Шелер, наша эпоха – первая, когда человек стал совершенно проблематичен. В связи с появлением работ Шелера, Бубера, Х. Плеснера, А. Гелена стали говорить об «антропологическом повороте» в философии.

Философская антропология претендует на то, чтобы быть не узкой дисциплиной в рамках философии, а новой фундаментальной наукой о человеке. Для обоснования этой претензии она все время пытается создать такой язык, на котором могли бы быть озвучены основные тайны человеческого бытия.

Приемлемым определением философской антропологии является следующее: совокупность антропологических концепций, возникших в неклассической и постклассической философии в результате так называемого антропологического поворота (предметом рефлексии начинает выступать не бытие само по себе, а разъяснение и раскрытие смысла человеческого бытия), впервые явно артикулированного Фейербахом (в русской традиции Чернышевским) в «антропологическом принципе». Антропологический принцип провозглашает человека исходным пунктом и конечной целью философии. Во второй половине XX века указанный принцип был дополнен «антропным принципом» современной космологии, устанавливающим зависимость существования человека от физических параметров Вселенной (истоки – в концепциях космизма: Циолковский, Чижевский, Вернадский, Тейяр де Шарден); в этом, втором, значении

философская антропология это направление в современной философии, вбирающее в себя целый ряд концепций: феноменолого-экзистенциалистских, неопрагматических, психоаналитических, неотомистских, то есть всех, так или иначе централизованных вокруг проблематики человека.

Итак, человек превратился в центральную проблему не только современных философских исследований, но и естествознания. Человек как уникальное творение Вселенной рассматривается в рамках различных наук – биологии, физиологии, психологии, валеологии, изучаются как биологические, так и социокультурные факторы развития человека и человечества, его творческие потенции, раскрывается феномен внутренней свободы человека в исповедальном жанре, проблема смысла жизни и смерти в духовном и научном опыте человечества. Сложились различные концепции постижения сущности человека – homo sapiens, homo faber, homo ludens, homo eligens, homo vitalis, homo scientificos, homo immortalis и т.д. В рамках философской антропологии складываются новые дисциплины – антропологическая герменевтика и т.д.

С самого зарождения представлений о человеке складываются два диаметральных подхода к его анализу, обозначающих соответственно его величие и ничтожество. Человек, с одной стороны, с точки зрения мыслителей Индии, – воплощение Атмана – высшее, избранное существо, а с другой – «лягушка в высохшем колодце». Человек, по мнению Пьера Тейяра де Шардена – ученого, открывшего синантропа – предка человека – высший этап космогенеза, конечная, абсолютная точка Омега, а с другой – «червяк в плоде», «моль в клубке шерсти», «выгрызающему себе местопребывание в природном мире» (Ж. Дорст). Марк Аврелий писал, что время жизни человека – миг, строение тела бrenно, душа неустойчива, судьба загадочна, слава недостоверна.

По мнению Н. Бердяева – русской религиозной философии, – «Человек есть великая загадка для самого себя», «человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности, он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье, человек есть принципиальная новизна в природе. Проблема человека совершенно неразрешима, если его рассматривать из природы и лишь в соотношении с природой. Понять человека можно лишь в его отношении к Богу»⁶.

Н. Бердяев возражает против античного и естественнонаучного подхода, считая, что человек не только разумное, но и иррациональное существо, и с биологической точки зрения он регрессирует. С ростом цивилизации органы его ослабли. Н. Бердяев справедливо отмечает, что М. Шелер забыл работы З. Фрейда, с одной стороны, а с другой – работы К. Маркса – понимание человека как существа социального, как создателя орудий homo faber. Симпатии Н. Бердяева на 1 типе антропологических

учений. Он убежден, что решить проблему человека возможно лишь в рамках христианства. Человек также и существо творческое.

Иной подход к проблеме человека в западной философской культуре – у К. Ясперса. Он полагает, что сформировались различные подходы к человеку:

- 1) человек как мера всех вещей;
- 2) человек познается в иерархии существ – в качестве чувственного существа как высший из животных;
- 3) бытие человека познается в ситуации – она подобна мгновению;
- 4) бытие человека рассматривается одновременно в его потерянности и величии. Для греков нет ничего могущественнее человека, но и он отдан во власть неведомой судьбы. Для христианства – человек подобие божества. Но человек отпал от божества, поэтому он полярен. Возрождение предоставило человеку выбор – быть собственным мастером и строителем.

Б. Паскаль считал человека слабейшим из созданий природы – тростником, гнущимся от дуновения ветра, но одновременно и высшим существом, ибо он – тростник мыслящий. Человек есть все и ничто, он стоит на зыбкой почве между бесконечностями.

К. Ясперс выделяет два принципиально отличающихся подхода к человеку:

- 1) человек как предмет исследования науки (анатомии, физиологии, психологии, антропологии, социологии) и
- 2) человек как свободное существо.

Первый подход предполагает изучение телесности человека, прежде всего своеобразия человеческого тела, его отличия от животных. Тело человека – физиологически и морфологически открытая структура. Человеческая телесность неповторима с точки зрения ее зеркальности – право-левосторонней симметрии органов тела и мозга.

К. Ясперс не смог опереться на данные науки и утверждает, что человека нельзя выводить из чего-то другого – он непосредственная основа всех вещей. К. Ясперс полагается на теорию свободы. Свобода означает конечность всего живого, означает зависимость от других людей, от человеческого сообщества. Конечность человека состоит и в его познании. Но человек и не завершён одновременно. Созная свою свободу, человек рисует свой идеал – кем он хочет быть. Однако, по мнению К. Ясперса, идеала человека не существует, хотя есть идея Человека. Идеал рушится, а идея ведет вперед⁷. Идея равенства людей неверна, но сущностное равенство предполагает уважение к каждому человеку, которое не позволяет рассматривать человека только как средство, но и требует отношения к нему как к самоцели.

В целом в истории культуры сложилось пять основных концепций человека:

- 1) человек разумный. Еще со времен Канта, преподававшего антропологию – homo sapiens считался существом, отличающимся разумным поведением;
- 2) человек как существо социальное, стадное животное – это отмечал и Аристотель – первый из биологов;
- 3) человек как существо созидающее – homo faber – созидающее орудия труда – это марксистская концепция человека;
- 4) человек как существо играющее – homo ludens – концепция человеческой культуры как включающей игровой элемент – поэзия, театр, рыцарские турниры, философские диспуты, обучение, состязание в беге, танцы, музыка, маскарад;
- 5) человек как существо, производящее символы – слова, термины для обучения.

Для нас важен естественноисторический подход. Ф. Бэкон, много времени уделявший научным опытам, писал: «Человек – слуга и истолкователь природы» в книге «Новый Органон». П. Гольбах, автор книги «Система природы», писал: «Человек – произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам». Б. Паскаль – автор теории вероятностей как «математики случая» отмечал: «Человек сам по себе самый дивный предмет природы»⁸.

Проблема человека проходит через всю историю науки. Еще греки поняли, что разгадка бытия скрыта в человеке. «Познай самого себя» как высшую задачу – этот призыв Сократа высечен на храме Аполлона в Дельфах. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира. Античные мыслители называли человека микрокосмом по сравнению с Вселенной – макрокосмом. Человеческое тело выступает в качестве одного из наиболее древних символов – тело человека есть орудие души и одновременно зеркало для отображения сущности Вселенной. В средние века в человеке выделяли высшую инстанцию – дух, а тело – плоть рассматривали как арену низменных страстей. В век рационализма были предприняты попытки дать целостную картину мира, начиная с космоса и заканчивая человеком. Человеку посвящены трактаты Р. Декарта «О человеке», «О строении человеческого тела» и др. Т. Гоббс в «Левиафане» проводит тезис об уподоблении человеческого организма машине, где жизнь представлена как результат движения частей: сердца – пружины, нервов – нитей, суставов – колес. Науку о человеческом теле Т. Гоббс считал наиболее полезной частью физики. Век Просвещения принес увлечение естествознанием, и врач и философ Ж.О. Ламетри вновь обращается к «лабиринту человека», отстаивая трактовку человека как сложной машины. Человеческое тело представляет собой часовой механизм, а сердце – рабочая часть человеческой машины. Новое время и Просвещение прославляли разум человека, а марксизм – деятельное, творческое начало в человеке. В западной культуре Ф. Ницше считает телесные функции важнее, чем функции сознания. Э. Гуссерль отдает

предпочтение духовному Я, а М. Мерло-Понти абсолютизирует тело, считая, что вещи мира инкрустированы в плоть тела. Тело оказывается центром реальных и виртуальных действий, виртуальным очагом, а мир — сферой опытного применения органов нашего тела. П. Флоренский обсуждает зеркальность тела и открывает виртуалистику. Русские мыслители делают акцент на метафизике пола в осмыслении человека. В целом Человек един в своих биологических, психологических и социальных началах. Он оказывается на перекрестке феноменологии, медицины, психологии, математики.

Итак, философская антропология оказывается в середине своего пути. Н.Г. Чернышевский был прав: диалог естественных и гуманитарных наук о сущности человека продолжается. Детально изучается телесность человека, его потребности, его духовная и социальная сущность. Перспективы философской антропологии радужные. Без нее не осуществляется ныне ни одно философское исследование. Ей принадлежит будущее.

Примечания

¹ Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. М., 1948. С. 31.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 53

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 452.

⁸ Паскаль Б. Мысли. М., 1994. С. 71.

Н. П. Лыскова

ИДЕИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО О КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема самоидентификации человека в культуре становится актуальной темой философского, социологического, психологического дискурсов сравнительно недавно, научный интерес к ней особенно возрос в первой половине XX века в связи с рассмотрением проблемы кризиса культуры.

Процесс конструирования идентичности бесконечен во времени и пространстве. Один из первых исследователей идентификации Э. Эриксон считал, что идентичность является основой целостности личности, ее непрерывности во времени и способности справляться с внутренними конфликтами¹. Данная идея особенно актуальна в современном обществе риска, когда в условиях кризиса индивидуальной и коллективной идентичности большинство людей начинает испытывать затруднения при

соотнесении себя с конкретной культурой, языком, социальной группой и даже религией. Особенно это ощутимо при размытости, нечеткости идеалов, привычек, социально значимых моделей и норм поведения, речевого общения, рода занятий.

Не вызывает сомнения культурно-историческая обусловленность развития человека, однако, вместе с этим, невозможно отрицать не всегда осознанную телесную, психологическую, социокультурную зависимость человека от быстро меняющейся реальности и динамичной виртуальности. Овладевая существующими в обществе традициями, нормами, обычаями, приемами, способами деятельности, индивид осваивает, дотраивает, изменяет и развивает свой собственный культурный мир. Следует также выделить главные идентифицирующие признаки, к которым относят самобытную культуру, язык, профессиональные отличия, особенности поведенческих стереотипов. В сложном диалектическом взаимодействии находятся языки народов и их идентичности, при этом «даже малейшие различия» в языке тут же «наполняются огромным культурным смыслом»², затрудняящим идентификацию индивида.

Отсюда следует, что для успешной самоидентификации человек должен иметь достаточно четкое представление об окружающем его социальном мире, социальной группе, культуре, языке, местности, которые он мог бы классифицировать как «свои» и найти в них свое собственное место.

Современные исследователи рассматривают самоидентификацию также и как процесс становления человека в культуре, связывают его с осознанием индивидом своего отличия от себя «вчерашнего» и от окружающих людей. Фиксируемое отличие при этом может быть не только положительным, но и отрицательным, негативно воспринимаемым, потому что «человек — создание незавершенное, ... человек не способен существовать вне социума, однако его индивидуальность отказывается принять свод тягостных социальных правил. Животное и божественное, бренное и вечное с трудом уживается в нем»³. Особенно данные отличительные черты присущи современному человеку, живущему в «эпоху перемен», когда социальные требования возрастают и, одновременно, очень быстро меняются, и индивид не всегда успевает их переосмыслить и адаптироваться к ним.

Несмотря на значительное количество научных работ по данной проблематике, ее широкую представленность в философской, социологической, психологической литературе, в настоящее время остается недостаточно проработанной идея культурной самоидентификации, а также ее проекция на конкретные исторические эпохи, не используются в достаточной мере исследовательские подходы ученых XVIII–XIX в.в., изучающих социокультурные отличия людей, представляющих разные культурные типы и слои общества.

Общеизвестно, что в работах Н.Г. Чернышевского можно найти отклик на основные социальные проблемы своего времени, стоящие перед обществом, культурой, наукой, образованием. Прогностическое мышление

философа часто вычленило и фиксировало идеи, актуальные не только для современников, но и для потомков, представленные в самой начальной стадии развития, причем еще задолго до того, как они четко выкристаллизовались в научных трудах и публицистике других исследователей. Данный принцип приемлем и к интересующей нас идее. Безусловно, разработанного понятия и целостного осмысления проблемы культурной самоидентификации человека в наследии философа мы не найдем, однако, интерес Н.Г. Чернышевского к человеку и человечеству, ради которых он жил, творил, терпел лишения и тяготы не ослабевал на протяжении всей его сознательной жизни. Именно научный интерес, а также творческая интуиция философа позволили ему выделить данную идею и представить в приемлемых для его времени понятиях и контекстах.

Ранее нами уже отмечалась главная особенность исследовательского подхода Н.Г. Чернышевского⁴, состоящая в направленности на человека, которого он стремится рассматривать в динамике внешних и внутренних воздействий. Поэтому идея культурной самоидентификации человека, по нашему мнению, в его творчестве присутствует, однако, по понятным причинам она представлена в достаточно свернутом виде и рассматривается не в современных научных терминах.

Следует констатировать, что для своего времени Н.Г. Чернышевский рассматривает человека достаточно глубоко, всесторонне и динамично. В его работах выделяется с одной стороны, «живой», «мыслящий», «дюжинный», «благородный», «нравственный», «действительный», «государственный», человек, а с другой стороны, «люди пустые, с отсталыми понятиями». Однако он не считает, что культурное развитие индивида на этом заканчивается, совсем наоборот: умный, благородный человек может подняться в своем развитии, стать на ступеньку выше, а менее полезный для общества и непросвещенный тоже, возможно, поднимется в своем совершенствовании при условии соблюдении необходимых законов, приближающих его к выбранной цели. При этом, отмечает философ, изменяясь сам, человек перестраивает и внешний мир вокруг себя. «Действуя сообразно с законами природы и души и при помощи их, человек может постепенно видоизменять те явления действительности, которые несообразны с его стремлениями, и таким образом постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний»⁵.

Анализ философских и социологических работ Н.Г. Чернышевского, свидетельствует о том, что он достаточно четко выделяет внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие и самоопределение человека в качестве самостоятельного индивида. Человек развивается под влиянием социальной динамики, стремясь к возведению себя в «человеческий сан», причем в этом процессе, по его мнению, участвуют в равной степени как разум, так и чувства. При этом наряду с междисциплинарным понятием «развитие» он использует термин, наделенный особой изобразительно-

выразительной характеристикой, — «делаться», и поэтому приобретающий глубокий смысл, не свойственный языковому сознанию современного человека с его «интернет-сленгом», «албанским языком». «Нам впереди, — оптимистически утверждал Н.Г. Чернышевский, — на много столетий обеспечена счастливая доля делаться (выделено Н.Л.) самим и устраивать свою жизнь все получше и получше»⁶.

Для успешной самоидентификации человеку необходимо постоянно быть включенным в реалии социальной жизни во всей ее многогранности, неповторимости и сложности, которые оказывают на него достаточно мощное преобразующее влияние. «Занятия важными общественными делами, — по мнению Н.Г. Чернышевского, — есть наилучшая школа для развития в человеке всех истинно человеческих достоинств», «для развития человека очень важно ему близко видеть жизнь разных слоев общества, а не одного того класса, к которому он принадлежит»⁷. На культурную самоидентификацию человека оказывает значительное воздействие также и знание народной и мировой культуры, обычаев, языков, особенно тех народов, с которыми взаимодействуют коренные жители. Подобные взаимосвязи и их осмысление не только расширяют кругозор, формируют толерантную картину мира, но и укрепляют связь частной жизни с общественной, мысли и дела, развивают такие истинно человеческие качества, как: сострадание, умение прощать, готовность к оказанию помощи, милосердие, потому что «каждый человек измеряет других собою»⁸.

В работах Н.Г. Чернышевского обозначен и такой актуальный аспект, оказывающий в настоящее время огромное влияние на культурную самоидентификацию человека, как качество работы гражданских учреждений. Положительная или отрицательная оценка общества в целом рядовыми членами социума часто осуществляется через оценку деятельности конкретных государственных учреждений, например, пенсионного фонда, жилищно-коммунальных организаций, учреждений образования, культуры, здравоохранения. Общественное положение, занимаемое государственным человеком, которого в настоящее время называют чиновником, управленцем или «менеджером», обязывает его быть благоразумным, управлять своими страстями, накапливать подчас горький опыт благодаря исполнению возлагаемых на него обязанностей.

Н.Г. Чернышевский не оставляет без внимания и экологические проблемы, которые должны решаться гражданами под патронажем государственных структур, например, такие, как: разведение и сохранение лесов, осушение и орошение почвы и многие другие, без которых невозможно «пересоздать природу страны». При решении данных проблем, одновременно, населением приобретает благородная привычка к самобытному участию в гражданских делах, формируется чувство гражданина, сопричастного ко всем изменениям, происходящим как в

обществе, культуре, науке, образовании, здравоохранении, так и в собственном городе, районе, на улице, в доме.

Таким образом, идеи Н.Г. Чернышевского о культурной самоидентификации человека свидетельствуют не только о динамике его мировоззрения, но и позволяют их включить в современное русло исследования данной проблематики. Эмпирическое становление культурной самоидентификации человека, как следует из произведенного дискурсного анализа его произведений, опирается на интеграцию объективных и субъективных источников изменения. При этом внутреннее ощущение самоотличия человека осуществляются под влиянием осмысления внешних обстоятельств, тогда как внешние факторы воздействуют на него в связи с их внутренним переосмыслением. Диалектика процесса культурной самоидентификации человека такова: одновременно осуществляется его внутреннее созревание, взросление, социализация, которые, в свою очередь, продолжают в полной мере влиять на саморазвитие индивида и на практическое изменение им окружающей среды обитания.

Примечания

¹ См. подробнее: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.

² Джозеф Д. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 16.

³ Дриккер А.С. Информационная матрица социокультурной эволюции // Человек. 2013. № 3. С. 67.

⁴ Лысикова Н.П. Социокультурные идеи Н.Г. Чернышевского: современная интерпретация // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Демченко. Саратов, 2012. С. 50.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1947. С. 228.

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1949. С. 68.

⁷ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 149; Т. XII С. 416. М., 1950.

⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1950. С. 772.

А.А. Демченко

ЖУРНАЛИСТИКА И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ ЧЕРНЫШЕВСКОГО: РИСКИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Понятие «власть» в названии статьи наполнено подвижным коннотативным значением. Это в первую очередь государственная самодержавная власть, в ресурсе которой мощное средство воздействия в ее взаимоотношениях с журналистикой – цензура. Власть предержавные, и особенно приставленные к литературе государственные чины, всегда пристально следили за состоянием журналистики, вполне осознавая ее огромную роль в формировании общественного мнения, которое являлось, пожалуй, единственно сильным и тревожащим власти фактором, так или

иначе ограничивающим своеволие властей и в известной степени регулирующих их поведение. В февральской статье за 1858 г. «О новых условиях сельского быта», когда еще теплилась надежда на реформаторскую миссию Александра II, Чернышевский, подписав статью псевдонимом «Современник», как бы подчеркивая острую актуальность обсуждаемого вопроса об отмене крепостного права, привел слова известного немецкого ученого, представителя исторической школы в политэкономии Рошера: «...При высокой степени развития цивилизации непреодолимая сила общественного мнения приводит к уничтожению всех остатков рабства»¹. До «высокой степени развития цивилизации» России в 1858 г. было ой как далеко, и об «уничтожении всех остатков рабства» речи не могло идти, когда это рабство еще пребывало в полной силе. Ключевой для Чернышевского в цитируемом тексте была другая мысль, внушаемая читателям и по-своему воспитывающая их – мысль о «непреодолимой силе общественного мнения», и формирующим носителем этой силы, заставляющей власти считаться с ней, в значительной степени была журналистика.

О том, насколько высшие правительственные чиновники уже тогда начинали осознавать особую роль журналистики в общественной сфере, свидетельствует оценка состояния и значения периодической печати министром народного просвещения А.В. Головниным в особой записке, доложенной Совету министров 26 февраля 1862 г. (Александр II представлено 1 марта). По данным министерства, в России числилось 280 названий повременных изданий, из которых 16, по заверению министра, «более или менее имеют влияние на общество» – это «"Московские ведомости", "Санкт-Петербургские ведомости", "Русский инвалид", "Северная пчела", "Petersburger Zeitung", "Библиотека для чтения", "Современник", "Отечественные записки", "Русский вестник", "Наше Время", "Время" "Сын Отечества", "Русское слово", "День" и даже иногда "Иллюстрация" и "Искра"». На русском языке издавалось 234 журналов и газет, у газет было около 10 тыс. подписчиков, «если журнал имеет 6 или 7 т. подписчиков, то полагается, что он идет очень хорошо», и, подытоживал министр, «число читателей уже вообще незначительно и не превосходит несколько сот тысяч». Отсюда следовал вывод: «Наши журналы и газеты еще не могут иметь того огромного влияния, которое составляет их силу в других государствах, где они являются властью, которую правительства должны принимать в расчет при своих действиях», хотя и у нас «в так называемом образованном обществе они имеют влияние преимущественно на молодых людей, которые редко обсуждают справедливость или неосновательность воззрений, встречаемых ими в печати». Вот и обозначено государственным сановником еще одна сторона содержания понятия «власть», но уже применительно к журналистике. Обе «власти» обречены на взаимодействие, вступая в рискованное сосуществование. По заверению автора доклада, «число главных писателей в наших влиятельных журналах и

газетах доходит до 50», однако «страсть к чтению развивается во всех слоях общества и особенно в народе весьма быстро, и не пройдет 10 лет, когда число читателей увеличится весьма значительно», и «тогда мы увидим настоящую силу и независимость журналов»².

Приведем свидетельство еще одного крупного административного деятеля, причастного к решению многих государственных, а также и общественных вопросов. Речь идет о князе А.А. Суворове, внуке полководца, члене Государственного совета, генерал-губернаторе Санкт-Петербурга в 1861–1866 гг., пользовавшемся дружеским расположением Александра II и популярностью в передовых литературных кругах, поскольку «проводил политику доброты и умерения строгости закона и произвола администрации»³. В апреле 1862 г. из канцелярии А.А. Суворова поступила в адрес министерства народного просвещения просьба о безвозмездной передаче ряда журналов и газет. Просьбе предшествовала обращающая на себя внимание характеристика влияния журналистики на современную жизнь: «<...> Русская литература сделалась до такой степени уже деятельным и полезным органом общественной жизни, что ни одно из ее заявлений о нуждах и потребностях общества не должно быть оставляемо без внимания в том убеждении, что Правительство при основательной критике литературных мнений и отзывов всегда извлечет из них положительную пользу»⁴. Бумагу министр А.В. Головин переадресовал председателю С.-Петербургского цензурного комитета Н.В. Медему, и тот заручился согласием 17 редакторов за их личной подписью от 10 апреля 1862 года⁵.

В приведенной выше записке А.В. Головина указывалось на неудовлетворительность существующих цензурных правил, излишней строгостью вынуждавших журналистов говорить «условным языком, и читатель, — со знанием дела утверждал министр, — весьма хорошо понимал то, чего не видела одна цензура. Сильное стеснение свободы изощряло способность говорить иносказательно и в то же время озлобляло писателей»⁶.

Заявление высшего чиновника о реакции журналистов на «сильное стеснение свободы» подтверждается примерами из истории журналов. В научной литературе со временем сделалось общим местом говорить о преследовании цензурой журналов «Современник», «Русское слово»⁷. Такое преимущественное внимание к передовым изданиям оправдано, но вместе с тем в итоге оставалось несколько искривленное представление о положении всей русской журналистики, которая пусть в меньшей степени, но так же тягостно переносила цензурные нападки.

Правительственные преобразования цензуры в сторону ее ужесточения начались в 1860 г., расшатывая и без того неустойчивую основу авторской независимости и затрагивая, таким образом, жизненные интересы русских журналистов. Во «Всеподданнейшей докладной записке» от 9 января этого года тогдашнего министра народного просвещения Е.П. Ковалевского

говорилось: «Быстрое распространение в последнее время произведений литературы, особенно периодических изданий и замечаемые в них уклонения обратили на себя особое внимание Вашего Императорского Величества, вследствие чего благоугодно было Вам Высочайше повелеть мне представить соображения об усилении наблюдения за книгопечатанием в России»⁸. От возросшей с 1860 г. придирчивости Главного управления цензуры не было застраховано ни одно периодическое издание, независимо от его идейной направленности.

При этом предупреждения и выговоры получали не только литераторы, но и наблюдающие за ними цензоры, оказывавшиеся, таким образом, затянутыми в ту же паутину рискованного сосуществования. Таково неизбежное следствие нелепо сложившихся отношений участников создания печатного слова в условиях его несвободы.

Так, в марте 1860 г. И.В. Вернадский получил предупреждение за напечатание в своем «Экономическом указателе» (№ 166) в рубрике «Открытые вопросы» следующей фразы: «Почему то, что признается преступлением в Париже, имеет силу закона в Петербурге?» Н.А. Муханов заметил цензору журнала А. Ярославцеву, что «подобного вопроса, выражающего некоторое порицание законодательства нашего, не следовало цензуре пропускать»⁹. В августе за напечатание в «Северной пчеле» (№ 172) статьи, в которой по поводу итальянских событий «рассуждается о том, что старые династии не могут усвоить новых идей и потребностей, и в доказательство сего приводятся факты из истории Англии и Франции», тот же Н.А. Муханов объявил цензору Е.Е. Волкову «строжайший выговор за настоящее его упущение», а редактору последовало предостережение о запрещении издания, если здесь «впредь будут помещаемы подобные предосудительные статьи»¹⁰. Редактор «Русского инвалида» П.С. Лебедев в октябре обратился с письмом в высшее цензурное ведомство «о безвыходном положении, в которое поставлены в настоящее время ежедневные периодические издания вследствие распоряжений цензуры»¹¹. Даже Н.Ф. Павлову, ревностному пропагандисту официоза, в апреле того же 1860 г. пришлось пожаловаться на неоправданное запрещение Московским цензурным комитетом статьи К. Арсеньева «Обличительная литература и ее обязанность» на основании «недопущения к печати суждений, касающихся гласности судопроизводства и обличительной литературы». По духу и направлению своему, как справедливо уверял редактор «Нашего времени», эта статья «ни в каком случае не может быть признана неблагонамеренною». Однако член Главного управления А.Г. Тройницкий, хотя и был уверен в безусловной благонамеренности газеты Н.Ф. Павлова, подтвердил 7 мая 1860 г. правильность замечания комитета. Статью он все же разрешил к печати, но лишь с условием изменения некоторых мест. Теперь судопроизводство названо не «гласным», а «улучшенным», во фразе «газеты и журналы добросовестно и верно обсуждали действия лиц» выделенные слова заменены на «подробно»¹².

Вскоре Н.Ф. Павлов написал официальную жалобу на пристрастные замечания Московского цензурного комитета и в особенности цензора Я. Прибиля, который, к примеру, «вместо "присутствие разума" поставил "рациональность". Прилагательное "разумные", почему-то особенно ему неприятное, — продолжал Н.Ф. Павлов, — он вычеркнул во всех местах статьи». К тому же цензор задерживал корректуры, возвращая их часто ночью, уже накануне выхода номера, и с пометками, «которые, — жаловался редактор, — человеческий ум не в состоянии предвидеть», «газета моя не представляет ничего анархического, ничего, за что можно бы было наслать на нее такое божеское наказание». Поначалу Главное управление нашло делаемые Я. Прибилем исправления «маловажными»: в них «нельзя не признать особенного стеснения». Однако предложение председателя Московского цензурного комитета М.П. Щербинина цензурировать статьи «Нашего времени» в Петербурге, а не в Москве Главным управлением было отклонено¹³. Один из летних выпусков «Нашего времени» содержал редакционное примечание, явно намекающее на цензурные затруднения: «Этот номер газеты не вышел в свое время по причинам, от редакции не зависящим»¹⁴. Протесты Н.Ф. Павлова, последовавшие в марте 1861 г., и вовсе оставлены без последствий, действия же Московского цензурного комитета признаны «правильными»¹⁵. Я. Прибиль оставался цензором «Нашего времени» и в 1861, и в следующем году.

В октябре 1860 г. после неоднократных замечаний «за упущения» цензор А. Ярославцев, наблюдавший за «Русским словом», был уволен, редактору же объявлено, что журнал «неминуемо подвергнется запрещению»¹⁶.

20 января 1861 г. Н.В. Медем разработал подробную инструкцию для своих подопечных, касающуюся политических отделов журналов. Наставление открывалось следующим безапелляционным заявлением: «Что в нашей журналистике преобладает направление предосудительное, в особенности по предметам политическим, в том не может быть сомнения», и, убежден автор, «нужно было бы возвратиться к самым строгим цензурным постановлениям, какие когда-либо существовали, а именно «нужно было бы не только запретить всякие рассуждения о либеральных мыслях и всякие объяснения политического устройства европейских государств, но не допускать даже сообщения большей части заграничных происшествий»¹⁷.

Последствия сказались незамедлительно. Например, в марте 1861 г. редактор «Экономического указателя» И.В. Вернадский в официальной записке высказал недовольство цензурными запрещениями или изменениями, «делающими почти невозможным дальнейшее издание специального журнала без искажения направления и без нарушения обещаний, данных публике редакцией с дозволения правительства». Его

просьбу восстановить перечисленные им места статей оставили без внимания¹⁸. Редактор «Военного сборника» вспоминал, как в 1861 г. цензор К.С. Оберт в статье «Очерк вооруженных сил Швейцарии» «всюду слово конституция заменил словом положение», а в другой статье «вычеркнул описание политического устройства Дании, без чего не имело смысла и описание вооруженных сил Дании, между тем политическое устройство Дании свободно рассказывалось во всех учебниках географии»¹⁹.

Свод многостраничных записок А.А. Берте и Н.В. Медема пополнился еще одним документом, составленным членом Главного управления цензуры О. Пржецлавским 22 октября 1861 года. Смысл его предложений сводился к тому, чтобы в какой-то мере снять с цензоров ответственность за пропуск статей, определявших направление журнала. Это направление «в разных видах и под неуловимыми формами будет беспрестанно прокрадываться в печати помимо всей тщательности самых даже опытных цензоров», — уверял он. По его мнению, суждение о направлении периодического издания, рассматриваемого «не в отдельных выпусках, а за целые периоды времени», должно выноситься только членами Главного управления²⁰. Ограничение полномочий цензоров не получило практического применения.

Надежды журналистики на послабление цензуры получило яркое выражение в особой коллективной записке московских и петербургских литераторов²¹. Она не имела поддержки в высших сферах. Однако нельзя сказать, чтобы воплощенные в записке предложения к переменам не имели никакого резонанса. Пусть косвенно, но она содействовала движению в цензурном ведомстве.

Власти в России фатально не умели наладить диалог с обществом и представляющей его интересы журналистикой, опасаясь ее разрушительной силы. Между тем, по словам Н.Г. Чернышевского в письме к генерал-губернатору А.А. Суворову в конце 1861 г.²², большинство журналистов настаивает на «отменении цензуры», которая «не имеет достаточных оснований при настоящих стремлениях правительства и при чувствах, которые порождаются в обществе этими стремлениями». «Цензура, принося вред обществу, — утверждал Н.Г.Чернышевский, — приносит еще более вреда правительству», и каково бы ни было ее назначение, «она не достигает и ни в каком случае не может достичь своего назначения». «Отменение цензуры требуется выгодною самого правительства», и, основываясь на этом, русские литераторы сами способны создать учреждения, которые «могли бы действительнее, нежели цензура, оградить те интересы, охранение которых вверено цензуре, но не достигается ею»²³. Правительство было неспособно прислушаться к такого рода рекомендациям, ввергнув журналистов и все дело книгопечатания в дальнейшую конфронтацию с государством, чреватую новыми обоюдными ситуациями риска.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 105.
- ² ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5977. Л. 1–4.
- ³ Воспоминания проф. И.Е. Андреевского. Князь Александр Аркадьевич Суворов // Русская старина. 1882. № 3. С. 836.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. 1862 г. №. 55. Л. 1.
- ⁵ Эти имена приводим в архивном перечне: А. Старчевский («Сын Отества»), П. Усов («Северная пчела»), А. Очкин («Очерки»), Ф. Мейер («St. Petersburger Zeitung»), А. Гиероглифов («Русский мир»), Г. Елисеев («Век»), Н. Степанов («Искра»), В. Тимм («Русский художественный листок»), А. Погосский («Солдатская беседа»), А. Краевский («Отечественные записки»), Н. Чернышевский («Современник»), М. Достоевский («Время»), И. Калиновский («Светоч»), А. Писемский («Библиотека для чтения»), Г. Благодетелов («Русское слово»), В. Белозерский («Основы»), Н. Калачев («Архив историко-юридических сведений о России»). – Там же. Л. 2, 6.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5977. Л. 5.
- ⁷ См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936; *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974. Также: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. проф. А.В. Западова. 3-е изд. М., 1973; *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917): учебно-методич. комплект. М., 2000; *Громова Л.* История русской журналистики 18–19 век. СПб., 2003.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5084. Л. 1.
- ⁹ Там же. №. 5201. Л. 14.
- ¹⁰ Там же. №. 5391. Л. 1.
- ¹¹ Там же. №. 5471. Л. 1.
- ¹² Там же. №. 5272. Л. 1, 2, 5, 13.
- ¹³ Там же. №. 5280. Л. 1–9.
- ¹⁴ Наше время. 1860. 23 августа. №. 32.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5561. Л. 14.
- ¹⁶ Там же. №. 5425. Л. 5 об., 8.
- ¹⁷ ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5571. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. №. 5607. Л. 1–4.,
- ¹⁹ Записки Петра Кононовича Менькова. СПб., 1898. Т. II. С. 300.
- ²⁰ ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. №. 5835. Л. 8–9.
- ²¹ См.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904. С. 59–82.
- ²² Звенья. 1936. Т. 6. С. 609; *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 850.
- ²³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 720–721.

Н. В. Новикова

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

В свое время Берковский, говоря о вхождении Тютчева в литературу «подлинным образом», сослался на «уверенное суждение Некрасова о Тютчеве как о замечательном русском поэте, одном из первенствующих»¹. Имелась в виду редакторская статья с републикацией тютчевских стихов пушкинской подборки. Их, как известно, Некрасов провозгласил

принадлежащими «к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии», разглядел на них «печать истинного и прекрасного (курсив мой. — Н.Н.) таланта, <...> исполненной мысли и неподдельного чувства»², а талант их создателя по праву отнес к «русским первостепенным поэтическим талантам»³. С этого аккорда начались в «Современнике» 1850-е годы. Берковский коснулся и того, что после выхода в 1854 году первого сборника стихотворений давно уже зрелого поэта «мнение Некрасова о Тютчеве подтвердили Добролюбов и Чернышевский»⁴. Исследователю достаточно было указать на этот момент, но, как ни удивительно, подробности его до сих пор не освещены ни применительно к Тютчеву, ни применительно к Чернышевскому.

Вопрос, которым задаемся, при видимой локальности и конкретности его звучания, восходит к проблеме крупной, сквозной, методологически значимой: поэзия как область литературы в теоретическом сознании и литературно-критической практике Чернышевского. К рассмотрению Чернышевским «эстетических отношений» искусства и действительности в сфере собственно поэзии отечественное литературоведение вплотную еще не подошло. Одна из причин этого, видимо, в укорененности предвзятого ощущения «несовместности» сторон. Однако нельзя не отметить значительного шага в направлении такого исследования, который был сделан в 1926 году: тогда увидела свет объемистая статья Гиппиуса «Чернышевский — стиховед»⁵. Узко специальный угол зрения, который избирает автор этой работы, убедительно подтверждает правомерность подобного рода разысканий относительно весомой части наследия Чернышевского. Он, как отмечает Гиппиус, «к целому ряду поэтов (Некрасову, Огареву, Щербине, отчасти Плещееву) относится с сочувствием. Уже из этого видно, что сама по себе стиховая форма (курсив автора. — Н.Н.) не вызывала со стороны Чернышевского никакого отпора»⁶. Исследователь берет под сомнение представление о Чернышевском как о «разрушителе эстетики»: «Если принять в расчет <...> совокупность всех высказываний Чернышевского о поэзии, то будет очевидно, что его критические мнения не сводятся к публицистике»⁷, «в отношениях своих к поэзии»⁸ (и именно к ней) Чернышевский был «лишь выразителем натуралистической поэтики 1850-х годов, выразителем стремлений не к отмене, а к обновлению поэтических и в частности стиховых форм»⁹.

Разножанровые статьи, обзоры, рецензии, художественные произведения, эпистолярный Чернышевского содержат впечатляющий материал для того, чтобы посмотреть на идеолога революционной демократии со стороны его поэтических пристрастий, симпатий и антипатий. Имена — на поверхности: Карамзин, Жуковский, Кюхельбекер, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Огарев, А. Майков, Никитин, Щербина, Кольцов, Полонский, А. Толстой, Мей, Бенедиктов, Плещеев. — И это только из истории и современности русской лирики. Должное внимание к непосредственному читательскому восприятию и к

аналитической рецепции, производной от мировоззренческой картины мира, будет, на наш взгляд, с одной стороны – способствовать воссозданию полноты представлений о личностном и творческом облике Чернышевского, с другой стороны – само слово Чернышевского о Тютчеве позволит различить дополнительные оттенки в портрете художника, создававшемся поистине проницательным читателем на фоне эпохи 1850–1860-х годов.

Прикоснемся к малой толике поддающегося обозреванию пласта, показательной, по нашему мнению, для него в целом. Первое упоминание Чернышевского о Тютчеве появилось в его обзоре периодических изданий, помещенном в 4-м номере «Отечественных записок» за 1854 год: «О прекрасных (курсив мой. – Н.Н.) стихотворениях г. Тютчева («Современник») мы не говорим теперь, потому что намерены посвятить им отдельную статью»¹⁰. По всей видимости, на воображение Чернышевского подействовала свежая подборка лирических произведений поэта, напечатанная в Приложении к 3-му тому некрасовского журнала за тот же год. Открывалась она уже известным, опубликованным на страницах «Современника» в третий раз – «Не то, что мните вы, природа...», состояла из более чем тридцати стихотворений, написанных, кроме заглавного, по возвращении на родину. Среди них – подлинные шедевры: «Два голоса», «Под дыханьем непогоды...», «Как весел грохот летних бурь...», «Ты волна моя морская...», «Не остывшая от зною...», а также – любовные признания, обращенные к Денисьевой («Предопределение», «Я очи знал, – о, эти очи!..», «Не говори: меня он, как и прежде, любит...», «О, не тревожь меня укорой справедливой...», «Чему молилась ты с любовью...», «О, как убийственно мы любим...», «Последняя любовь»). Здесь же, рядом с лирическими откровениями – «Наполеон», «Рассвет», «Пророчество», отражающие тютчевскую философию истории, его панславистские настроения.

Что именно в стихотворениях Тютчева было воспринято «прекрасным»? Надо полагать, к этому моменту Чернышевский, благодаря тому же «Современнику», уже был знаком с его поэзией, и она не оставляла его равнодушным.

Видимо, в свой черед и Чернышевский, к тому времени практически завершивший работу над диссертацией, почувствовал неотразимость поэтического мира Тютчева, без рассуждений откликнулся на красоту и силу «чистой поэзии». Нелишне заметить, что ей отводилось заметное место на страницах журнала с программой, по-фетовски говоря, «вызовов к борьбе», а не «исцеления от муки»¹¹. Чего уж больше: на протяжении почти всего упомянутого десятилетия в «Современнике» царил Фет, несмотря на то, что ни для кого не было тайной его несогласие с «эстетической теорией Чернышевского и гражданским направлением поэзии»¹². Разрыв с журналом произошел по инициативе «поклонника вечной красоты»¹³, вскоре после того, как в «Русском слове» он выступил со статьей «О стихотворениях Ф. Тютчева», в которой недвусмысленно заявил о неприятии эстетических

принципов куратора отдела литературной критики «Современника».

Мирное сосуществование под одной крышей художника, забывшего «житейское волнение»¹⁴, «красотою умиленного»¹⁵, и ревнителей искусства совершенно иного пафоса оказалось в конце концов невозможным¹⁶. В связи с этим будет уместным привести несколько высказываний Чернышевского из письма к Некрасову от 5 ноября 1856 года. По прочтении только что вышедшего сборника «Стихотворений» товарища по журналу и его редактора Чернышевский восторженно отзываясь о книге в целом и подчеркивает: «Пушкин, Лермонтов, Кольцов, как лирики, не могут идти в сравнение с Вами. Не думайте, что я увлекаюсь в этом суждении Вашею тенденциею, – тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других, – притом же, я вовсе не исключительный поклонник тенденции, это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей. Но я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни – потребности сердца существуют, и в жизни сердца истинное горе или истинная радость для каждого из нас. <...> Убеждения занимают наш ум только тогда, когда отдыхает сердце от своего горя или радости. Скажу даже, что лично для меня личные мои дела имеют более значения, нежели все мировые вопросы – не от мировых вопросов люди топятяся, стреляются, делаются пьяницами, – я испытывал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли, – лично для меня первая привлекательнее последней, и потому, например, лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею»¹⁷.

И это со всей определенностью, с безоглядной откровенностью, поразительной искренностью говорит тот, чья репутация учредителя «тенденции», а не только ее горячего сторонника ни у кого не вызывала сомнений. «Потребности сердца», теснящие «убеждения», вскрывали существо живой, восприимчивой природы. Внутренний драматизм ее диалектики был ведом, кстати, и самому Некрасову. Поэтому желание Чернышевского «поговорить» о его стихотворениях – «не с политической, а с поэтической точки зрения»¹⁸ – возвращало бы Некрасова к исключительно заповедному в себе. Где еще было найти такого ценителя подлинно поэтического слова?

Готовность Чернышевского вести диалог об эстетической наполненности волнующих душу лирических откровений проявлялась не только в отношении Некрасова, но и Тютчева. И хотя специальной статьи о поэзии Тютчева он так и не написал, но, судя по всему, не изменил своей любви к его поэзии и в годы суровых испытаний, разговор о чем еще предстоит. А пока заметим, что, перейдя в «Современник», в одной из ранних своих рецензий Чернышевский вновь ссылается на Тютчева. Повод для этого – самый достойный: по предложению Некрасова новый сотрудник журнала пишет отзыв на два фундаментальных издания, вышедших к

юбилею первого российского университета¹⁹. Рецензент считает своим долгом «по спискам, находимым у г. Шевырева, привести имена некоторых воспитанников Московского университета, деятельность которых служит вернейшим мериллом того влияния, какое имел он до сих пор на умственную жизнь России»²⁰.

Тютчев здесь – в пантеоне славы, среди таких, как «Фонвизин, Богданович, И.П. Тургенев, Плавильщиков, <...> Стефан Глаголевский (митрополит Серафим), Озеров, кн. Шаховской, Магницкий, Воейков, Мерзляков, Нарезный, Жуковский, А. Тургенев, <...> кн. Одоевский, Пирогов, <...> Пассек, Станкевич, Полежаев»²¹. Но за двадцать лет службы на дипломатическом поприще, тем более спустя несколько лет после этого, перебравшись на родину, Тютчев как чиновник министерства иностранных дел не преуспел. Стало быть, «мерилом» Чернышевского в определении действительных заслуг Тютчева перед Отечеством является прежде всего его художническая высота, «умственная жизнь» поэта-мыслителя, созданная им картина мира, притягательная для ума и души. Такая аттестация из уст приверженца новых эстетических идей свидетельствует о неоспоримости в его глазах достоинств тютчевской поэзии как образца «чистого искусства».

О том, насколько Чернышевский проникся поэзией Тютчева, как тонко ее понимал и доподлинно знал, дает представление следующая рецензия²². В наши задачи не входит комментирование критического истолкования в ней поэтических опытов Ивана Никитина, хотя сразу оговоримся: Чернышевский верно подметил, что начинающий поэт из провинции – «человек довольно начитанный: не только Пушкин и Лермонтов очень хорошо знакомы ему, но и все другие наши поэты изучены им», вплоть до того, что «не только каждая картина, но и каждая черта картины у г. Никитина в точности заимствована у того или другого из этих поэтов (Тютчева, Фета, Щербины, Майкова, Огарева, Кольцова, названных критиком выше. – *Н.Н.*). Это уже дар образованности, а не природы»²³. Указывая на неодолимую потребность Никитина подражать образцам, Чернышевский называет в том числе две его «пьесы» «из г. Тютчева» («Тихо ночь ложится...» и «В зеркало влаги холодной...»), вторую определяя как «пародию на г. Тютчева»²⁴. Мы обращаемся к этому отзыву критика прежде всего потому, что он позволяет увидеть в нем заинтересованного читателя и почитателя тютчевского слова, взыскательного знатока и даже ревностного защитника от неумелых, с его точки зрения, посягательств на поистине неподражаемые красоту и глубину творений признанного мастера.

Краткая рецензия дает опосредованное представление о критериях оценки Чернышевским поэтической продукции: обнаруживая, что Никитин «просто переделывает различные пьесы различных авторов», критик не замечает в его «куплетах» «ни малейшего поэтического инстинкта: нет ни мысли, ни чувства»²⁵.

Эта формулировка, варьируясь, трижды повторяется на одной странице и возникает в качестве итоговой: «Мы советовали бы г. Никитину, оставив на время сочинение стихов, ждать, пока жизнь разбудит в нем мысль и чувство, не вычитанное из книг, не заученное, а свое собственное, живое, от которого бьется сердце, а не только скрипит гусиное или стальное перо. Тогда и он будет поэтом»²⁶. Лейтмотив требований отражает коренное представление Чернышевского о поэте и поэзии и, как видим, перекликается с тем, что было поведано им в письме к Некрасову примерно в то же время, то есть свидетельствует не о сиюминутной настроенческой интерпретации, а о сложившихся принципах подхода к действительно изящным явлениям словесного искусства.

Представления о поэтическом призвании, о важнейших приметах поэтической натуры, по которым и следует отличать ее от всех остальных, отразятся в авторском предварении к роману «Повести в повести». Концептуальные размышления на этот счет заслуживают, думается, специального разговора. Работа над романом велась в Петропавловской крепости с 21 июля 1863 года по 1 января 1864-го. И вновь Чернышевский прибегает к Тютчеву. В письме к Е.Н. и А.Н. Пыпиным от 4 сентября 1863 года – просьба прислать «следующие книги», среди которых, наряду с томами Диккенса, Жорж Санд, Гоголя, – сочинения «Фета. – Тютчева (если можно достать). – Кольцова. – Лермонтова»²⁷. Желаемые издания стихотворений были доставлены, кроме названных поэтов – еще и Некрасова, что отражено в «Списке книг, находящихся у Н. Чернышевского». В мае 1864-го, перед отбытием в Сибирь, Чернышевский вновь обращается к «милому Сашеньке» с просьбой переслать «при случае» из «Списка» в 48 наименований всего лишь пять. Это издания исторического, философского, естественно-научного содержания. От томов стихотворений Лермонтова, Кольцова, Тютчева, Фета, Некрасова, по понятным причинам, пришлось отказаться²⁸.

«Повестям в повести» предпослано «Посвящение», строки для которого подобраны из стихотворения Тютчева «День вечереет, ночь близка...»:

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет сень
Для очарованной души²⁹.

Смысл этого поэтического призывания, каким он открывается романисту, проступает уже в «Предисловии для моих друзей между читателями и читательницами»³⁰. Автор полагается на их духовно-нравственную исклочительность. Он уточнит, преклоняясь: «М о я (разрядка автора. – Н.Н.) читательница – только читательница с чистым

сердцем; она священна, как Жанна д'Арк для всех порядочных людей»³¹. Только с такой читательницей, наделенной «очарованной душой», способной откликаться на тончайшие движения твоего сердца, можно поделиться дивной мечтой о счастье. Чернышевский считает нужным объяснить свои побуждения: «Мы в нашей литературе все занимается общественными вопросами. Это прекрасно. Но бывает потребность и в отдыхе от серьезных мыслей, потребность забыть хоть на час, что мы гражданки и граждане, пометать легкими, светлыми грезами чистой поэзии, чуждой всякого общественного служения. В такие часы читайте первую часть моего романа»³².

И вновь — о «потребностях сердца», которые не заглушаются руководящей «тенденцией», попеременно ищут выхода, наполняя душу благодатью. Но «тенденция» стережет, отрешиться от нее нельзя, поскольку служение идее есть главное дело жизни человека с «очарованной душой»: «Если здесь я сказочник, забывающий всякую гражданскую деятельность, думающий только о песнях любви и трелях соловья, о розах, лилиях и жасминах, то в других моих произведениях, в моих бесчисленных статьях я — публицист. Как публицист я предмет сочувствий и антипатий более сильных, чем довольство или недовольство сказочником, поэтом»³³.

Завершая прямой разговор с читателем, Чернышевский признается в том, чем живет и без чего, надо полагать, жить не может: «... я <...> человек очень много учившийся, еще более думавший о предметах очень серьезных, между прочим о человеческом сердце и о любви, и о поэзии, публицист очень суровый и чрезвычайно грубый»³⁴. В данном случае нас интересует не феномен явной дисгармонии насущных для автора сфер бытия его сознания и души, велений долга и велений сердца, а именно его стойкое влечение к лирической стихии, его тонкое поэтическое чутье, его безошибочный вкус, его эстетически выверенный взгляд, его желание и умение любоваться подлинной, вечной красотой.

Тютчев оказывается уже в «списке важнейших авторов первой части "Перла создания"». Здесь он рядом с Гете, Гейне, Гафизом, Шиллером, в компании тех же любимцев романиста: Фета, Кольцова, Лермонтова, Некрасова³⁵. Чернышевский с чувством достоинства мотивирует обращение к ним, подчеркивая тем самым внутреннюю близость с художниками такой пробы и обоюдное отсутствие суетных желаний: «Мы не раздавали славы людям одного с нами поколения. Те из авторов "Перла создания", которые здравствуют, наверное <...> и не ждут от нас с вами решения, гениальны ли они. Ручаюсь в этом за <...> Фета, Некрасова и Тютчева. Все они знают: "Если нас еще не забудут в 1900 году, мы — великие поэты; но раньше 1900 года нельзя слышать, кого помнят и кого любят в 1900 году. Оставим времени решить то, что может решить только время". Так думают все восемь человек, которых я назвал вам, — ручаюсь. И по-моему, они думают это умно»³⁶. Все это говорит о том, что Тютчев, по Чернышевскому, не только занял одно из неоспоримых мест на современном поэтическом

Олимпе, но и за пределами этого выдающегося контекста, при философической деликатности предположений, он не должен быть потерян для читателя. Во всяком случае, взгляд в обозримое будущее придает восприятию Тютчева Чернышевским правомерный историко-литературный масштаб.

В последний раз Тютчев упоминается Чернышевским в связи с конкретным фактом его творческой биографии: стихами, которые были вызваны панславистскими настроениями. Такого рода стихотворные произведения, числом менее десяти, вышли из-под тютчевского пера в конце 1840-х – первой половине 1850-х годов. Заключительными следует признать «Тогда лишь в полном торжестве...» и переработку «Олегова щита». Дело в том, что в последние месяцы пребывания в Петропавловский крепости Чернышевский был занят переводом книги английского историка Кинглека о военных событиях в Крыму 1853–1856 годов и составлением обширнейших комментариев к этому труду, с концепцией которого был не согласен. Возражая англичанину по одному из пунктов, Чернышевский касается унастроенный «большинство образованного русского общества», «когда уже шла война на Дунае»: «Как и всегда бывает с большинством образованного общества всякой честной и немалодушной нации в подобных обстоятельствах, – прониклось воинственностью; г-жа Павлова, г. А. Майков и даже истинный поэт г. Тютчев стали писать стихи в том духе, какой Кинглек предполагает постоянно существовавшим в массе русской нации; но эти стихи были не для народа, остались неизвестны ему; а публика, тогда хвалившая их, не думала ни о чем подобном до начала войны, точно так же, как и сами авторы стихов не занимались тогда подобными сочинениями»³⁷. Обратим внимание на то, как лаконичен, точен, ироничен и вместе с тем щадящ Чернышевский в оценке только обозначенного им явления. Но нас привлекает в этом обращении к Тютчеву не истолкование существа вопроса, а опять-таки признание подлинно лирической природы его таланта. Для Чернышевского это давно стало аксиомой.

Итак, за каждым мимолетным случаем упоминания Тютчева Чернышевским, даже при отсутствии развернутых высказываний, – глубинное проникновение в сердцевину его поэтического мира, органическое понимание чистоты его самовыражения и потребность ей наслаждаться. Единичные отсылки к Тютчеву говорящи: они вскрывают в деятеле, ратующем за общественно-значимое содержание литературы, за злободневность ее проблематики и идеологическую ценность ее героя, тонкого ценителя эстетического совершенства в искусстве, поборника духовно-нравственной его красоты, эталонной во все времена.

Примечания

¹ Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч.

А.А. Николаева. Л., 1987. С. 10 (Б-ка поэта, БС). Впервые эта статья была опубликована в 1962 году, в томе тютчевских стихотворений (Б-ка поэта, МС).

² Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов. Н.А. Поэт и гражданин: Избранные статьи / Сост. вступит. статья и коммент. Н.Н. Скатова. М., 1982. С. 97.

³ Там же. С. 111.

⁴ Берковский Н.Я. Указ. раб. С. 10.

⁵ Гиппиус В.В. Чернышевский – стиховед // Чернышевский Н.Г. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания: сборник. Саратов, 1926. С. 73–91.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Чернышевский Н.Г. <Из № 4 журнала «Отечественные записки» 1854 > // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XVI (доп.). Статьи, рецензии, письма и другие материалы 1843–1889. Вступ. ст. В.Е. Евграфова. М., 1953. С. 28. Статьи о стихотворениях Тютчева Чернышевский не написал (Там же. С. 679. Примеч. В.Э. Богграда).

¹¹ Фет А.А. Муза // Фет А.А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1986. С. 289. (См. поэтическое кредо Фета: «К чему противиться природе и судьбе? – / На землю сносят эти звуки / Не бурю страстную, не вызовы к борьбе, / А исцеление от муки»).

¹² Н.А. Некрасов и А.А. Фет // Переписка Н.А. Некрасова: В. 2 т. Т. I. / Вступ. статья Г.В. Краснова; сост. и коммент. В.А. Викторovichа. М., 1987. С. 519.

¹³ Фет А.А. Ф.И. Тютчеву // Фет А.А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1986. С. 330.

¹⁴ Фет А.А. Музе // Там же. С. 258.

¹⁵ Фет А.А. Полонскому // Там же. С. 329.

¹⁶ Но феномен такого сосуществования остался и в истории русской журналистики, и в истории русской поэзии. Более того, он отозвался в начале 1910-х годов в авторском составе журнала «Заветы», политический редактор которого, В.М. Чернов, был ключевой фигурой в партии социалистов-революционеров, а литературный редактор – Р.В. Иванов-Разумник – согласно с политическим привлекал к сотрудничеству с журналом крупнейших поэтов современности, независимо от их «направленческой» принадлежности.

¹⁷ Переписка Н.А. Некрасова. В. 2 т. Т. I. / Вступ. статья Г.В. Краснова; сост. и коммент. В.А. Викторovichа. М., 1987. С. 305–306.

¹⁸ Там же. С. 309.

¹⁹ «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекшее столетие, по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей. Москва, 1855. Два тома» и «История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором С. Шевыревым. 1755–1855. Москва. 1855».

²⁰ Чернышевский Н.Г. <Из № 4 журнала «Современник» > // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина и др. Т. II. Статьи и рецензии 1853–1855. М., 1949. С. 666. В Примечаниях: «Первоначально опубликовано в «Современнике» 1855, № 4, С. 25–39 (Там же. С. 687).

²¹ Там же. С. 666–667.

²² Чернышевский Н.Г. <Из № 4 «Современника» > Стихотворения Ивана Никитина. Издал граф Д.Н.Толстой. Воронеж. СПб., 1856 // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я.Кирпотина, Б.П.Козьмина и др. Т. III. М., 1947. С. 495–501. Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, с. 49–56.

²³ Там же. С. 499–500.

²⁴ Там же. С. 498, 501.

²⁵ Там же. С. 497.

²⁶ Там же. С. 500.

²⁷ Чернышевский Н.Г. Письма 1838–1876 годов // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под ред. Б.П. Козьмина. Т. XIV. М., 1949. С. 488.

²⁸ Там же. С. 489.

²⁹ Чернышевский Н.Г. Повести в повести // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина. Т. XII. М., 1949. С.126. Примечания к тому составлены А.П. Скафтымовым, что обозначено в их начале (С. 687). Стихотворение датировано 1 ноября 1851 года. Впервые опубликовано в Приложении к «Современнику» (№ 5, 1854) в качестве дополнения к напечатанным в № 3 за тот же год. В указанном выше издании стихотворений Тютчева 1987 года вместо «сень» – «тень».

³⁰ Там же. С. 126.

³¹ Там же. С. 139.

³² Там же. С. 133.

³³ Там же. С. 133.

³⁴ Там же. С. 134.

³⁵ Там же. С. 136–137.

³⁶ Там же. С. 137–138.

³⁷ Чернышевский Н.Г. Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку) // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина. Т. X. Статьи и рецензии 1862–1889 / Подготовка тома Н.А. Алексеева и С.С. Боршевского. М., 1951. С. 337.

ОН ОЯ

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР Ф. И. ТЮТЧЕВА И ФИЛОСОФИЯ Ф. ШЕЛЛИНГА (О ВЛИЯНИИ КОНЦЕПЦИИ БЕЗДНА)*

Ф.И. Тютчев широко известен как поэт. Его относят к одному из трех самых великих поэтов России. Также известно, что одна из характерных особенностей его творчества – национально-патриотическая направленность. Не только строки «Умом – Россию не понять...», но и целый ряд других стихотворений, пронизан национально-патриотическим пафосом.

Такой уникальный пафос тютчевской поэзии можно объяснить, как нам кажется, тем, что он долго жил в Германии. Долговременное пребывание в

*This work was supported by JSPS KAKENHI (Grant-in-Aid for Scientific Research (B) 21330030).

другой культурной атмосфере наложило свой отпечаток на мировоззрение Тютчева. Четко осознавая разницу между Западом и Востоком, Тютчев формирует свое понимание России, как абсолютно уникальной страны. В Мюнхене молодой дипломат полностью принадлежал к немецкой культуре, в том числе немецкому романтизму. Поэтому полагаю, что обращение к теме влияния Ф. Шеллинга, одного из ведущих идеологов немецкого романтизма, на творчество Тютчева, может помочь более глубоко понять своеобразие тютчевской поэтики.

Итак, в данной статье с помощью ключевой концепции Шеллинга «бездна», анализируем влияние Шеллинга на творчество Тютчева.

Прежде всего, кратко рассмотрим, как Тютчев познакомился с философией Шеллинга.

Встреча Тютчева с Шеллингом и его философией

В конце июня 1822 года молодой Тютчев приехал в Мюнхен в качестве сверхштатного чиновника русского посольства в Баварии. С этого момента и до своего окончательного возвращения в Россию осенью 1844 года, он более двадцати лет провел в Германии. А спустя почти 4 года после его приезда в Мюнхен, в ноябре 1826 года, там открылся университет, в котором с 1827 года начал читать лекции Ф. Шеллинг, заняв должность профессора философии. Как свидетельствует тогдашний ректор университета Ф. Тиш, лекции Шеллинга пользовались большой популярностью и «имели блистательный успех». Составители «Летописи жизни и творчества Ф.И. Тютчева» утверждают, что Тютчев слушал лекции Шеллинга, когда был в Мюнхене, и что он был лично знаком с ним¹. По крайней мере, можно сказать, что к осени 1828 года Тютчев был уже хорошим знакомым Шеллинга. А в октябре 1829 года, П.В. Киреевский, который тогда тоже жил в Мюнхене, пишет, что Шеллинг «очень хвалил Тютчева»².

Надо полагать, что не только благодаря лекциям (свой курс «К истории новой философии» Шеллинг перервал весной 29 г., и начал новый курс «Философия Откровения» весной 30 г.), но и при встречах с Шеллингом Тютчев постигал его философскую концепцию. Видимо, на таких беседах Тютчев активно дискутировал с Шеллингом. О «прозорливости» в области метафизических умозрений Тютчева на примере одной из таких бесед пишет брат будущей жены Тютчева Карл Пфедфель: «Помню, в юности я присутствовал при интереснейших беседах его с знаменитым Шеллингом...»³.

Таким образом, философия Шеллинга стала одной из любимых тем бесед Тютчева. Например, в своем дневнике от 31 июля 1832 года А.И. Тургенев пишет: «Тютчев пришел ко мне и мы проболтали о Шеллинге...»⁴. Более того, чуть позже, в марте 1834 года, когда Тургенев опять приехал в Мюнхен, тема его беседы с Тютчевым была все та же — философия Шеллинга: я «болтал с умным Тютчевым о дипломатах, о

философии Кузенья и Шеллинга и пр.»⁵. «Гулял под Аркадами с Тютчевым и с Шеллингом, разговаривая о безбожии Гегеля...»⁶.

Таким образом, когда Тютчев жил среди немецкого культурного milieu, философия Шеллинга во многом интересовала его и, несомненно, наложила яркую печать на его философскую мысль и его творчество.

Философская концепция «бездна» у Шеллинга⁷

В 1809 году Шеллинг опубликовал «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах». Главной темой этой работы являлся анализ основания человеческой свободы. Интересно, что в этой работе он утверждает, что человек имеет не только свободу делать добро, но в тоже время имеет свободу делать зло. Более того Шеллинг видит сущность человека именно в этом, поскольку, сущностью человека является дух, а дух требует свободу. Поэтому человек, хотя он есть творение Бога, имеет свободу делать зло. Однако зло не может истекать от Бога. А человеческая свобода требует зло. Тогда, где искать основание зла? На лицо антиномия!

Здесь надо иметь в виду то, что для разрешения этой антиномии, Шеллинг пользуется концепцией «бездна(Ungrund)», которую он берет у Якоба Беме. Это "некая сущность", которая существует "до всякой основы и всего существующего, следовательно, вообще до всякой двойственности"⁸. Значит, при «бездне» абсолютно нет никакого различения. Нет разницы между субъектом и объектом, добром и злом. И именно из «бездны» рождается все, и свет и добро и, сам Бог тоже (самообнаружение Бога). Для Шеллинга, «бездна» представлялась неким первоначальным хаосом. Разделяя "сущность, поскольку она существует" (Бог-сущий, т. е. чистое добро) от "сущности, поскольку она лишь основа существования" (природа), Бог сам себя обнаруживает из "бездны"⁹.

Нам кажется, что понятие «бездна» можно принимать и как Бога, потому что она существует до всяческого существования и потому что Бог основан ни на чем, кроме самого себя. Поэтому основу зла можно найти именно в Боге-бездне. Таким образом, Шеллинг обосновал человеческое зло понятием «бездна». Но не ясно, как Бог-сущий обнаружит себя от этой «бездны». Может быть, силой Духа?

Не будем подробно вникать в это. Будем только констатировать, что у Шеллинга формируются предпосылки концепции «бездны», т.е. первоначальный, абсолютный хаос. И, главное, что в стихотворениях Тютчева часто встречается слово «бездна».

Страшная «бездна» в стихотворениях Тютчева

В произведениях Тютчева мы часто встречаемся с концепцией «бездна». Например, "полдень мгlistый" в стихотворении «Полдень»

(написано не позднее конца 20-х гг. 1827?) напоминает «бездну», поскольку в «Полдне» нет ощутимо резкого движения: там облака лениво тают, и всю природу объемлет жаркая дремота, как туман. Это тихое, спокойное бездвижение бездны, которое напоминает первоначальный хаос перед рождением мира.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет –
И Сам теперь великий Пан
В пещере нимф спокойно дремлет.

В то же время, "растреснутая Земля" в «Безумии» (1830 г.) тоже напоминает бездну, которая собирается родить что-то (может, революцию?).

Там, где с Землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
– Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет...

Так же, как в «Полдне», здесь нет различения (слился, как дым), нет порядка (беззаботность, безумье). Только в отличие от «Полдня», в «Безумье» предчувствуется рождение. Там Безумье слышит "струй кипень", "ток подземных Вод", и "шумный из Земли исход!".

Как уже отмечено, у Шеллинга «бездна» – первоначальный, безразличный хаос, из которого рождаются все – и природа, и Бог (Бог-сущий). А раз рожден, всяческий сущий несет на себе свой рок: и в конце концов перестает существовать. Все сущее рождается из бездны и когда-то возвращается в роковую бездну. И природа, даже и Бог (Бог-сущий), когда-то перестают существовать и будут поглощены роковой бездной. Так же, как и Шеллинг в своем «Последнем катаклизме» (до 1829 г.), "когда пробьет последний час природы, состав частей разрушится земных", Тютчев видит "Божий лик" в водах, которые покроют все земное.

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Таким образом, для Тютчева главное, основное – бездна. Отражение этой идеи можно увидеть в «Дне и ночи» (1831–39 г.). В этом стихотворении, противопоставляя день и ночь, поэт изобразил день "блистательным покровом". Здесь стоит отметить, что, как точно заметил В.С. Соловьев, "этот светлый, дневной облик жизни есть пока лишь «златотканый покров», расцвеченная и позолоченная вершина, а не основа мироздания"¹⁰. Для Тютчева день был брошен над "бездной безымянной", то есть роковой ночью. Значит, день – поверхность, а ночь – основа. Когда наступила ночь, перед человеком, теряющим свой облик, свою преграду в темноте, обнажена бездна. А человек, поскольку он потерял свою преграду, обязательно поглощен беспредельностью, роковой бездной. "Вот отчего нам ночь страшна!"

Ту же самую мысль Тютчева можно найти в его стихотворении «* * * (Святая ночь на небосклон взошла...)» (Конец 1840-х гг. или самое начало 1850-х гг.). Как и в «Дне и ночи», так и в этом стихотворении, день изображен как "золотой покров", "накинутый над бездной". Когда наступила "Святая ночь", "внешний мир ушел". А человек, потеряв внешность свою, погружен в бездну. У него "нет извне опоры, ни предела". И "лицом к лицу пред пропастью темной" стоит он.

Такая роковая судьба человека служила темой для Тютчева в его стихотворении «* * * (Смотри, как на речном просторе...)» (1851 г.). Здесь, он сопоставляет судьбу человека с плывущим "во всеобъемлющее море" льдом. Лыдины, и малые, и большие, все вместе плывут к одному месту, "утратив прежний образ свой". Все "солятся с бездной роковой". То, что здесь ледоход символизирует судьбу человеческую, свидетельствует последние строки стихотворения.

Ты, человеческое Я,
Не таково ль твоё значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Такую же мысль об обреченности человеческой судьбы и бездне мы видим в одном из последних стихов Тютчева «* * * (От жизни той, что бушевала здесь...)» (1871 г.)

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она (природа) равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Тягающая сила «бездны» в стихотворении Тютчева

Таким образом, у Тютчева «бездна» страшна человеку. Но это лишь одна сторона особенности тютчевской мысли «бездны». Для Тютчева, «бездна» означает не только роковое место, которым все когда-то обязательно будет поглощено, но и означает креативное место, из которого рождается все. В то же время отметим, что у Тютчева «бездна» имеет какую-то притягивающую к себе силу, и человек имеет склонность поглощаться, сливаться с «бездной».

В качестве примера, приведем стихотворение Тютчева первой половины 30-х годов «* * * (Тени сизые смешались...)». В нем Тютчев выражает свое желание смешаться с "миром дремлющим". Там, с наступлением ночи, в комнате постепенно царствует тема, бездвижение. "Цвет поблекнул, звук уснул – Жизнь, движенье разрешились" – типичный Тютчеву образ ночного хаоса-бездны. Там, в сумраке, теряя "чувства", автор хочет "вкусить уничтожения", хочет "с миром дремлющим" смешаться.

Такое устремление поэта отнюдь не временное. Позже, в 1865 году, когда Тютчев пребывал на море в Ницце, в своем стихотворении «* * * (Как хорошо ты, о море ночное...)» он говорит о своем желании потопить всю

свою душу в ночном море.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою –
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Это стремление относится не только к человеку, но и ко всему существу. Например, в стихотворении «Лебедь» (конец 1820-х гг.), противопоставляя могучего, динамичного орла спокойно спящему лебедю, Тютчев предпочитает последнего. В «Лебеде» орел летит, устремляясь навстречу молниям за облаками. В то же время он "в себя вливает солнце свет". Значит, он символизирует собой активное начало. В противоположность "орлу", "лебедь чистый" тихо спит "между двойною бездной", т.е. между водой и небом. Значит, здесь лебедь – символ бездвижения. Он, окруженный бездной, тихо спит. Отметим, что, по мнению Тютчева, "нет завиднее удела" лебеда.

Между прочим, такое спокойствие космической гармонии может быть нарушено сущим «Я». Вспомним, что, когда человек сливается с бездной, он либо "мглой samozабвенья" переполнен («Тени сизые смесились ...»), либо, "как во сне", "потерян" стоит («Как хорошо...»). Когда человек поглощен бездной, он теряет свое существование, свою личность. Напротив, если он не потерял свою личность, то в свою очередь, гармоническое спокойствие бездны нарушается. Вот именно в этом и основа зла. С этой точкой зрения согласился бы Шеллинг.

Такое понимание взаимоотношений человеческого «Я» и бездны Тютчев развивает в своем стихотворении «Итальянская VILLA» (1837 г.).

В первых четырех строфах Тютчев рисует абсолютное спокойствие итальянской виллы. Как в стихах «Полдень» все дремлет в тумане, так и здесь итальянская вилла "заснула", "блаженной тенью, тенью элисейской". "И спит она... и сон ее глубок". Но во второй половине стихотворения, такой спокойный сон разрушается с появлением человека.

Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла.

Вместо заключения

Кроме выше указанных стихотворений, можно найти отражение философской концепции «бездна» в следующих творениях Тютчева:

«* * *(Как океан объемлет шар земной...))»

«SILENTIUM!»

«* * *(О чем ты воешь, ветер ночной...))»

«* * *(Как сладко дремлет сад темнозеленый...))»

«* * *(Не то, что мните вы природа...))»

«* * *(Как хорошо ты, о море ночное...))»

Но, думается, анализ отдельных стихотворений относится к другой

теме.

Кроме того, можно найти проявление этой концепции в его политических статьях. Но это уже другая сфера, которая требует другого подхода.

Примечания

¹ Хотя до этого, Тютчев знал философию Шеллинга (будучи студентом Московского университета, он познакомился с ней на лекциях М.Г. Павлова), несомненно, что непосредственные встречи с Шеллингом оказали больше влияние на него. Как вспоминает Герцен, задавая вопрос о натурфилософии, «ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Окена с такой пластической ясностью, которую никогда не имел ни один натурфилософ». *Герцен А.И.* Былое и думы // Собрание сочинений в 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 17.

² См. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. «Мураново», 1999. Т. 1. С. 90.

³ *Пигарев К.В.* Карл Пфеффель о Тютчеве // Литературное наследство. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 37.

⁴ *Азадовский К.М. и Осват А.Л.* Тютчев в дневнике А.И. Тургенева // Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ О тютчевских концепциях «бездне», «хаос», и «бесконечная природа и конечный человек» в контексте русского космизма см. *Владимир Кантор.* Бесконечная природа и конечный человек в поэзии Тютчева // Октябрь, 2004, № 7. А так же см. *Козырев Б.М.* Письма о Тютчеве // Литературное наследство. М., 1988. Т. 97, кн. 2. С. 104–105.; *Балакин А.* рецензия: Первый том академического Тютчева // Новый мир. М., 2004, № 5. С. 180; *Тарасов Б.Н.* Историософия А.И. Тютчева в современном контексте. М., 2006. С. 17–18.

⁸ *Шеллинг Ф.В. И.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 148.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ *Соловьев В.С.* Поэзия Ф.И. Тютчева // Собрание сочинений. СПб. (фототипическое издание, Брюссель, 1966). Т. 7. С. 126.

О. А. Хвостова

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ПИСЬМАХ П. В. АННЕНКОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

История журнальной полемики, диалога Чернышевского и Анненкова не раз становилась предметом пристального внимания литературоведов, в трудах по истории русской литературной критики М.Г. Зельдовича, Д.К. Мотольской, Г.В. Макаровской¹. О необходимости «обобщающего» изучения наследия Анненкова высказывался Б.Ф. Егоров². Современное прочтение «критических очерков» Анненкова, переизданных в 2000 году, предложил составитель сборника И.Н. Сухих³. Им обозначены узловые моменты полемических столкновений и разногласий без какого-либо идеологического предпочтения советских лет (обязательного возведения на

пьедестал революционного демократа Чернышевского и умаления либерала-западника Анненкова, сторонника «чистого искусства»).

К рукописному наследию Анненкова обратилась и Н.Н. Мостовская, в течение многих лет изучая биографию и творчество Тургенева. Доктор филологических наук, сотрудник Пушкинского Дома, она всегда сохраняла творческие и дружеские связи с членами кафедры истории русской литературы и фольклора СГУ (Г.Н. Антоновой, Е.П. Никитиной и др.). Ей принадлежит энциклопедическая статья в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 1) – краткая творческая биография Анненкова, «первого пушкиниста», историка литературы, мемуариста, литературного критика, прозаика, журналиста.

В конце жизни Н.Н. Мостовская при участии канадского литературоведа Н.Г. Жекулина довела до конца грандиозный замысел – публикацию с реальным комментарием полного свода текстов писем Анненкова к Тургеневу в серии «Литературные памятники» (2005)⁴. В дополнение к этому Н.Г. Жекулин на сайте университета Калгари (Канада) в 2009 году опубликовал доработанный аннотированный индекс имен, упоминаемых в письмах (во втором томе указанного издания именной указатель напечатан в сокращенном виде, не раскрыты персоналии)⁵.

Много десятилетий исследователи пользовались только отдельными публикациями из этого эпистолярного свода, текстами писем, разбросанных по дореволюционным журналам, сборникам, двухтомнику «И.С. Тургенев. Переписка» (М., 1986). В читательском сознании существовала в большей степени односторонняя связь писателя со своим корреспондентом⁶. Она отрывочно представляла картину доверительного диалога Анненкова с другом, наполненного откровенными высказываниями о самых заметных литературно-журнальных событиях, именах современников, с которыми они сотрудничали. А это ключевые фигуры литературного процесса середины XIX века: Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.Н. Островский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, А.В. Дружинин, А.Н. Пыпин и многие другие. После того, как Н.Н. Мостовской и Н.Г. Жекулиным был восстановлен весь корпус переписки, открылась возможность изучения известных и забытых «внутренних сюжетов», будь то рассказ о мимолетной встрече или длительном общении, отклик не для печати, а для посвященного Тургенева – бесценные документальные штрихи к портретам и судьбам нескольких поколений литераторов.

Историко-культурное значение переписки огромно, ее содержание – неисчерпаемый документальный источник для специалистов и широкого круга читателей, который еще предстоит постигать: «Корреспонденция Анненкова и Тургенева – это увлекательные размышления о русской и европейской литературе, о писателях современниках, о театре и журналистике, даже о слухах и литературных «сплетнях», и глубже: о событиях духовной и общественной жизни России и Запада, в которых

критик был на редкость осведомлен. Судя по его письмам, он знал все. И все это окрашено неповторимой личностью автора»⁷.

Чернышевский упоминается в письмах Анненкова много раз (всего 45 с 1855 до 1881 г.), и их известный литературно-критический диалог получает новое насыщение, преломляясь почти «домашним образом» в эпистолярной «истории одной дружбы». В корреспонденциях Анненкова раскрывается не только официальная сторона взаимоотношений с Чернышевским, идейных оппонентов, антиподов, но и личностная, частная. Как развиваются их взаимоотношения за много лет? Один из первых эпистолярных отзывов о Чернышевском – письмо, датируемое 12 мая 1855 года. Анненков иронически высказывается по поводу магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», на защиту которой 10 (22) мая 1855 года он был приглашен магистрантом: «Чернышевский написал книгу для магистра себе: об эстетическом отношении искусства к действительности наподобие Руссо: о вреде просвещения. Недурно и нелепостями играет ловко. Замечательно, что он защитил бесполезность науки и ничтожество искусства в Университете...» (1, 44). Анненков в острой форме высмеивает само выступление Чернышевского, не принимает его «скептическую философию», подчиняющую искусство жизненной действительности. Для Анненкова оно таинственно, непостижимо и не сводимо к формуле «прекрасное есть жизнь»⁸.

Сопоставляя существовавшие литературно-критические позиции 1850-х годов, И.Н. Сухих выделяет «приоритеты» споров о художественном произведении: «идейность», правдивость Чернышевского и Добролюбова, «художественность» Анненкова и Дружинина, «народность» и органичность А. Григорьева отражают разные стороны изучаемого предмета – целостного синтетического художественного образа»⁹. Анненков уходил от прямых столкновений, открытой полемики на печатных страницах. Однако в его статьях растворено много программных выпадов против Чернышевского, который в свою очередь отвечает тем же. В статье Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности (заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л.Н. Толстого)» («Современник», 1855) – один из центральных вопросов – соотношение «мысли» и «художественности» в литературе и их содержание. По Чернышевскому, мысль общественно значима и идейно устремлена, для Анненкова – это категория в большей мере эстетическая, связанная с писательской психологией.

Отчасти примиряющим началом двух критиков стало обращение к Пушкину. Полемичность статей Чернышевского о Пушкине (подробно раскрытая в упомянутых работах М.Г. Зельдовича, Г.В. Макаровской) не заслоняет их главного пафоса – признания высочайшей заслуги Анненкова как первого биографа и издателя сочинений Пушкина: «Оно лучшее издание, какое могло быть сделано в настоящее время; недостатки его неизбежны, достоинства его – огромны, и вся русская публика будет

благодарна за них издателю»¹⁰.

Анненков с нетерпением ждал, когда Тургенев пришлет материалы о Белинском: «Перешлите мне *по тяжелой почте* кипу Чернышевского. Это будет безделица по почте. Кипа эта мне нужна, да и не даром же заставлять работать Чернышевского. Ничего нет приятнее для человека, когда труд и одолжение его гуляют в пространстве. Пожалуйста пришлите» (1, 48). В это время он работает над книгой «Н.В. Станкевич. Переписка его и биография» (1857). Н.Н. Мостовская и Н.Г. Жекулин в комментариях предполагают, что речь идет о «кипе» – журнальных статьях из цикла «Очерки гоголевского периода русской литературы».

Эта точка зрения разделяется и обстоятельно аргументируется биографом Чернышевского А.А. Демченко¹¹: «Вернее было бы предположить, что под «кипой Чернышевского» подразумевались вовсе не рукописи Анненкова, а главы «Очерков», которых к июню 1856 года набралась немалая "кипа" – четыре статьи в четырех книжках «Современника» (1855, № 12, 1856, № 1, 2, 4). Посылать «тяжелой почтой» рукопись не имело смысла, а выражения «кипа Чернышевского», «не даром же заставлять работать Чернышевского», которому-де будет приятно от того, что его статьи «гуляют в пространстве», полны иронии и выдают критическое отношение Анненкова к работе Чернышевского»¹². Исследователь не обнаруживает ни одного источника в качестве «прочной основы для утверждения о присутствии в "Очерках" воспоминаний Анненкова»¹³.

Однако названное письмо Анненкова является для А.А. Демченко веским аргументом в полемике со «сторонниками "анненковской версии"» по поводу расшифровки авторского примечания к шестой главе «Очерков», посвященной Белинскому. По словам Чернышевского: «...В настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, г. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем»¹⁴. А.А. Демченко опровергает принятое предположение А.Н. Пыпина и его сторонников, что «А» – это П.В. Анненков: «Характер исправлений показывает, что первоначально имя автора воспоминаний было скрыто криптонимом Н. И только в одном случае (в начале отрывка) Чернышевский поставил А не после зачеркнутых Н, а впереди – просто потому, что здесь оказалось свободное место для исправления»¹⁵. Отвергает А.А. Демченко и другую версию о том, что Н. – это Некрасов: «...этим, тогда еще не известным публике мемуаристом, одним из «ближайших друзей Белинского», был Иван Иванович Панаев. <...> Можно думать, буква Н, за которой Чернышевский первоначально хотел скрыть имя автора воспоминаний, довольно прозрачно намекала на Нового Поэта – постоянный и хорошо известный в литературных кругах псевдоним Панаева»¹⁶.

Возвращаясь к письму о «кипе Чернышевского», приведем мнение в пользу версии о П.В. Анненкове. А.А. Жук, заново подготовившая к печати

книгу Чернышевского, утверждала: «Из контекста совершенно ясно, что речь идет, конечно, о собственных бумагах Анненкова («его труде и одолжении»), которые сейчас «нужны» в работе ему самому. А из насмешливого пояснения «не даром же заставлять работать Чернышевского» можно заключить, что для корректирования характеристики Белинского в начале мая 1856 г. Чернышевскому предложили ознакомиться с материалами Анненкова, отчасти даже «заставили работать» с ними...»¹⁷.

После прочтения уже опубликованной в «Современнике» шестой статьи «Очерков» Анненков спешит поделиться с Тургеневым о прочитанном: «Я слышал, что вы в восторге от статьи Чернышевского. А мы здесь слегка ее *побраниваем*. Нам кажется, что уже теперь можно соединить участие и энтузиазм к прошлым деятелям с истиной и дельным обсуждением. *Возласы, вскрики, фрондировка* нам не кажутся здесь вещами важными теперь, – а в отдалении они, правда, должны казаться возвышенным голосом. Удивительная штука – отдаление. ... А слышали вы – Боткин не упомянул в статье о круге Белинского, что произвело божеский смех в обеих столицах ... отсутствие его есть, во всяком случае, самая яркая черта в статье. Ах – не сделал бы этого Белинский» (7 (19) ноября 1856, Петербург) (1, 49).

Известно, что Тургенев восторженно отозвался об «Очерках...». Анненков был многим возмущен, суждениями критика о Пушкине, Гоголе и Белинском, хотел бы спокойного академизма, беспристрастности, фактографичности по отношению к недавно прошедшей эпохе и ее «деятелям». Предполагаемое знакомство Чернышевского с заметками Анненкова, по словам А.А. Жук, «независимо от превходящих обстоятельств, конечно, обогатило Чернышевского знанием конкретных фактов, глубокими и тонкими психологическими проникновениями в образ Белинского, и все же принципиально Чернышевский за Анненковым не пошел»¹⁸. Вероятно, он вынужден был под давлением «круга Белинского» произвести изъятия в окончательном журнальном тексте пятой статьи в ущерб своей концепции образа «неистового Виссарiona» как нового социального «героя времени». Анненков настаивал на том, что Белинский – «эхо кружка» Станкевича, «обобщитель идей» своего круга¹⁹. Предположительный характер работы Чернышевского с «материалами» Анненкова не отвергает того факта, что «круг Белинского» внимательно следил за тем, как создается «образ» великого критика, и автор «Очерков» вынужден был с этим считаться.

Обыкновенно сдержанный, Анненков в письмах не скупится на негативные эмоции по отношению к Чернышевскому, особенно в период их сложных внутриредакционных отношений. Говоря о том, что «этот человек еще один поддерживает "Современник"», Анненков, вероятно, имел в виду кратковременное получение Чернышевским редакторских прав на журнал от уехавшего за границу Некрасова в августе 1856 года. Анненков вынужден

был «часто навещать Чернышевского, с которым познакомился короче»: «Он обладает хорошенькой женой, и это единственное *изящество*, которое, кажется, он понимает в свете. Последние его статьи произвели много говора. Он идет непреклонно по одному пути. Для него не имеет никакого значения истина – литературная, экономическая, историческая и проч. Главная цель – пособить нужде, отвечать потребности, поддержать стремление, а все остальное для него не существует. Ловкость, с которой он обходит истину, – изумительна и только равняется скромности, с какой он признает себя виновным против нее своим тоненьким голоском. Этот тоненький голосок – ужасный подлец. Назавтра он начинает то же самое без малейшего признака исправления. Статьи его волнуют, когда читаешь их. Это не море, а пруд Вифезда (целебный пруд в Иерусалиме, упоминающийся в Евангелии от Иоанна. – *О.Х.*), когда это новый ангел слетает каждый месяц, чтоб возмутить воды. Молодежь туда бросается очень охотно» (письмо к Тургеневу от 16 (28) ноября 1857). Анненкова раздражала не только сама личность новообретенного редактора «Современника», но прежде всего его журнальная политика, направленная на укрепление беллетристического отдела: предпочтение общественно значимых материалов, преимущественно экономического, политического или юридического характера в ущерб подлинно художественным. Практицизм Чернышевского, его желание удовлетворить сиюминутным потребностям читающей аудитории, игнорирование исторической «истины» вызывают резкую отповедь Анненкова.

В предыдущем письме к Тургеневу он открыто критикует опубликованную в конце 1856 года в «Современнике» программную работу Чернышевского «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность», ее ключевой тезис об «оттеснении» «литературных влияний» «в развитии народной жизни» «материальными, практическими побуждениями»: «Главный недостаток статей Чернышевского состоит в отсутствии всякой исторической основы: все хорошо у него в общности, а местной правды нигде нет, даже в определении писателей» (письмо от 15 (27) октября 1857, Петербург) (1, 60).

Самая известная полемика между Чернышевским и Анненковым касалась восприятия тургеневской повести «Ася», «сильных» и «слабых» характеров в литературе и жизни. Напомним: Чернышевский выступил со статьей «Русский человек на rendez-vous» («Атеней». 1858. № 18). Ответом Анненкова была статья «О литературном типе слабого человека» («Атеней». 1858. № 32)²⁰. Незадолго до этого столкновения он написал два письма к Тургеневу по прочтении «Аси» в корректуре. Анненков был глубоко «тронут и потрясен» «появлением опять человеческих лиц в литературе, разговором об душе, тайнах характера, откровенным шагом к природе и поэзии» и высказал в первом отклике на повесть «глубочайшую благодарность» ее автору: «Снова дали вы душе моей либретто, на котором внутри себя строится большая, большая опера ... но либретто чудное, глубокое и

поэтичное» (письмо от 21 декабря 1857 (2 января 1858), Петербург) (1, 63). И совсем другая ироническая тональность второго письма: «"Ася" еще не явилась в публике, где ее ждет много толков и много восторгов. Все наши Замы, Амбургеры и проч., именующиеся здесь Чернышевскими, Добролюбовыми и другими именами, говорят об ней с одобрением. О поэзии вещи не упоминается, ибо поэзия для них есть выдумка немцев, на которую нельзя купить и яйца в 1 р. с., но независимый характер Аси нравится» (письмо от 8 (20) января 1858, Петербург) (1, 64).

Полемика о типе «слабого» человека выльется у Анненкова в настороженное и затем негодующее отношение к Базарову, в сравнение тургеневского героя с Монголом, Чингис-Ханом: «...зверская животная сила его не только не пленительна, но увеличивает отвращение к нему, и поражена бесплодием. Весь целиком есть осуждение дикого общества» (письмо от 26 сентября 1861; 1, 110).

Не удержался Анненков от остро критической оценки Чернышевского и в письмах к Тургеневу осенью 1860 года. 17 сентября таким поводом послужили сообщения о журнальной «травле» вокруг выхода «Энциклопедического Лексикона» под редакцией Краевского и «уморительной статье» Чернышевского, а также его нападки против «Русского Вестника» («История из-за г-жи Свечиной», «Современник», 1860. № 6): «Громадное невежество Краевского может идти только в параллель с громадным нахальством Чернышевского, удивившим даже приверженцев его. Он объявил <...>, что русское развитие есть только первая, предуготовительная ступень для понимания того, что теперь пишется в "Современнике"» (1, 84). Не входя в существо полемики, Анненков рисует карикатурный портрет Чернышевского, высмеивая его ораторскую манеру («голосок.., который сделался еще тоне, свистящее и униженное. Каким голосом произносил он в нашем комитете: «Я бы осмелился предложить такую мысль», — так и выразить нельзя. Это как будто высеченный Ариель, из-под преисподней, жалобной грехи исповедует — чорт знает что») (1, 84).

Очевидно, неприязнь Анненкова к Чернышевскому имеет не только личную подоплеку. Он сетует по поводу нависшей над «Современником» угрозы закрытия и винит в этом выступления Чернышевского на страницах журнала: «Однако ж готовившаяся полемика с «Современ<ником>» со всех сторон внезапно остановилась, потому что журнал получил из III Отдел<ения> *авертисмент*, грозящий закрытием журналу, если он не изменит направления» (1, 84). Несомненно, что неблагонадежное «направление» «Современнику» придавала активная публицистическая деятельность в нем Чернышевского. «Современник» был под пристальным вниманием Санкт-Петербургского цензурного комитета, а «цензору Ф.И. Рахманинову, пропустившему статью Чернышевского "Антропологический принцип в философии", было сделано замечание» (см. примеч. 13 к письму: 1, 365).

На фоне разгоравшихся противоречий между сотрудниками журнала Анненков с горечью сообщает в письме к Тургеневу от 20 октября 1860 года о решении редакции «Современника» «выставить в объявлении два только имени — Добролюбова и Чернышевского, как своих сотрудников, презрительно умалчивая о всех других, но о мерзости, ими допущенной, я сообщил лично Панаеву» (1, 87). «Мерзостью» Анненков именуется рецензия на собрание повестей Н. Готорна, содержащую резкую критику Тургенева и его «Рудина». В примечании к письму уточняется, что Анненков и Тургенев ошибочно приписывали авторство рецензии Добролюбову, а не Чернышевскому (см. примеч. 3 к письму, с. 368). Тем не менее Анненков не без иронии воспроизводит неловкую попытку Чернышевского «объясниться»: «Это я, вот видите, пишешь много глупостей; проскочит и большая какая-нибудь... оскорблять я никого не хотел... проврался. Что же тут делать?.. наслушаешься кругом сплетней... и сам так мерзко сплетничаешь, что изумишься... и т.д.» (1, 87).

Личность Чернышевского на время перестает быть предметом острого интереса в письмах Анненкова. Исключение составляет краткая, хлесткая оценка воспоминаний Чернышевского о Добролюбове на вечере 2 марта 1862 года в пользу Литературного фонда: «...что за смещение нахальства, внутренней трусости и неприличия была его беседа о Добролюбове..., где он был освистан и ошкан чуть ли не собственной партией» (1, 121–122).

Опасения Анненкова относительно закрытия «Современника» оправдались. В июне 1862 года издание журнала было приостановлено властями на 8 месяцев, а вскоре 7 июля арестован и заключен на два года в Петропавловскую крепость сам Чернышевский. Реакция Анненкова на выход романа «Что делать?» последовала незамедлительно («Современник», № 3-5 за 1863 год). Роман вызвал у Анненкова «молчаливое отвращение», выраженное в карикатурной метафоре: «Чернышевский походит на старика, который надел детскую рубашонку и нагишом бегаёт по улицам, то у него послышится хриплый голос Симеона Столпника...» (1, 137). Показательно, что отзыв Тургенева почти дословно совпадает с сокрушительной оценкой Анненкова: «Чернышевский невольно является мне голым и беззубым старцем...» (см. примеч. 7. — 1, 410).

Важнейшим в восприятии художественного произведения для Анненкова, как и для Тургенева, всегда являлся эстетический критерий, наличие подлинной художественности. Безупречный литературный вкус Анненкова, привыкший к гармонии пушкинского, тургеневского слова, отторгал произведения тех писателей, которые этому принципу в полной мере не соответствовали: «Вот время — Чернышевского безобразия, Писемского безобразия, Крестовского безобразия: публика купается в безобразиях, а те, у кого есть светлые вещи, кроются с ними. Нет, надо печатать фантазию» (письмо от 25 сентября 1863).

В «беседе» с Тургеневым Анненков не раз высказывается о «Что делать?». Косвенная характеристика романа содержится в оценке

Анненковым сборника «Критических этюдов, 1859–1865» П.А. Бибикова, последователя Чернышевского, преданного суду «за прямое оспаривание и порицание начал семейного союза с намерением разрушить или ослабить его основы» (см. примеч. к письму от 19 октября 1865. – 1, 452): «Мерзее этой книги я еще не читывал, пошлее никогда и вряд ли случится. В одной статье, например, по поводу романа Чернышевского, общее поправление нравственности зависит, по мнению автора, от *многоженства и многомужества, взаимно примиренных*» (1, 177). Пошлость, оскудение современных читательских, критических вкусов Анненков категорически не приемлет, сетуя в этом же письме на неудачу в постановке комедии Островского: «Между тем, как чудный, поэтический "Воевода" Островского» хлопнулся, что называется, со всех ног, комедия Потехина "Отрезанный ломот" тупоумная, ребяческая попытка – производит здесь в Петербурге бешенство восторга» (там же).

Чернышевский-критик и писатель даже в период его пребывания в тюрьме по-прежнему идейно и духовно чужд Анненкову. Верный пушкинским заветам нравственности и гуманности, он не мог остаться равнодушным к трагической судьбе Чернышевского, попавшего в неминуемую беду: «А другая новость посерьезнее. Участь Чернышевского, кажется, решена и ему предстоит 10 лет каторги, с лишением всех прав и с публичным выслушанием приговора у позорного столба» (письмо от 5 апреля 1864. – 1, 152).

К обстоятельствам заточения Чернышевского Анненков вернется через несколько лет за границей, излагая в письме к Тургеневу «анекдот» из жизни П.А. Лаврова, который предложил на заседании Комитета литературного фонда «выйти в полном составе на площадь и от имени всех литераторов требовать, через депутацию, у Царя освобождения Чернышевского» (письмо от 15 января 1879, Брюссель. – 2, 102). Анненковская ирония распространяется на окружение Чернышевского, о нем самом сказано очень кратко: «...человек в тюрьме перестает быть авторитетом» (там же).

24 января 1881 года датируется письмо, в котором Анненков с нетерпением просит Тургенева прислать ему в Баден-Баден обещанную статью писателя и журналиста Л.А. Полонского, протестовавшего против «несправедливой ссылки Чернышевского» (см. примеч. к письму. – 2, 316): «Если сдержите обещание выслать 4-й № «Страны» и тот, где содержится статья о Чернышевском, поклонюсь до земли» (2, 132). Это письмо заочно «примирило» Анненкова с Чернышевским во взглядах на необходимость объективной беспристрастности журнальной критики: «Я помню, как в одном разговоре с Дудышкиным, жаловавшимся на несправедливость и пристрастие журнальных оценок, он (Чернышевский. – О.Х.) возражал так: «Да зачем Вам надобны честность и добросовестность критики? Писатели у нас могут обходиться без них. Укажите мне хоть одно имя на Руси, которое не было бы оценено по заслугам общественным мнением и потерпело бы от нападок, памфлетов и несправедливостей журналов». Чернышевский был

более прав, чем сам думал» (2, 132).

Наследие Анненкова-пушкиниста, мемуариста и писателя именно в это время подверглось несправедливой переоценке (П.Л. Лавров в статье «Турист-эстетик» (1879)²¹, П.А. Ефремов в новом собрании сочинений Пушкина в 1881 г.). Споры Анненкова с Чернышевским *отдавались* в историю «Современника», общественно-литературные столкновения 1850-х – начала 1860-х годов. Восприятие личности Чернышевского в письмах Анненкова проступает в идейном расхождении и, в большей мере, – в эстетическом отталкивании.

Примечания

¹ Зельдович М.Г. Статьи Н.Г. Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы / Под ред. Е.И. Покусаева. Саратов, 1965. С. 5–39; Мотальская Д.К. Работа Н.Г. Чернышевского над анненковскими «Материалами для биографии А.С. Пушкина» // Ученые записки. Л., 1963. Т. 245. С. 261–282; Макаровская Г.В. Пушкин в оценке Чернышевского. (Проблемы историзма в литературно-критической концепции Чернышевского середины 50-х годов) // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы / Под ред. Е.И. Покусаева. Саратов, 1978. Вып. 8. С. 58–111.

² Егоров Б.Ф. П.В. Анненков // Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 212–258.

³ Сухих И.Н. Жизнь и критика П.В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Н. Сухих. СПб., 2000. С. 3–30.

⁴ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. Кн. 1. 1852–1874. Кн. 2. 1875–1883. СПб., 2005 (Лит. памятники). Далее письма Анненкова цитируются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁵ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу / Изд. подг. Н.Н. Мостовская и Н.Г. Жекулин. Дополнение. Аннотированный указатель имен и Et nata. Калгари (Канада), 2009. – Режим доступа: <http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/46909/1/Annenkov.Dopolnenie.Ukazatel.pdf>.

⁶ См.: Анненков П.А. Шесть лет переписки И.С. Тургеневым. 1856–1862 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 379–458.

⁷ Мостовская Н.Н. История одной дружбы: Переписка П.В. Анненкова с И.С. Тургеневым // П.В. Анненков. Письма к И.С. Тургеневу. М., 2005. Кн. 1. С. 286–298.

⁸ «Биографические подробности защиты» магистерской диссертации обстоятельно изложены в: Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 2. Саратов, 1984. С. 39–48. Отмечен факт присутствия Анненкова на диспуте среди двадцати «лиц», приглашенных Чернышевским лично, по именным билетам. Подробно освещено содержание отзывов официальных оппонентов и депутатов от других факультетов (А.В. Никитенко, М.И. Сухомлинов, П.А. Плетнев), а также привлечены свидетельства, воспоминания диспутанта, присутствующих (А.Н. Пылин, Н.В. Шелгунов и др.).

⁹ Сухих И.Н. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Чернышевский Н.Г. Сочинения А.С. Пушкина // Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 128.

¹¹ См.: Демченко А.А. Указ. соч.

¹² Демченко А.А. Указ. соч. С. 95–96.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ См.: *Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы*. М., 1984. С. 446. Целый ряд последовательных аргументов против этой версии см. в: Демченко А.А. Саратовский государственный университет и Н.Г. Чернышевский. Саратов, 2009. С. 178–184.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: «Кажется, в этом споре прав оказался Чернышевский, хотя вряд ли это принесло ему радость» (*Сухих И.Н. Жизнь и критика П.В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки*. СПб., 2000. С. 19).

²¹ См.: *Лавров П.Л. Турист-эстетик // Дело*. 1879. № 10.

В. В. Смирнова

**ОБРАЗ ЖАДОВА В КОМЕДИИ
А. Н. ОСТРОВСКОГО «ДОХОДНОЕ МЕСТО»:
ТРАКТОВКА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
КРИТИКОЙ И АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ**

Комедия «Доходное место», созданная Островским в 1856-м и опубликованная в журнале «Русская беседа» в 1857 году, имела особое значение и для творчества самого драматурга, и для всей русской литературы рубежа 1850–1860-х годов. В этой комедии Островский впервые вышел за границы купеческого мира, на котором раньше целиком сосредоточивалось его внимание. Жгуче злободневная проблематика, сатирический пафос, напряженность внутренней борьбы в этой пьесе означали и окончание так называемого «москвитянинского периода» в творчестве драматурга, связанного с попытками найти положительные национальные идеалы в идеализированном патриархальном купеческом быту. Новая комедия по всему кругу своих идей примыкала к позициям демократического крыла «Современника» и означала перелом в творческой судьбе драматурга, в дальнейшем вошедшего в постоянный круг авторов этого журнала и перешедшего после его закрытия в «Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

В литературной ситуации 1850–1860-х годов «Доходное место» явилось весомой и резкой антитезой так называемой «обличительной драматургии». В пьесах либеральных авторов В.А. Соллогуба («Чиновник»), Н.М. Львова («Свет не без добрых людей») взяточничество и казнокрадство, распространившиеся в бюрократической среде, рассматривались как пороки отдельно взятых дурных служащих, которым авторы противопоставляли честных чиновников. Эти «герои» в своих трескучих монологах обличали продажность и с завидной стойкостью противостояли ей своим единичным личным примером.

Островский прямо полемизирует с этой либеральной концепцией

социального зла, показывая в своей комедии, что истоки взяточничества и казнокрадства чиновников находятся в самих основах российского самодержавного государственного строя. В комедии Островского, всей силе косного уклада пытается противостоять человек новых убеждений – Жадов. Правда, трактовка этого образа в современной драматургии критике и в литературоведении XX века была очень противоречивой и не раз породила споры. Революционные демократы считали, что Островский этим персонажем хотел развенчать «механическую куколку» честного чиновника в пьесах либерально-обличительный драматургов В.А. Соллогуба и Н.М. Львова, показав его «решительно неспособным к борьбе, какую он принял, было на себя»¹. Поэтому Чернышевский и Добролюбов видели в его речах «фальшивый тон» и считали, что пьеса была бы более законченной, если бы в финале все же состоялось бы окончательное падение Жадова². Видимо, не без влияния этих трактовок один из современников Островского сообщал, что сам драматург сказал о Жадове: «Это – мишура; тряхнули, все и осыпалось». Сходным образом понимали отношение драматурга к Жадову и многие литературоведы XX века. Мы считаем это понимание недостаточным и постараемся глубже взглянуть на образ этого персонажа и прояснить авторский замысел комедии.

Близкий к Островскому А.А. Григорьев, вспоминал: «Драма была для самого поэта горячею и честной исповедью гражданина, у которого много накопело на душе. Поэт сам говорил мне в ту эпоху, когда драма писалась, говорил с полнейшим искренним увлечением: "Тут будут наши гражданские слезы"³. Несомненно, что у Островского Жадов действительно является представителем нового, молодого поколения, он – один из людей, «которые идут наперекор устаревшим привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле – нет, а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших литературных произведениях наших и иностранных»⁴. Эти «правила» у Жадова складываются в целую систему жизненных норм и убеждений, противоположную «общественному мнению» старого мира. Прежде всего, счастье он не измеряет богатством и деньгами, а потому и презирает взяточничество, угодничество, ложь как средства их достижения. Жадов ориентируется в жизни на истинные человеческие ценности – честный труд, приносящий радость и сознание своей пользы для общества, любовь как искреннее чувство, основанное на взаимном понимании, духовной общности. Он молод и верит в людей, не хочет верить, что «общество так развратно», чтобы «честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя и свое семейство» (2, 56). Он женится на Полине, понимая ее неразвитость, но ценя в ней искренность, наивность и душевную неиспорченность. В духе тогдашних демократических взглядов он хочет увести и оградить ее от развращающего влияния пошлой рутины уже рассмотренного в нашей работе

«благородного» воспитания, быть ее учителем и руководителем в продвижении к сознательной жизни «для общества». Жадов считает, что «жена не игрушка, а помощница для мужа», он горячо и проникновенно говорит с Полиной, не читая проповедей, а, с дрожью в голосе и в сердце, стремясь «заразить» ее своими идеалами.

Он – не пустой фанфарон, и он, не желая поступиться своими высокими идеалами, отказывается от поддержки влиятельного дяди – Вышневецкого. В течение года, который, как замечает в ремарке автор, проходит между вторым и третьи действиями, он стойко борется с испытаниями, работая до изнеможения («утром в присутствии, ночью за делами...») и уже теряя надежду быть понятым женой и найти опору в «общественном мнении» и семье. А.И. Журавлева пишет, что «в третьем акте Жадов наиболее приближается к типу подлинно положительного героя. Он не только поучает других, но и сам живет в соответствии со своими принципами. Герой прошел испытание бытом и сумел жить достойно, Это достоинство в полной мере раскрывается в сцене кутежа чиновников. Не речи Жадова здесь значимы и весомы, а его молчание, его неучастие в происходящем»⁵.

Жадов понимает, что общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна, но он знает и то, что без «избранных», которые все же решили бороться, «ложь, зло, насилие выросли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный» (2,93).

В том, что Жадов все же пошел на нравственный компромисс, попросил «доходное место», и современники Островского, и ученые XX века видят его падение как положительного героя. Его считают «обмелевшим отражением» «тени Чацкого» – Любимова, который является внесценическим персонажем и проходит в воспоминаниях Вышневецкой. Любимов идет до конца в своем смелом протесте против общественных пороков, но он и погибает в героической неравной борьбе.

Но мы считаем, что драматург не в укор Жадову упоминал о Любимове, поскольку и не планировал сделать Жадова копией Чацкого.

От Чацкого Жадов унаследовал бескорыстную любовь к просвещению, добру, правде. Как и Чацкий, Жадов пылкий и благородный энтузиаст, осознающий, что его высокие убеждения идут вразрез с прочно укоренившимися общественными нормами и принципами жизни. В его монологе, в конце четвертого действия, в последней отчаянной и безуспешной попытке пробиться к разуму и сердцу Полины он говорит о высоких героях, таких, как Чацкий, и сам еще не утратил надежду (если любимая жена поймет его и разделит с ним тяжесть его подвига чести) быть среди них. Что с того, что духовно неразвитая Полина, попавшая под влияние сестрицы и матери с их ложной житейской мудростью лжи и стяжательства, не поймет и не может понять его, как не понимают грибоедовского героя ни Фамусов, ни Скалозуб, ни гости на балу! Для Жадова, как и для Чацкого, высказываемые им высокие истины – это его

натура, душа, сердце, это то, без чего невозможно его существование: «Всегда, Полина, во все времена были люди, они и теперь есть, которые идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле, нет; а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших литературных произведениях наших и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизнь. Что это нелегко, я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие выросли бы до того, что накрыли бы от людей свет солнечный...» (2, 97–98).

Но, как и Чацкий, Жадов как будто говорит в пустыне. Глубоко трагичен грибоедовский герой, когда в конце третьего действия, на балу в доме Фамусова, уже тогда, когда за спиной у него клубится и растет клевета о его сумасшествии, когда он сам смутно ощущает свою обреченность на одиночество и непонятость («Душа здесь у меня каким-то горем сжата, / И в многолюдстве я потерян, сам не свой»⁶). Глубоко трагичен и герой Островского, который тоже от любимой женщины (правда, Полина, в изумлении от его страстной проповеди, высказывает это в глаза) слышит, что он «сумасшедший». И вновь у Островского звучит, как и в «Горе от ума», причем развиваемая в том же ракурсе, тема «ума» и «безумия». И в «Доходном месте» через всю пьесу проходит грибоедовский острый парадокс: в обществе, где извращены все жизненные нормы, человек честный, стремящийся сохранить чувство собственного достоинства, верность подлинно нравственным понятиям, убедить других следовать им, — такой человек считается дураком, почти юродивым; зато носители общепринятых пороков присваивают себе звание «умных» людей.

В самом начале, в диалоге, завязывающем основной конфликт, Вышневецкий советует (кстати, употребляя то же слово для обозначения взглядов и жизненной позиции Жадова, что и Фамусов, обращаясь к Чацкому): «укороти немного свой характер, **брось завиральные идеи**, брось, глупо ведь» (2, 52). И Юсов тут же, глядя в глаза строптивому починенному и смеясь над ним, спрашивает: «Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее?» (2, 53). И в самом конце, когда, казалось бы, крушение Вышневецкого отняло у него и Юсова право быть в «общественном мнении» «умными» людьми, Юсов опять поучает Жадова: «... прежде надо было умных людей послушать, а не грубить» (2, 108). Сравним: «*Фамусов Чацкому*: ... не спорь ты вкривь и вкось; / **А завиральные идеи эти брось**». Даже Полина во время ссоры с Жадовым предпочитает слушать не его «сумасшедшие» речи, а «умных людей» — «сестрицу и Белогубова» (2, 98).

Как и Чацкий в фамусовском обществе, так и Жадов в канцелярии среди необразованных, но прожженных взяточников-чиновников вызывает смех своими обличениями. Сравним: Чацкий произносит монолог о «французике из Бордо», упоминая о безвкусном и в перспективе опасном нарушении чистоты русского языка иностранными вкраплениями, и все смеются, предполагая, что можно говорить не «madame», а «сударыня» (106). И у Островского:

Вышневский. Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я еще не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневский. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой переглядываются и перешептываются, когда тыходишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдешь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневский. Все, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм...

Вышневский. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневский. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор». (2, 48, 49).

Характерно, что Вышневский в процитированном нами диалоге считает смешным «излишнее, нарушающее приличия увлечение», горячий эмоциональный пафос речей племянника. И в «Горе от ума» Софья упрекает Чацкого в том же

Софья ...Веселость ваша не скромна <...>

А сами вы...

Чацкий. Я сам? не правда ли, смешон?

Софья. Да! грозный взгляд, и резкий тон... (64).

Здесь обращает на себя внимание и важное отличие Чацкого от Жадова: грибоедовский герой, способный на иронию, – человек более зрелый в своих убеждениях, они выработаны им самим, выстраданы в

предшествующей действию пьесы жизненной практике, он уже почти убежден в своей «колоссальной ненужности» (А.И. Герцен) и в невозможности исправить фамусовское общество. Его монологи обличают, отрицают, лишают благообразной внешности отживший, полный предрассудков уклад фамусовского общества. Ум Чацкого более глубокий и гибкий, блеск остроумия придает разящую силу его речам.

Жадов же – пылкий, не умудренный жизненным опытом молодой человек, который свои высокие и справедливые понятия о честности, долге, о радости труда получил в университете, с профессорских кафедр, из лучших литературных произведений. Он только-только начинает самостоятельную жизнь и службу и сразу же попадает в острую ситуацию несоответствия своих идеалов и честных намерений общественному укладу, где порок является негласно узаконенным «общим правилом», где то, чему его учили, считается «глупостью и дерзостью» или, еще того пошлее, завистью неудачника, «человека, который не умел или не успел нажить себе состояние» по отношению к людям, устроившим за счет злоупотреблений по службе свое «счастье, семейство и довольство» (2, 49). Вспомним, что и Молчалин в явлении третьем, действия третьего в «Горе от ума» тоже свысока снисходителен к Чацкому, явно демонстрируя свою «кротость» по отношению к его язвительным колкостям, «извиняя» их тем, что Чацкому «не дали чины, по службе неуспех» (71). Однако для Жадова его почерпнутые в университетском образовании уроки великих истин не менее важны, и предан он им не менее глубоко и искренне, чем Чацкий своим жизненным принципам. Островский в этом не дает повода нам усомниться. «Расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни», – говорит герой, хотя уже первое разочарование он получил. Попав на службу в канцелярию под начало Юсова, который, как сам заявляет, образованных людей не любит и сам выслужился из мальчика на побегушках только благодаря своей услужливости и податливости на подлость, Жадов вместо настоящего общественно значимого дела, приставлен к переписыванию бумаг, к бездушной департаментской волоките.

В «Доходном месте» есть и антипод Жадова, который одновременно и его ровесник, и полная противоположность по взглядам и поступкам. Между ними такая же соотнесенность, как между Чацким и Молчалиным в «Горе от ума», правда, без соперничества в любви. Это Онисим Панфилович Белогубов, служащий в той же канцелярии, женившийся на сестре Полины Юленьке и получивший «доходное место». Характерно его первое появление в пьесе: он вслед за Юсовым входит в приемную, «вынимает из кармана гребенку и причесывается» (2, 42); речь его тонет в почтительных словоерсах, он задыхается от счастья, что сам Вышневецкий на него «обратил внимание», велел именно ему отдать переписывать важную бумагу: «Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу». Здесь же он развивает свои взгляды на то, каким должен быть чиновник, чтоб его заметили

вышестоящие. Причем показательно, что касается это внешности, а вовсе не деловых качеств, которых он не имеет, будучи к тому же необразованным и даже неграмотным: «Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым-с. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия... (Изворачивается) <...> Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с» (2, 43). Так и видится здесь Молчалин, как в «Горе от ума» он представляется Чацкому:

Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Вот он на цыпочках, и не богат словами <...>

Ума в нем только мало (70).

Как и Молчалин, Белогубов отказывается «рассуждать»: «Я никогда-с... потому это ни к чему не ведет к хорошему, окромя неприятности» (2, 44). Он, поддакивая Юсову в его негодовании на Жадова, показывающего свою ученость в «грубости и вольнодумстве», заявляет: «Какая ж польза от ученья, когда в человеке нет страху... никакого трепета перед начальством?» (2, 44).

Белогубов, как и Молчалин, тоже в перспективе собирается пойти только «до степеней известных», среднего житейского благополучия, прося место столоначальника «на всю жизнь-с Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям» (2, 45). И мы видим, как на всем протяжении этой сцены Белогубов, человек со средними способностями исподволь, подставляя под удар негодования Юсова своего возможного конкурента в получении «доходного места» – Жадова, весьма искусно устраняет последнего с дороги и потом открыто «громко» советует совсем не разговаривать с ним: «Только вам, на старости лет, себя беспокоить!»

За невестой своей Белогубов «ухаживает» тоже на принятый в обществе, где вместо любви – выгода, манер. Только если Вышневецкий «покупал» Анну Павловну роскошными подарками, то его мелкий чиновник демонстрирует Юленьке свои жилетки, которые ему купцы знакомые дарят и сулит будущей жене такие же возможности дармовых нарядов. Так же и Молчалин в настоящих чувствах своих расчетлив и подл: хоть и не богат, но благосклонность Лизы хочет «купить» шкатулочками, помадами да белилами (60).

И в сцене в трактире, кульминационной для чиновников-взяточников, которые мыслят свое преступно нажитое благополучие как своеобразное исполнение общественного долга, Белогубов, полупьяный, разнежась, предлагает Жадову забыть старые разногласия, то есть сгладить их противоположность, жить «по-родственному». Он пытается покровительствовать Жадову, называя его братцем, навязывая деньги, точно с тем же чувством превосходства, с каким почувствовавший свою силу Молчалин дает «дальновидные» «деловые» советы Чацкому.

Да, Жадов не герой, и он сам это понимает, говоря в финале Вышневецкому, что тому нечего радоваться его слабости: «Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас» (2,

99). Из этого следует, что Островский в «Доходном месте» вырабатывает особый, новый ракурс изображения человека, который потом сохранится в большинстве его дальнейших пьес, и который, конечно, связан со взглядами на человека в натуральной школе.

Может показаться, что Жадов – действительно «обыкновенный» честный молодой человек, стремящийся к полнокровной жизни, в которой радости приносят истинные человеческие ценности – настоящий, честный и полезный труд, искренняя любовь, основанные на ней и на взаимном понимании и уважении семейные связи. Он не хочет вести жалкое существование Мыкина, который, занимаясь честным трудом, отказывается от самых естественных потребностей, в том числе, и от любви. Но он не хочет идти и путем Досужева, который лишь якобы не участвует во всеобщих мерзостях: не берет взятки, но, в сущности, так же обирает необразованных купцов, составляя для них длинные и ненужные прошения. Со всей логикой суровой правды Островский показывает в своей пьесе губительное, сокрушающее все лучшие стремления воздействие пороков, опустивших общество, на простых, стремящихся к подлинным жизненным ценностям людей, таких, как Жадов, который является «страдающей жертвой порока», как писал А.П. Скафтымов⁷.

Но Островский все же заставил своего Жадова воспрянуть духом после временного помрачения. И хотя многие современники считали духовное возрождение героя неоправданным, у драматурга оно наполнено особым смыслом.

Островский провел своего героя через нравственное падение для того, чтобы показать, что Жадов обнаруживает героические качества не сразу («Я не герой, я обыкновенный, слабый человек, – признается сам Жадов. – У меня мало воли, как почти у всех у нас» 2, 109). Чтобы показать, как беспощадно пригибает честных людей та жизнь, которую он видел вокруг себя. Чтобы обличить такую жизнь, в которой требуется быть героем, чтобы не стать подлецом.

«Для чего же тогда драматург все же дал возможность своему герою подняться с колен и выпрямиться во весь свой человеческий рост? Чтобы показать, что даже обыкновенный, слабый человек может оставаться человеком. Если даже жизнь и поставит вас на колени, с кем не бывает, – говорил драматург этой пьесой своим современникам, – надо найти в себе силы подняться, даже если ты не герой»⁸.

В этом смысле крайне важно, что же именно в конечном счете удержало Жадова от нравственного компромисса. Когда он, пересиливая жгучий стыд, просит дядюшку дать ему такое место, где бы он мог «приобрести что-нибудь», Вышневикий злорадно напоминает ему его собственные слова о том, что растет новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат, закидают грязью таких, как сам Вышневикий. «И что ж оказывается! Вы честны только до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с

нуждой!<...> Нет, вы не стоите ненависти – я вас презираю!» (2, 109) Страшное обвинение. Вот тут-то Жадов и почувствовал, что виноват он не только перед самим собой, что он в ответе за честь своего поколения, что он – и такие, как он, – представляют собой реальную силу, коли их не шутя боятся такие, как Вышневецкий. Именно это придало ему новые силы, Именно это спасло его от нравственного падения и внушило твердую решимость в дальнейшем бестрепетно противостоять пороку.

Эта тема «Доходного места», не столь заметная при опубликовании пьесы, получила особый общественный резонанс шесть лет спустя. Премьера комедии в 1863 году в Александрийском театре воспринималась зрителями в контексте оживленной полемики вокруг «нигилистов». В этом новом историческом контексте, когда литературу и сцену захлестывала волна «антинигилизма», сочувственное отношение драматурга к своему молодому герою и его честным и горячим юношеским убеждениям прозвучало как прямая отповедь нападкам на передовую молодежь.

Е.И. Утин справедливо отмечал, что комедия отражает реальное положение вещей определенного исторического периода: «Жадов – это пробуждающаяся нравственная сила общества, выходящего из полного мрака, где не было места никакому светлому образу». Жадов – типичнейший представитель своего времени, «это общий тип, в котором соединились все существенные и характеристические черты и особенности, и в нем не могли не узнать себя, положила руку на сердце, многие и многие из молодого поколения того времени». Одинокий и лично слабый, он не мог устоять в этой борьбе, где против него встали и общество, и семья, он пал и должен был пасть, «потому что та среда и то общество, в котором он желал действовать, сохранили еще слишком большую физическую силу, чтобы не отбить первый напор впервые после долгого сна пробуждавшейся нравственной силы». Историческая польза этого характера в том, что такие, как Жадов, «помогли разрушить авторитеты Вышневецкого и Юсовых». Особое внимание обращает Утин на идею протеста, заложенную и выраженную в этой пьесе: «Протест против уродливости жизни <...> здесь обнаруживается с громом и молнией»⁹.

Примечания

¹ Добролюбов Н.А. Темное царство // Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1953. С. 271

² Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах: Из № 4 «Современника» // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. IV. М., 1948. С. 734.

³ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 83

⁴ Островский А.Н. Доходное место // Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1959. С. 93. Далее Островский цитируется по этому изданию с указанием в скобках арабскими цифрами тома и страницы.

⁵ Журавлева А.И. Островский-комеднограф. М., 1981. 124–149.

⁶ Грибоедов А.С. Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах. М., 1988. [Серия «Литературные памятники»]. С. 104. В дальнейшем «Горе от ума» цитируется по этому изданию с указанием в тексте в скобках арабскими цифрами страницы.

⁷ Скафтымов А.П. Белинский и драматургия Островского // Нравственные искания русских писателей. М., 1972.

⁸ Холодов Е. Островский в 1855–1865 годах. // А.Н. Островский. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1959. С. 666.

⁹ Утин Е.И. Современные мудрецы // Вестник Европы, 1869, т. 1, кн. 1.

Анна Роберти

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИЗДАНИЯ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И УСПЕХ РОМАНА В ИТАЛИИ

В 1875 году в Италии, в городке Лоди (недалеко от Милана), появился перевод романа «Что делать?» в той типографии, где издавался «протосоциалистический» журнал «Ла Плебе», основанный журналистом Энрико Биньями, другом Гарибальди. Это был перевод на французский язык под названием «Que faire?»¹, осуществленный русским революционером Алексеем Николаевичем Тверитиновым, который в 1872–1876 гг. жил за границей и принимал участие в делах русской эмиграции.

По мнению итальянского историка Франко Вентури², курировали это французское издание не только сам Тверитинов, а также Бенуа Малон (Benoit Malon) и Жюль Гед (Jules Guesde), эмигранты Парижской Коммуны, которые в те годы жили в Милане. Мы точно знаем, что в книге было около 500 страниц и стоила она 4 лиры, и это был перевод с оригинала, но понять, с какого издания он был переведен на французский язык, нам не удалось.

Этот же перевод был перепечатан через год в миланском издательстве Левино Робекки (Levino Robecchi), в 1885 г. в нью-йоркской газете «Courrier des Etats Unis», а в 1889 г. в парижской газете «L'égalité»³. Несмотря на то, что в конце XIX века роман еще не был переведен и опубликован на итальянском языке, о нем у нас неоднократно писали.

Филолог, востоковед, поэт, фольклорист и публицист Анджело де Губернатис (Angelo De Gubernatis) много сделал для пропаганды русской литературы в Италии. На страницах журналов, которые он издавал, печатались обзоры русской литературы, переводы из произведений русских писателей, в основном осуществленные его женой – Софьей де Губернатис-Безобразовой (кузиной Бакунина).

Губернатис так писал о Чернышевском в 1879 г. в «Биографическом словаре современных писателей»⁴: русский публицист, основатель секты нигилистов, обладающий мощным умом, граничащим с фанатизмом, одаренный едким и сильным красноречием, честный во всех отношениях, почти аскетический в своем образе жизни, мучился туманными и химерными стремлениями к общему благополучию.

О романе «Что делать?» Губернатис писал, что в нем Чернышевский изложил с искренностью, новшеством и смелостью свои моральные и социальные учения.

С бoльшим уважением писал в 1891 г. о Чернышевском и о его романе сицилийский писатель, переводчик и славист Доменико Чиамполи (Domenico Ciampoli) в его «Литературных обзорах»⁵. Впервые роман «Что делать?» появился на итальянском языке под названием «Che fare?» в 1906 году, переведенный Фредериком Вердинуа (Federigo Verdinois), как № 708 «Развлекательной библиотеки» миланского издательства Братьев Тревес⁶. Книга стоила 1 лиру. В Турине имеется только один экземпляр издания 1906 года, он находится в библиотеке «Центра Пьеро Гобетти» (Centro Piero Gobetti). В своем предисловии переводчик Фредерик Вердинуа определил роман как «настоящее открытое сражение» и хвалил Автора, который изучал жизнь как философ, а пережил ее как человек, защищая свои «реформные» идеи вплоть до фанатизма, до тюрьмы и ссылки «в ужасной изоляции полярной станции».

Этот же перевод был перепечатан в миланском издательстве Гарцанти (Garzanti) в 1974 году в рамках серии «Великие произведения»⁷. По мнению знаменитого слависта и переводчика Иньяцио Амброджо, данный вариант перевода, выполненный Вердинуа, из-за переделок, удалений отрывков и целых разделов, добавлений и т.п., является искажением оригинала. Об этом еще поговорим, а теперь два слова о переводчике Фредерике Вердинуа.

Он родился в г. Казерта (недалеко от Неаполя) в 1844 году, был журналистом, писателем и профессиональным переводчиком. Он преподавал английский язык и английскую литературу, а также русский язык и русскую литературу при Восточном Университете Неаполя. Вердинуа перевел около 350 произведений английских, русских, французских, немецких, польских и норвежских писателей. Благодаря ему, в Италии люди познакомились с классиками русской литературы: Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Гончаровым, Львом Толстым, Тургеневым, Чеховым, Горьким, а также Чернышевским. Вердинуа был действительно очень хорошим переводчиком но, как и первые французские переводчики, он считал, что русские писатели слишком «многословны», и необходимо делать переводы, сокращая первоначальный текст, чтобы их произведения стали более доступными итальянской публике. Вероятно, это то, что Вердинуа делал при переводе «Что делать?».

Надо сказать, что мы не знаем, с какого издания он переводил знаменитый роман Чернышевского: может быть, первого (или второго) русского издания 1905 года, но не исключено, что он основывался на каком-то другом варианте, как, кстати, я полагаю, в своем романе «Russacchiotta Bargiolina» («Жила-была русская барджанка»⁸).

Дело в том, что в Сибири, в Кадаи, Николай Гаврилович жил в одном домике с итальянцем Луиджи Кароли (т.е. с любовником сестры свояка моей прабабушки) и с французом Эмилио Андреоли. Когда Кароли заболел, Николай Гаврилович уступил ему свою кровать, и именно на ней Луиджи Кароли скончался 8 июня 1865 года. Рядом с ним был похоронен поэт и друг Чернышевского Михаил Михайлов⁹.

Я предполагаю, что Чернышевский наизусть диктовал «Что делать?» Кароли и Андреоли, недостаточно хорошо знающим русский язык. Когда Эмилио Андреоли был освобожден в 1866 году, он взял с собой много рукописного материала, оставшегося от своих друзей: среди них, может быть, был и «искаженный» вариант «Что делать?», на котором основывался Вердинуа для своего перевода. Таким образом, мои далекие родственники, может быть, участвовали и в истории появления «Что делать?» в Италии...

То, что считается «первым полным итальянским переводом с русского языка» романа появилось в 1950 году в трех томах, благодаря слависту и переводчику Иньяцио Амброджо, с предисловием знаменитого коммунистического деятеля Джузеппе Берти¹⁰. Мы не знаем, на каком оригинале основывался переводчик.

Издательство называлось «Кооперативой популярной книги» (Colip), основанной в 1949 году по инициативе итальянской компартии для распространения литературы по всем социальным уровням и борьбы против обстановки, имеющейся в Италии после исключения коммунистов из правительства и победы христианско-демократической партии на выборах 1948 года. «Что делать?» был включен в так называемую «универсальную дешевую серию» (каждая книга стоила очень мало, т.е. 100 лир), которую люди называли «кенгуровской» из-за ее символа: изображения кенгуру, в «сумке» которого хорошо видны три книги карманного формата.

Тот же самый Иньяцио Амброджо издал новый перевод в 1977 году¹¹, который был перепечатан в 1990 году¹². Для этого нового варианта он основывался на советском издании 1975 года¹³.

На основании перевода Иньяцио Амброджо в начале 1979 года по второму каналу итальянского государственного телевидения была показана телевизионная постановка «Что делать?», кстати, полностью снятая в моем родном городе Турине.

Фильм состоял из 5 серий, общей продолжительностью 7 часов. Сегодня можно его полностью видеть в Интернете¹⁴.

Авторы сценария, режиссер, актеры, художник – все итальянцы¹⁵, а автор музыки – аргентинский и итальянский композитор Луис Энрикез Бакалов (Luis Enríquez Bacalov), известен как автор музыки для фильмов.

Постановка была награждена в Италии двумя призами, за режиссуру (Приз Кианчиано 1980 г.) и за сценарий (Приз Флаиано 1980 г.) и завоевала большой успех, и потому что персонаж Веры Павловны был рассмотрен как прообраз современных итальянских феминисток 70-х гг.

Судя по комментариям, которые и сейчас можно читать в Интернете, ни роман, ни телевизионная постановка не потеряли своей силы и своего обаяния.

Вот что пишут итальянцы сегодня:

1-й комментарий: «Мне было 16 лет, когда я видела этот телевизионный фильм. В одном христианском журнале я прочитала, что такой фильм не рекомендуется смотреть, так как он богохульный и

безнравственный, но это оказалось для меня большим стимулом, чтобы его посмотреть! Я помню, что он дал мне повод размышлять о многих вещах. Сегодня шестнадцатилетние девушки могут смотреть по телевизору такую ерунду, как передача «Отличная мама» о типичной работающей женщине, которая и дома занимается всеми делами. Нет ни одной передачи, стимулирующей какую-нибудь не банальную мысль».

2-й комментарий: «Я помню, что я видел такую постановку по телевидению много лет тому назад. Она меня поразила и вслед за ней я бросился в книжный магазин купить роман Чернышевского. Почему-то, в последнее время я тысячу раз думал о постановке и о романе».

3-й комментарий: «Наверно, такой роман, в связи с эпохой его написания и с выраженными там идеями, не мог не вызывать полемики. Я помню, что я был поражен силой, с которой описан идеал «нового человека» как в романе, так и в фильме. «Я хочу стать таким же!» – подумал я тогда. К сожалению, у меня этого не получилось...».

Примечания

¹ N. G. *Tchernyeshwky*, *Que faire?*, roman, Lodi, Soc. Tip. P. Vitali, 1875

² *Franco Venturi*, *Il populismo russo* I. Herzen, Bakunin, Černyševskij, Torino, Einaudi, 1972, С. 338, см. сноску 137.

³ В.Л. *Кандель*. Библиография переводов романа "Что делать?" на языки народов СССР и на иностранные языки, http://lib.ru/LITRA/CHERNYSHEWSKIJ/ch_bibl.txt_with-big-pictures.html а также http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0070.shtml

⁴ *Angelo De Gubernatis*, *Dizionario biografico degli scrittori contemporanei ornato di oltre 300 ritratti*, Firenze, 1879

⁵ *Domenico Ciampoli*, *Studi letterari*, Catania, Giannotta, 1891

⁶ *Nicola Cernicevski*, *Che fare?*, Milano, Fratelli Treves Editori, 1906

⁷ *Nikolaj Gavrilovič Černyševskij*, *Che fare?*, Milano, Garzanti, 1974

⁸ *Anna Roberti*, *Russacchiotta Bargiolina*, Pinerolo, Alzani, 2011

⁹ *См. Giuseppe Locatelli Milesi*, *Nella Siberia orrenda. Faville di italico eroismo sulle steppe e nelle galere siberiane. Narrazione di Alessandro Venanzio, compagno di Nullo nella spedizione in Polonia del 1863*, 1933

¹⁰ *Nicola Cerniscevski*, *Che fare?*, Milano, Cooperativa del libro popolare, 1950

¹¹ *Nikolaj Gavrilovič Černyševskij*, *Che fare? Dai racconti sulle persone nuove*, Roma, Editori Riuniti, 1977

¹² *Nikolaj Gavrilovič Černyševskij*, *Che fare? Dai racconti sulle persone nuove*, Pordenone, Edizioni Studio Tesi, 1990

¹³ Н.Г. Чернышевский. *Что делать? Из рассказов о новых людях*. Издание подготовили Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. Л., 1975

¹⁴ 1-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=zAiUOLczoZw&feature=youtu.be>

2-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=yWMW9Aw6ymw&feature=youtu.be>

3-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=53IDE4LDNZI&feature=youtu.be>

4-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=XCIYhoAmnx0&feature=youtu.be>

5-я часть (последняя) <http://www.youtube.com/watch?v=8uOaHqXVPAo&feature=youtu.be>

¹⁵ Авторы сценария: Maria Stella Sernas, Tomaso Sherman, Gianni Serra; режиссер: Gianni Serra; актеры: Elisabetta Pozzi, Remo Girone, Anna Maestri, Gianni Montesi, Roberto Alpi, Lucretia Love, Marzio Margine, Carola Stagnaro, Francesca Archibugi, Bruno Cirino; художник: Gianfranco Padovani.

ДОМ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (АРХИТЕКТУРНЫЕ УТОПИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ОБРАЗ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Образ дома в мифопоэтической, фольклорной традиции является одним из центральных элементов в формировании модели мира¹, а мотив атропоморфизации образа дома наследуется литературой и развивается с настойчивым вниманием, которое проявляется и в отношении еще одного важнейшего историко-культурного индекса — феномена вещи, одухотворенной присутствием человека². Дом, как и вещь, является одним из материальных, «буквальных» воплощений культуры, является результатом изначально рукотворной деятельности человека, становясь основным строительным элементом его мира, то есть микрокосмоса. В художественном решении образа дома отражаются важнейшие антропологические характеристики, манифестирующие идеологические системы, значимые для общественного, политического, эстетического, религиозного сознания данной эпохи.

Представляется продуктивным рассмотреть несколько моделей развития темы жилища/дома как олицетворения определенных мировоззренческих установок в литературе второй половины 19 века. Это роман Чернышевского «Что делать?», в котором выведен образ нового человека, теснейшим образом сопряженный с мотивом стеклянного города будущего, и повесть «Фауст» и роман «Отцы и дети» Тургенева, также посвященные осмыслению образов молодых людей нового типа. В научной литературе, посвященной мотиву города будущего, отмечалось, что «представление о стеклянной архитектуре как символе утопического города, обители обновленного человечества и преображенного общества, не ново в русской литературе»³. Писателями, провозгласившими стекло символом технологических завоеваний и научного прогресса, становятся Ф. Булгарин («Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке» 1824 года) и Вл. Одоевский («4338-й год. Петербургские письма» 1840 года), в утопиях которых этот материал выполняет лишь эстетическую функцию, утверждая при этом идею политической неподвижности и совмещаясь с консервативными устоями жизни⁴. Освоение архитектурой новых материалов — стекла и чугуна — в полной мере отражается в феномене Всемирных выставок, где окончательно продемонстрирована победа новых строительных материалов над традиционными, и продолжается в использовании железа, стекла и чугуна в сооружениях самого различного назначения: появляются пассажи, железнодорожные вокзалы, крытые рынки, концертные и читальные залы⁵. Значение формально-эстетических исканий архитектуры и развития строительной техники, воплощенное в объектах Всемирных выставок, с

1851 года постоянно организуемых в Европе, находит свое отражение в художественной литературе. Современный исследователь отмечает: «Не случайно описание социалистического будущего человечества в четвертом сне Веры Павловны в романе Чернышевского "Что делать?", на котором воспитывались целые поколения русских интеллигентов, включает в качестве символа изменившейся жизни именно "чугунно-хрустальное здание", задуманное по образцу Хрустального дворца со Всемирной лондонской выставки 1851 г. Это сооружение, дерзкое и полное света, символ победы над Временем и Злом, роскошный фаланстер, дающий кров новым людям, свободным от ига наемного труда и живущим иной жизнью. Это эмблема золотого века, царство света и счастья, его легкие архитектурные линии сливаются с окружающим пейзажем, с цветущей и плодотворной природой будущего, облагороженной цивилизаторским трудом человека»⁶.

В романе Чернышевского идея обобщественной жизни, создаваемой новыми людьми, ярко выражена образом архитектурной утопии, подробно описанной в четвертом сне Веры Павловны, в котором отражено влияние идеи социалистов-утопистов о создании «нового массового человека»⁷ и, в частности, концепции «фаланстера» Фурье – той новой формы жилья, где центром является дворец особого типа, а живущие в самодостаточной коммуне люди смогли бы приучиться к коллективизму, освободились бы от тягот домашнего труда, семейных уз и всего мелкого и частного. К слову, заметим, что пространственное зонирование и функциональная направленность трехчастного деления фаланстера во многом прослеживается в будущем в модели идеального города Ле Корбюзье, Гропиуса и конструктивистских домов-коммун, описанных в теоретических трудах братьев Весниных, М. Гинзбурга, К. Мельникова, И. Леонидова и других идеологов утилитаризма в градостроении и планировании жилища для нового, гармоничного человека⁸. Отметим также, что отзвук практического воплощения подобного рода идей мы находим и в романах Достоевского: в «Преступлении и наказании» Разумихин говорит о фаланстере в квартире Порфирия Петровича, а в «Бесах» в связи с Липутиным хроникер также упоминает фаланстер.

Образ колоссального чугунно-стеклянного дворца предстает в сне Веры Павловны, где «чугун и стекло – только <...> лишь оболочка здания, это его наружные стены: а там, внутри, уж настоящий дом <...> он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром»⁹. Этот образ становится отправной точкой для многих последующих художественных утопий, среди которых одной из самых ярких является роман Замятина «Мы»: «Одна из наиболее запоминающихся характеристик Единого Государства в романе Е.И. Замятина "Мы" 1921 года – стеклянные жилища "номеров", обитателей этого общества будущего. Их проницаемость, принципиальная открытость всем и каждому многократно подчеркивается автором <...> в самом описании их архитектуры»¹⁰. Столь же показательным становится рабочая

запись 1927 г. С. Эйзенштейна, который предлагает использовать идею стеклянного дома «под влиянием стеклянных попыток архитектуры»¹¹, и эта нереализованная фантазия режиссера получает название «Стеклянный дом». «Замыслы Замятина и Эйзенштейна поразительно совпадают в главном: с помощью остранения показать ненормальность общества и человека в нем»¹². Образ нового человека, помещенного в стеклянный дом, неизбежно рождает мощную ауру ассоциаций, во-первых, с образом человека из стеклянной реторты, т. е. гомункулом; во-вторых, с лабораторным материалом, помещенным под стекло микроскопа¹³. Именно тема нового человека в новом архитектурном пространстве, намеченная Чернышевским, становится сильнейшим эстетическим импульсом для писателей 1920-х годов, создавших целый набор образов, изоморфных стеклянному дому-реторте: это и склянки кунсткамеры, и колбы лабораторий, паноптикумы, где хранились разного рода отступления от природы и т.п. Метаморфоза образа стеклянного дома / города, осуществившаяся в спектре от вдохновленной утопии Чернышевского до антиутопий «Мы» Замятина, «Клопа» Маяковского, представляется чудовищной: «Утопия о новом царстве, представленном в образе стеклянного города, которым восхищались писатели XIX века и художники авангарда, утопия о гармоническом слиянии личного и общественного, о явлении миру цельного человека, освобожденного от рабства наемного труда благодаря прогрессу науки и техническим завоеваниям, есть не более чем обман. Замятин противопоставляет ему возвращение назад, бегство за пределы утопического города к Древнему Дому, к развалинам, к дикой природе. Антиподом стеклянному пространству грядущего, ограниченному, контролируемому и замкнутому, становится прародительское, чистое прошлое. Жесткой геометрии Единого Государства писатель противопоставляет муравейник старого мира, нестерпимо пестрого, беспорядочного, а стеклянному космосу города – хаос природы»¹⁴.

Идеологические усилия послереволюционного времени, направленные на формирование нового, советского, человека, актуализировали в литературе этого периода тему лабораторных экспериментов, искусственности жизни, деформации личности во имя целей государства, что привело к появлению в творчестве таких писателей, как М. Булгаков, С. Кржижановский, Ю. Тынянов, В. Каверин, К. Вагинов и др., темы «гомункула»¹⁵. Интересным представляется и то обстоятельство, что у Каверина и Булгакова образы искусственно созданных существ (Гомункулюса / Шарикова соответственно) и образы Фауста-демиурга (Фауст/Швериндох у Каверина; Фауст-Мастер, профессор Преображенский и управдом Швондер у Булгакова) соединены с образом дома: «Но откуда взялся этот чудесный дом у моего ученого? ... Я бродил по городу, шутил и показывал фокусы, а он в это время купил дом, кучу бутылок, свечи, уже оживил, наверное, свою проклятую колбу и даже успел состариться»¹⁶ или: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду»¹⁷ –

при безусловной значимости темы дома и ее суженной версии – квартиры как в творчестве Булгакова, так и в творчестве Каверина.

Образ человека из реторты в этом алхимическом контексте творения нового существа мотивирует появление образа стекла. Это, в свою очередь, вызывает неизбежные ассоциации с микроскопом, превращающим человеческую личность в лабораторный материал для постоянных наблюдений и насильственного вмешательства, что отсылает не только к роману Замятина «Мы», в котором содержится образ стеклянных жилищ как неизменных атрибутов Единого Государства, делающих жизнь человека контролируемой, общедоступной, стерилизованной; но и к образам стеклянных, прозрачных домов в романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» (за обитателями которых подглядывает писатель Свистонов) и к стеклянному дому-лаборатории в повести В. Каверина «Черновик человека». В этой повести описываются научные опыты над собаками, «владеющими человеческой речью», а стеклянная лаборатория, где ведутся эксперименты, выступает своего рода аналогом реторты – дома «гомункулуса».

Тема утопического города, маркированная образом стекла, появляется и в романе Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где присутствуют ссылки на хлебниковские образы жилищ. Вероятно, Каверин опирался на градостроительную концепцию футуриста Хлебникова, изложенную им в статье «Мы и дома. Мы и улицетворцы. Кричаль» (1915 г.), в которой описываются модели дома-книги со стеклянными перегородками внутри, модели стеклянных дома-пленки и дома-тополя, дома-цветка со стеклянным куполом, а также стеклянных, как чернильницы, городов. Утопическое описание города будущего, созданное Чернышевским, получило в советской научно-фантастической литературе 1920–1930-х годов последовательное развитие в виде представления о городе будущего как материализации архитектурного проекта, составленного из стекла, металла и цемента, напоминающего архитектурные эксперименты Ле Корбюзье. Так, например, в «Мы» Замятина описываются «непреложные прямые улицы, брызжущее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ»¹⁸. Сравним с городским пейзажем, выведенным А.Н. Толстым в «Голубых городах», датированных 1925 годом: «стояли в отдалении друг от друга уступчатые, в двенадцать этажей, дома из голубоватого цемента и стекла. <...> В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы – огромные здания под стеклянными куполами. Такова была построенная по моим планам Москва 21-го века. <...> Кое-где с неба падал узкий луч, и на крышу садился аэроплан»¹⁹.

Можно дополнить перечень примеров из произведений писателей (а также художников и кинорежиссеров) первого советского десятилетия, которые развивали художественную линию утопического (и анти-утопического) изображения человека в новом архитектурном окружении;

изображения, во многом, восходящему к роману Чернышевского, столь значимому для русской литературы. Но мне хотелось бы обратиться к другой линии русской литературы, которая связана с именем Тургенева, чье творчество было также посвящено, в частности, и осмыслению образа нового типа русского человека, решающего большие вопросы своего времени. Роман «Отцы и дети» был издан годом раньше романа Чернышевского «Что делать?» (1863 год).

События, во многом определяющие судьбы главных героев романа, разворачиваются в усадьбе Кирсановых. В последние десятилетия феномен русской усадьбы стал предметом особенно пристального научного интереса, отражающего междисциплинарный подход к изучению разнообразных аспектов усадебной жизни: политико-экономический, социально-психологический, духовный, художественно-эстетический. Тургенева с полным правом можно считать корифеем усадебной повести, к жанру которой он обратился еще в сороковых годах 19 в. («Дневник лишнего человека», «Три портрета»); используя выработанные поэтические приемы в описании усадебной жизни, Тургенев достиг высокого уровня художественного совершенства в цикле повестей 50-х годов («Затишье», «Фауст») и, разумеется, в «Рудине», «Дворянском гнезде» и «Первой любви». Русская усадьба является феноменом, в немалой степени определившим особенности отечественной культуры, ее исторической жизни и духовного содержания. Усадьба осмысливается как некий знак России, символ отечественной культуры. Неизменно ее присутствие в изобразительном искусстве, литературе, музыке.

В контексте темы утопического хрустального/стеклянного города интересным представляется та черта усадебной жизни, которая как бы восстанавливает равновесие между природой (олицетворенной в деревенской и усадебной жизни) и культурой в том ее понимании, которое актуализирует ее искусственный, технологический характер и позволяет отождествить ее с городским образом жизни²⁰. Использование в усадебном пространстве стекла в виде зимних садов, оранжерей, парников в практическом плане отражает первые попытки использования этого нового материала в загородной, усадебной архитектуре конца 18 – первой половины 19 века²¹, а в собственно символическом – отсылает к мотивам райского сада, земного рая, месте обитания Адама и Евы, не омраченном грехопадением.

Тургенев, прекрасный знаток и ценитель феномена русской усадебной жизни, разворачивает интеллектуальные споры отцов и детей в замкнутом пространстве усадебной жизни неслучайно, поскольку именно русская усадьба представляет собою единство места жизни многих поколений ее обитателей, отражая в себе близость «колыбели и могилы» и подчеркивая непреходящую ценность сокровенной, внутренней жизни семьи, рода, фамилии. Сокровенная душевная жизнь проходит в замкнутом пространстве усадьбы, являющейся средоточием традиций, воплощением

накопленных духовных и материальных ценностей, но переживающей в этот период упадок, явственно обозначенный уже на первых страницах романа: «Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных, смертоносных когтей – и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с ее метелями, морозами и снегами... "Нет, – подумал Аркадий, – небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?"»²².

Своеобразным рамочным обрамлением в композиционном строении романа выступает тургеневское возвращение к мотиву благоустройства, реформирования хозяйственной жизни усадьбы на последних страницах романа: «Кирсановы, отец с сыном, поселились в Марьине. Дела их начинают поправляться. Аркадий сделался рьяным хозяином, и "ферма" уже приносит довольно значительный доход»²³. В основе усадебного строительства лежало утверждение свободы помещика-дворянина, теория «жизнеустроения». Усадьба выступала своеобразным способом выражения творческой и эстетической энергии русского дворянства. В каждой отдельно взятой усадьбе строилась своя идеальная модель реальности. Монологичность являлась одной из важнейших характеристик русской усадьбы, определявшей ее своеобразие и уникальность. Эта особенность русской усадебной жизни, перенесенная в собственно языковую плоскость, вероятно, определяет и объясняет определенную монологическую выдержанность стиля, присущую усадебным повестям. В связи с этим обстоятельством необходимо учитывать, что усадьба – тип жилища / дома, который был призван обеспечить хозяину и его семье особую, полную довольствия, жизнь на лоне природы. Усадьба строилась в расчете на столетия, в принципе предполагалось, что она будет переходить по наследству и отражать индивидуальность ее хозяев, оставаясь собственностью одной семьи, члены которой принадлежали к одной социальной сфере и говорили на одностильном языке, несомненно, стремясь к приличествующему их происхождению, званию и образованию монологизму. Одноголосию благоприятствовала и сама пространственно-временная организация усадьбы²⁴.

В контексте темы будущего России и сущности русского характера, осмысляемой в интеллектуальных спорах отцов и детей, которые разворачиваются в границах усадебного пространства, рассмотрим другое произведение Тургенева – повесть 1856 года «Фауст», в которой идея «фаустической европейской» культуры заявлена с полной очевидностью как в самом названии произведения, так и в его коллизии: в столкновении

героини Веры Ельцовой с идеей фаустической культуры, воплощенной в поэтическом мире Гете, – столкновении, которое заканчивается смертью героини. Мотив фаустической культуры заявлен со всей очевидностью в описании алхимических опытов Ладанова, деда Веры Николаевны: «Ладанов не только из дома, из кабинета своего не выходил, занимался химией, анатомией, кабалистикой, хотел продлить жизнь человеческую, воображал, что можно вступать в сношения с духами, вызывать умерших... Соседи считали его за колдуна»²⁵. События происходят в усадьбах главного героя повести и семейства Ельцовых, дом которых один из персонажей повести называет обителью мира. Описания усадебных интерьеров, сада, фамильных портретов и памятных вещей в доме главного героя и в доме Веры Николаевны являются одним из недостижимых образцов глубокого психологического проникновения во внутренний мир героев, одним из самых поэтических описаний русского характера, глубинные сущностные черты которого явлены в декорациях усадебной жизни. В заключительной главе повести, написанной в жанре писем, главный герой осознает себя виновником трагической смерти Веры, чья душа не выдержала столкновения с миром непознанного, который открылся ей после прочтения «Фауста», и вспоминает о своей детской провинности, приведшей к утрате прекрасного произведения искусства: «Помню, когда я был еще ребенок, у нас в доме была красивая ваза из прозрачного алебаstra. Ни одно пятнышко не позорило ее девственной белизны. Однажды, оставшись наедине, я начал качать консоль, на котором она стояла... ваза вдруг упала и разбилась вдребезги. Я обмер от испуга и стоял неподвижно над осколками. Отец мой вошел, увидел меня и сказал: "Вот посмотри, что ты сделал: уж не будет у нас нашей прекрасной вазы; теперь уж ничем ее поправить нельзя". Я зарыдал. Мне показалось, что я совершил преступление. – Я возмужал – и легкомысленно разбил сосуд в тысячу раз драгоценнейший... <...> вдребезги разбилось прекрасное создание, и с немим отчаянием гляжу я на дело рук своих»²⁶.

В этой повести Тургеневым в полной мере отражены характерные черты усадебной жизни с размеренно текущим временем, важной особенностью которого является постоянная память о прошлом, живое присутствие традиций, о которой напоминают портреты и могилы предков, старая мебель, библиотека с хорошо известными книгами, парк, семейные предания. Все это приучило героиню Веру Ельцову мыслить ретроспективно и в границах устоявшейся жизни, каноны которой были заложены ее дедом-алхимиком Ладановым и ее матерью, чей призрак явился Вере; размеренной, поэтически окрашенной жизни, которая не выносит столкновения с «фаустической» европейской культурой.

На приведенных примерах из литературы 1920-х годов можно убедиться, что с «фаустическим» мотивом творения искусственного существа тесно сопряжен образ утопического города / дома, изоморфными вариантами которого являются стеклянные колбы, реторты, лаборатории.

Стоит отметить, что утопические описания города будущего и счастливой свободной жизни его обитателей, представленные в романе Чернышевского, получают в литературе 1920-х годов антиутопический характер: архитектурные образы стеклянных домов начинают рассматриваться как государства-гомункулы, развивающиеся в колбах и ретортах в ходе обширного лабораторного эксперимента, проводимого государством-Фаустом, а участь обитателей склянки сходна с участью экспоната кунсткамеры. Не случайно писатель Свистонов в романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова», наблюдавший во сне за будущими персонажами своего романа через стеклянные стены домов, говорит о том, что мир давно превратился для него в своего рода кунсткамеру, а он был в ней чем-то вроде директора. Тургеневский же образ типично русской усадебной жизни позволяет писателю отобразить сложнейшие сокровенные психологические переживания героев именно в пространственных границах традиционного существования в доме предков, исполненного рефлексии, традиции и памяти, позволяет выразить сущностные черты русского характера, формирующегося в родовом гнезде, в закрытом, интимном, сокровенном пространстве.

В качестве постскриптума отмечу более чем показательную характеристику, которую Тургенев дает Кукшиной: «И Кукшина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы»²⁷.

Примечания

¹ Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале баланских загадок) // Труды по знаковым системам. Вып. X. Тарту, 1978.

² Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // AEQUINOX. МСМХСШ / Под ред. Е.Г. Рабинович, И.Г. Вишневецкого. М., 1993. С. 70–167; Цивьян Т.В. К семантике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века) // AEQUINOX. МСМХСШ / Под ред. Е.Г. Рабинович, И.Г. Вишневецкого. М., 1993. С. 213–230; Шиндина О.В. Образы музея и вещи в советской литературе 20–30-х годов (поэтика абсурда) // Проблемы гуманитарных наук: История и современность. Альманах. Саратов, 2006. С. 102–106.

³ д'Амеция А. Стекланный город в утопиях авангарда // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева / Под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. М., 2000. С. 566.

⁴ Там же. С. 566–567.

⁵ Там же. С. 567–569.

⁶ Там же. С. 568.

⁷ Шиндина О.В. Советское общество в поисках нового человека: Фауст и Гомункулюс в литературе 1920–1930-х гг. // Человек и социум в трансформирующемся мире: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Саратов, 2005. С. 291–295; Она же. Пир во время НЭПа // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сборник статей участников международной научной конференции (Саратов, 23–25 сентября 2010 г.) / под. ред. И.Ю. Иванюшиной, И.А. Тарасовой. Саратов, 2010. С. 133–140.

⁸ Об архитектурно-инженерных проектах устройства социалистического (и шире – утопического) города см.: *А. д'Амелия*. Указ. соч. С. 571–572.

⁹ *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // *Чернышевский Н.Г.* Избр. произв.: В 3 т. Т. 2. Л., 1978. С. 383.

¹⁰ *Белобровцева И.З.* Стекло-дома Е.И. Замятина и С.М. Эйзенштейна: тема гомункулуса в русской культуре 1920-х годов // Литературный процесс и развитие мировой культуры / Материалы и тезисы конференции. Сост. С.Н. Доценко. Таллинн, 1994 г. С. 31. См. также: *д'Амелия А.* Стекло-город в утопиях авангарда // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева / Под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. М., 2000. С. 565–580.

¹¹ Цит. по: *Белобровцева И.З.* Указ. соч. С. 33. Утопия, описанная с позиций актуализации динамического аспекта, воплощающая принципы конструктивистской и супрематической живописи, представлена в реализовавшемся кинематографическом проекте – фильме Я. Протазанова «Аэлита», действие которого происходит на Марсе. Выбор этого места показателен с учетом литературного опыта философа А. Богданова, в романе-утопии «Красная звезда» 1908 года описавшего архитектуру коммунистического общества в виде образа Хрустального дворца и стекло-железной фабрики, в плане имеющей крест – то есть очевидную отсылку к храму.

¹² *Белобровцева И.З.* Указ. соч. С. 33.

¹³ *Шиндина О.В.* От оживающей статуи к неживому гомункулу: алхимическая тема в раннем творчестве Каверина // В.Я. Брюсов и русский модернизм: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Лекманов. М., 2004. С. 240–250.

¹⁴ *д'Амелия А.* Указ. соч. С. 577–578.

¹⁵ *Шиндина О.В.* Утопические мотивы в советской литературе 1920-х годов // Город: рискогенное пространство. Сборник научных статей / Под ред. Е.В. Листвиной. Саратов, 2012. С. 113–119.

¹⁶ *Каверин В.А.* Пятый странник (Театр марионеток) // *Каверин В.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 1. М., 1981. С. 72.

¹⁷ *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // *Булгаков М.А.* Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Предисл. В.И. Сахарова. М., 1988. С. 656.

¹⁸ *Замятин Е.* Мы. М., 1989. С. 11.

¹⁹ *Толстой А.Н.* Голубые города // *Толстой А.Н.* Рассказы. Саратов, 1985. С. 104.

²⁰ Ярким автором «лирико-мифологического мифа» о стеклянной архитектуре является немецкий архитектор и писатель начала 20 века Пауль Шеербарт, в чьих «архитектурных фантазиях <...> сохраняется <...> метафорическая цепочка *стекло-природа-храм*» (*А. д'Амелия*. Указ. соч. С. 570). Символику огромного Хрустального дворца Джозефа Пакстона на Всемирной лондонской выставке 1851 года, гармонично сливавшегося с вековыми деревьями Гайд-Парка оценил славянофил А. Хомяков (см. об этом: *А. д'Амелия*. Указ. соч. С. 569).

²¹ Просветительский пафос цивилизаторского труда разумного человека отражается уже в первых градостроительных проектах утопического социализма, в которых в 1808 году Ш. Фурье в фаланстерах предполагал стеклянные галереи и зимние сады, а Р. Оуэн в 1817 году в идеальном поселении – образ Народного дворца из стекла (см. об этом: *Ямпольский М.* «Мифология» стекла в новоевропейской культуре / Советское искусствознание. 1988. № 24. С. 314–347).

²² *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Накануне. Отцы и дети: Романы. М., 1979. С. 162.

²³ Там же. С. 328.

²⁴ В связи с идеей монологизма, заложенной в природе усадебной организации и языка, ее описывающего, любопытно вспомнить замечание М. Бахтина о том, что предпосылки полифонизма, романного многоголосия были заявлены уже в одном из романовых замыслов Чернышевского «Перл создания» (*Бахтин М.М.* Проблемы поэтики

Достоевского. М., 1979. С. 76–79).

²⁵ Тургенев И.С. Фауст // Тургенев И.С. Повести. М., 1976. С. 32.

²⁶ Там же. С. 74–75.

²⁷ Тургенев И.С. Отцы и дети. С. 332.

Т. И. Мицук

АМЕРИКА И ТЕМА САМОУБИЙСТВА В РОМАНАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Интерес к Америке, американской культуре и стилю жизни в русской литературе обостряется в XIX веке под влиянием многочисленных газетных публикаций. Американская модель устройства общества многими считалась близкой к идеальной, на страницах российских газет, особенно в 1860-е годы, обсуждалась возможность ее перенесения в Россию. Находились и те, кто не соглашался с этой идеей. Литературный спор Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского на страницах их романов наиболее ярко иллюстрирует рост интереса к Новому Свету в России того времени.

Эта тема неоднократно затрагивалась ранее. Например, она является частью диссертационного исследования А.А. Арустамовой «Тема Америки в русской Литературе XIX в.», в котором изучается история становления интереса к Америке в русской культуре, в том числе подробно рассматриваются причины полемики Чернышевского и Достоевского: «В романе «Что делать?» Чернышевского и в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Достоевского обнаруживается сходство сюжетных мотивов (бегство / поездка в Америку, преобразование человека и др.), принципов конструирования «американского» пространства, способов включения «американских» мифологем в художественную систему произведений, однако семантика этих мотивов и образов (в том числе образов-символов) полемически противоположна»¹.

Герой романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Лопухов, чтобы освободить свою жену и друга, инсценирует самоубийство, после чего уезжает в Америку, где меняет имя и становится Джеймсом Бьюмонтом: «был иностранец, и на визитных карточках его написано Charles Beaumont, но произносилась {читалась} его фамилия не Шарль Бомон, как следовало бы скорее ожидать, а Чарльз Бьюмонт, – да и натурально, что она так произносилась, потому что он был агент лондонской фирмы Джибсон, Миллинер и К^о по закупке сала и стеарина»².

«Читал ты «Что делать?»? Скучный это роман, а одно очень, очень хорошо. Он, этот, как его, Рахманов, взял, да и сделал вид, что он утопился»³. Цыганка Маша из пьесы «Живой труп» Л.Н. Толстого плохо читала роман Н.Г. Чернышевского: она не запомнила ни фамилии, пусть и второстепенного, персонажа, ни способа самоубийства, она запомнила лишь

то, что самоубийство было инсценировано.

Лучшего способа освободить свою жену, пусть и фиктивную, от уз брака в середине XIX века, наверное, не было. Институт развода, хоть и существовал, но для его активизации требовались серьезные основания, например, измена одного из супругов, которые потом тенью ложились на другого супруга. Только инсценировка собственной смерти с дальнейшим перерождением в нового человека могла помочь в этой безвыходной ситуации. В этом, казалось бы бытовом вопросе, затрагиваются более глубокие проблемы.

Эпизоды из романа «Что делать?» могли бы послужить иллюстрацией к следующим предположениям:

- Отъезд в Америку как смерть (мнимая/для старой жизни, etc);
- Возвращение из Америки как воскрешение для новой жизни.

Мнимое самоубийство в сочетании с реальным отъездом и возвращением под измененным именем может быть проинтерпретировано как обряд инициации, который необходимо было пройти, чтобы стать настоящим «новым» человеком. Переход на новую ступень развития мог быть связан с поездкой в Америку потому, что американский стиль жизни, их технократизм и непрерывная деятельность могли послужить источником формирования представления об идеальном социальном устройстве. Нельзя не сказать и о мифологизации образа Америки и следующим за ней рождением мифа о новом человеке. Человек всегда жил мифами, и миф о новом человеке, о сверхчеловеке, в том числе и в ницшеанском понимании, является одним из архетипов. Времена менялись, миф оставался, менялся только социо-культурный контекст, в котором мифу о новом человеке приходилось существовать. Например, через сто лет после написания романов Чернышевского и Достоевского, миф о новом человеке приобрел несколько иные черты, и сформулирован он был в докладе первого секретаря Н.С. Хрущева на съезде партии. Одной из черт коммунизма в его представлении становится создание нового человека не только в физическом («Коммунизм принесет дальнейшее увеличение продолжительности жизни и станет явью мечта поэта: «Лет до ста расти нам без старости»»), но и в моральном смысле: новый человек коммунистического будущего должен быть предан интересам коммунизма, т.е. «новый человек – это, в первую очередь, коммунист, и если интересы коммунизма вступят в противоречие с интересами Родины, то надо выбирать в пользу коммунизма»⁴. Суть мифа не менялась: должно настать то время, когда человек изменится, станет лучше, произойдет обновление человеческой души и человеческой сути.

Видя в Америке своего рода Эдем, Чернышевский делает Америку тем самым лекарством от людских пороков. Но для Достоевского Америка была чуть ли не адом, несмотря на то, что он там ни разу не был. Говоря о связи суицидальных мотивов с упоминанием Америки, нельзя не отметить и роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в

котором представлена обратная ситуация:

- Самоубийство как отъезд в Америку.

Эпизод из романа Н.Г. Чернышевского мог послужить отправной точкой для идей Ф.М. Достоевского, который несколько переработал его и завершил то, что было намечено Н.Г. Чернышевским, представляя «отъезд в Америку» как эвфемизм к «совершить самоубийство». Начав в романе «Преступление и наказание», он продолжил ее и в «Подростке», и в «Бесах», в которых сцена самоубийства стоит рядом с упоминанием Соединенных Штатов Америки.

В романе «Преступление и наказание» Свидригайлов кончает жизнь самоубийством, объясняя случайному (или неслучайному?) свидетелю самого страшного греха, что он едет в Америку. Видимо, револьвер это билет до Америки, но билет в один конец: «Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит.

– А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до? – проговорил он, все еще не шевелясь и не изменяя своего положения.

– Да ничего, брат, здравствуй! – ответил Свидригайлов.

– Здесь не места.

– Я, брат, еду в чужие край.

– В чужие край?

– В Америку.

– В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

– А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!

– Да почему же бы и не место?

– А потому-зе, сто не места.

– Ну, брат, это все равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

– А-зе здесь нельзя, здесь не места! – встрепенулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок»⁵.

Но «Преступление и наказание» это не единственный роман Ф.М. Достоевского, в котором в одном контексте стоит и Америка, и самоубийство. В романе «Бесы» в Америке побывали два персонажа – Шатов и Кириллов. Последний, вдохновленный идеями Ставрогина, кончает жизнь самоубийством, выстрелив в себя из револьвера. Шатова же, который тоже был в Америке, убивают. Можно сказать, что Америка поглощает своих детей, или сами дети, вернувшиеся на свою родину, убивают себя, чтобы навсегда остаться с родиной идей, с недостижимой в обычной жизни и возможной только за крышкой гроба. Или же историческая родина не

принимает обратно своих блудных детей и избавляется от них как от заразы, особенно после таких слов: «мы, русские, пред американцами маленькие ребятишки, и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень»⁶.

Самоубийство, идейное самоубийство – это тяжкий грех, один из самых страшных, и не имеет значения, что побудило человека совершить этот поступок: несчастная ли любовь, жизненные ли обстоятельства или же идеи. Церковь не признавала самоубийц, их не отпевали и хоронили за оградой кладбища.

Почему для Достоевского Соединенные Штаты Америки – олицетворение загробного мира? Возможно, причиной этому послужило не только географическое расположение государства, которое могло ассоциироваться с расположением Аида: океан, между Новым Светом и Старым Светом, мог сопоставляться с Летой, а корабль – с челном Харона. Вода практически всегда ассоциировалась либо с жизнью, либо с рождением, либо со смертью. В качестве примера можно привести ритуал крещения, который в свою очередь восходит к обрядам инициации, о которых говорилось ранее. То есть пересечение Атлантического океана, или Леты, это путь к новой, иной жизни, а какой именно она будет – никто не знает. Ведь и во время обрядов инициации никто не был уверен, выживет человек или нет. Но в связи с этим может возникнуть закономерный вопрос: почему именно Америка? Почему не Латинская Америка, не Канада и не Австралия? «Мотив иного света и мотив перерождения человека, попавшего за океан: образ океана обретает символический смысл, а его пересечение изображено как своего рода крещение для новой жизни в Новом Свете»⁷, – пишет А.А. Арустамова.

Этому может быть два объяснения. Во-первых, Америка в тот момент была задворками мира, никак не проявляющая себя в мировой истории. Во-вторых, Соединенные Штаты Америки – это бывшие колонии Англии, куда (как и в Австралию, Новую Зеландию) ссылали (как на тот свет) висельников, а оттуда мало кто возвращался.

По мнению некоторых исследователей, для Достоевского Америка была «цивилизацией без Бога». Возможно, именно поэтому в своих произведениях он связывает отъезд в Америку с самым тяжким грехом.

«Преображение героев за океаном рассматривается Чернышевским как символ возрождения к новой, активной, направленной на всеобщее благо жизни, Достоевским – как символ духовной (а иногда и физической) гибели», – отмечает А.А. Арустамова. И если путь, избранный Америкой и видимый многими как путь спасения, губителен для героев Достоевского, то он губителен и для России в целом: Америка пожирает своих детей. Два романа – «Что делать?» и «Преступление и наказание» предложили два пути понимания восприятия Америки и американского стиля жизни, которые продолжали и в XX веке.

Путь Чернышевского – одобрение общественного строя, который многие считали идеальным, – к Америке стремился и Д.И. Менделеев («К познанию России»), А.А. Блок называл в момент расцвета России «Новой Америкой». Америка дала приют изгнанникам (с другой стороны, кем в большинстве своем были эти изгнанники?), боролась с нацизмом. Путь Достоевского – восприятие Америки как загробного мира, мира без Бога, который породил капитализм и буржуазный строй. По этому пути в своих очерках о США пошли М. Горький, С. Есенин и В. Маяковский.

Примечания

¹ Арустамова А.А. Тема Америки в русской литературе XIX в. Автореф. дис. ... д-р. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2010.

² Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: В 5 т.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т.11.

⁴ Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс. канд. ист. наук / Челябинский государственный университет. Челябинск, 2007. С. 79.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч.

⁷ Арустамова А.А. Указ. раб.

Е. В. Первалова

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1860–1880-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Значительные изменения в политической и экономической сфере в годы реформ Александра II повлияли на все слои населения России, в том числе и на женскую его часть, которая оказалась вовлеченной в социально-политическую и производственную деятельность. Разорение дворянских семей, крах помещичьих усадеб, общее настроение общества – все это толкало женщину на поиски самостоятельного заработка и к продолжению образования. Формирование женского движения в России, стремление женщин к эмансипации, правовой и экономической независимости – все это послужило причиной того, что «женский вопрос» стал одним из наиболее обсуждаемых на страницах прессы во второй половине XIX века. В публицистике рассматривался самый широкий круг проблем: воспитание и образование женщины, право женщины на получение высшего образования наравне с мужчинами, возможность доступа к профессиональной карьере, предоставление женщинам гражданских прав, проявление женской самостоятельности в общественной деятельности, зарождение женского движения, вопросы любви и брака, контроль над рождаемостью, гигиена матери и ребенка, проституция и т.д.

Публицисты демократических изданий – «Современника», «Русского слова», «Дела», «Отечественных записок» – рассматривали «женский вопрос» как вопрос об угнетении и несправии в целом. Критикуя политическую, экономическую и культурную отсталость России, разоблачая факты административного произвола, данные издания указывали на нерешенность «женского вопроса» в России как на доказательство полной несостоятельности государственного аппарата, неспособности власти решать внутренние проблемы страны. В статьях М.Л. Михайлова,¹ Н.В. Шелгунова,² которых считают «родоначальниками» «женского вопроса», подвергалась резкой критике правительственная политика в области народного просвещения, выдвигались требования расширить гражданские права женщины и сферы применения женского труда, отстаивались права женщины на личную и экономическую свободу, критиковалась косность русского образованного общества в вопросах женской эмансипации. Важной составляющей выступлений демократов по «женскому вопросу» стала публикация в «Современнике» романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», в котором звучит мысль о том, что степень свободы женщины определяет степень свободы общества в целом.

Круг проблем, рассматриваемых либеральными и консервативными изданиями в рамках «женского вопроса», был уже, однако это отнюдь не означает, что их выступления имели меньшее значение и не влияли на решение проблемы.³ Значительное место в обсуждении одного из самых острых аспектов «женского вопроса» – проблемы доступа женщин к высшему образованию – занимают выступления Михаила Никифоровича Каткова, редактора-издателя газеты «Московские ведомости».

Одним из главных ограничений на пути российских женщин к высшему образованию было отсутствие в России единой системы среднего женского образования. К началу реформ Александра II для девушек были открыты лишь приходские училища, частные пансионы, институты и несколько училищ, существовавшие в некоторых городах на местные средства и руководствовавшиеся особыми положениями. Естественно, что они не могли удовлетворить потребности в женском образовании, особенно для средних классов населения.⁴ Лишь в 1858 году «Положением о женских училищах ведомства Министерства Народного Просвещения» были учреждены шести- и трехлетние женские училища. Однако программы даже шестилетних училищ имели значительные сокращения по сравнению с программами мужских гимназий, акцент в подготовке делался на воспитании будущей жены и матери семейства и совсем не ставилась цель подготовить женщину к дальнейшей профессиональной и общественной деятельности. В 1869 году в России насчитывалось по всем округам всего 29 шестиклассных и 79 трехклассных женских училищ⁵. В 1870 году женские училища были преобразованы в женские гимназии и прогимназии. Гимназии имели семь классов и восьмой, дополнительный (педагогический) класс, но уровень образования по-прежнему заметно уступал мужским

гимназиям, а выпускницы могли рассчитывать лишь на аттестат учительницы начальной школы, а окончившие 8 классов, – аттестат домашней учительницы. На протяжении всего этого времени неоднократно высказывались предложения сократить гимназический курс, слышались скептические мнения о том, что женщине нет необходимости получать «лишние знания», свое главное предназначение – супруги и матери – она более успешно будет выполнять, не обремененная образованием. Неудовлетворительность образования, получаемого в казенных гимназиях, стала причиной возникновения частных женских гимназий. Однако выпускницы как частных, так и казенных гимназий не имели права поступать в высшие учебные заведения, и им, как следствие, по-прежнему был закрыт доступ к большинству профессий.

Под давлением общественности в 1869 году были открыты так называемые Аларчинские курсы в Петербурге и Лубянские курсы в Москве, в 1870 году – двухгодичные Владимирские курсы в Петербурге. Однако отсутствие систематической подготовки, разнородный по уровню подготовки и развития состав слушательниц не способствовали успеху преподавания. Более удачным опытом стали открытые в Москве в 1872 году частные Высшие женские курсы профессора В.И. Герье, которые ставили задачу дать возможность девицам, окончившим средние учебные заведения, продолжить общее образование и в конечном итоге приобрели характер словесно-исторического факультета. Недостаточность и ограниченные возможности женского образования в России заставляли сотни русских девушек искать возможность получения образования за рубежом. Отъезд русских женщин за границу в начале 1870-х гг. приобрел массовый характер, что в итоге обеспокоило и правительство. В 1873 году Особая комиссия под председательством статс-секретаря И.Д. Делянова выработала проект правительственного высшего учебного заведения для женщин, в 1875 году вышло правительственное сообщение с обещанием предоставить женщинам в России возможность получения высшего образования. В 1876 году открылись Высшие женские курсы в Казани, в 1878 году – в Киеве и Петербурге. Самые известные – петербургские курсы, получившие по имени заведующего, профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, название Бестужевских, имели три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и специально-математическое, первоначально были рассчитаны на три года преподавания, но с 1881 стали четырехлетними. Однако вышеперечисленные курсы не могли удовлетворить потребности женщин, жаждущих высшего образования, и эта проблема в 1880–1890-е годы по-прежнему оставалась такой же острой, как и в 1870-е.

Российская пресса всех оттенков внимательно отслеживала процесс борьбы за женское образование, предлагая свои пути решения данного вопроса, в зависимости от политических взглядов и предпочтений. За «Московскими ведомостями» в 1870–1880-е годы прочно укрепилась репутация правительственного официоза, сам М.Н. Катков в глазах

либеральной общественности был крайним реакционером, выступавшим против феминизма «по принципиальным соображениям» и придерживавшимся «традиционных взглядов на женщину». Такая трактовка сохранялась и усугублялась в советский период и, к сожалению, характерна даже для современных исследований⁶. Анализ материалов газеты, передовых статей самого Каткова, опубликованных в разные исторические периоды, показывает, что позиция «Московских ведомостей» и их редактора в вопросе высшего женского образования нуждается в пересмотре и уточнении, в более объективном исследовании и освещении.

Интерес Каткова к «женскому вопросу» возник еще задолго до того, как он стал редактором «Московских ведомостей». Еще в 1858 году в редактируемом М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым журнале «Русский вестник» в первой апрельской книжке «Современной летописи» была анонимно опубликована статья Н.А. Добролюбова «Мысли об учреждении открытых женских школ» (По поводу открытого недавно в Петербурге Курса учения для девиц, воспитывающихся в своих семействах)⁷. Эта статья явилась одним из первых выступлений русских демократов по женскому вопросу и свидетельствует о большом доверии, которое внушал журнал Каткова демократически настроенной интеллигенции⁸. В тот же период в «Русском вестнике» по вопросам женской эмансипации активно выступала Е.В. Салиас-де-Турнемир (Е. Тур). Ее публикации были ответом на публикацию трудов П.Ж. Прудона и Ж. Мишле, которые рассматривали женщину лишь как некий придаток мужчины, не обладающий ни нравственностью, ни способностью к плодотворной мыслительной деятельности. В своих «Парижских письмах»⁹ Салиас-де-Турнемир резко критиковала французских мыслителей, которые, по мнению публицистки, показали женщину как «слабое больное существо, за которым нужен постоянный и заботливый уход» и превратили даму во «что-то среднее между ребенком и идиотом»¹⁰. Одновременно с Салиас-де-Турнемир, которая в «Русском вестнике» в первые годы издания возглавляла отдел изящной словесности (что само по себе было явлением исключительным в русской журналистике середины 1850-х годов), здесь сотрудничало более двух десятков женщин, «женская» проза и поэзия создавала своеобразный «беллетристический фон» журнала¹¹. Для многих из них литературный труд был способом поддержать свое материальное положение, сохранить финансовую независимость. Публикацию большого количества женской беллетристики можно рассматривать как проявление демократизма издателей – М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева – в вопросе о женской эмансипации.

Когда в 1863 году М.Н. Катков и П.М. Леонтьев стали редакторами-издателями «Московских ведомостей», любые шаги в направлении привлечения женщин к социально-профессиональной деятельности и расширения применения женского труда становились предметом освещения газеты. Здесь сообщается о письме от московских дам на имя попечителя

Московского учебного округа с просьбой открыть школу, которая «давала бы нам право занимать места учителей во всех классах женских учебных заведений и подавать медицинскую помощь больным»;¹² об открытии в Москве четвертой и пятой женских гимназий и образовании при Московском учебном округе особой комиссии из преподавателей гимназий, которая будет экзаменовать всех желающих быть гувернантками и домашними учителями;¹³ об открытии в Москве публичных курсов для женщин¹⁴ и т.д. В 1860-е годы газета постоянно напоминала о важной нравственной и общественной составляющей процесса вовлечения женщины в социальные процессы. Так, с сочувствием «Московские ведомости» сообщали о начинании Императорского Вольного экономического общества – привлекать женщин к первоначальному обучению народа¹⁵. В передовой статье от 29 августа 1869 года подробно анализируется система женского образования в России и рассматривается вопрос, как увеличить ассигнования на женское образование и какие предметы необходимо преподавать в средних учебных заведениях для женщин¹⁶. Издания Каткова неоднократно обращались к теме образования женщин за рубежом, приводя в пример как американские, так и европейские женские университеты, писали об эмансипации женщин не только в европейских странах, но и в странах Востока¹⁷. В передовой статье от 2.07.1872 г. подробно рассматривалась система женского образования в Соединенных Штатах Америки, где «имеются школы, где девочки ... воспитываются для университетских занятий», и «женские университеты, и женщины не только слушают лекции по факультетским предметам, но и занимают кафедры»¹⁸.

Можно уверенно сделать вывод, что «Московские ведомости» отнюдь не подвергали сомнению саму необходимость получения женщиной высшего образования и не оспаривали права женщины на поступление в университет, но выступали за серьезный и взвешенный подход к этой проблеме. «Московские ведомости» указывали, что в первую очередь для поступления в университет женщинам необходима серьезная предварительная подготовка, обязательный гимназический курс по той же программе и в том же объеме, что и курс мужской гимназии. В 1870-е годы, когда обсуждение «женского вопроса» усугублялось обострившимися разногласиями между представителями различных идеологических течений и борьбой, когда шла упорная борьба между сторонниками и противниками «классического» образования, газета заявляла о равенстве в науке мужчин и женщин и требовала равных условий в получении образования. Так, в обширной передовой статье 1872 года, посвященной проблеме женского образования, подчеркивается, что «наука и искусство могут быть открыты для женщин в такой же силе, как и для мужчин... если мы хотим предоставить женщине равный с мужчиной удел в науке, то мы должны женское образование поставить в одинаковые условия с мужским»¹⁹.

Не довольствуясь публикацией статей, Катков предпринимал

конкретные шаги в решении вопроса о праве женщин на доступ в университеты. Он принимал непосредственное участие в организации женской классической гимназии Софьи Николаевны Фишер. Это было одно из первых частных женских учебных заведений, готовящих девушек к получению высшего университетского образования. Гимназия открылась в 1872 году в Москве на Пречистенском бульваре. Хотя инициатива открытия гимназии принадлежала С.Н. Фишер, но ее вдохновителем и идейным руководителем стал именно М.Н. Катков. Учебный план, содержание и объем учебных курсов этого учебного заведения ничем не отличался от учебного плана мужских классических гимназий, здесь преподавали профессора Московского университета, Московской консерватории.

Из года в год Катков внимательно следил за развитием гимназии, подробно освещая в газете годовщины ее открытия, выпуски, юбилеи и т.д.²⁰ В передовой статье, посвященной открытию гимназии, он выражал надежду, что «девицы, предназначающие себя для воспитательной деятельности, пройдя с успехом гимназический курс, будут высоко ценимы, они будут обладать верным способом и обеспечить себя, и приносить самую существенную пользу своему народу», подчеркивал, что «у нас было бы особенно важно внести интеллектуальный интерес в недра семьи, и в ней найти опору для высшего образования, в котором мы так нуждаемся. ... Правильное и основательное высшее образование не умалит женского в женщине; напротив, свойственные ей качества могут получить лишь новое прекрасное развитие»²¹.

Ожидания «Московских ведомостей» с успехом оправдались. В 1876 году ученицы гимназии, с успехом окончившие курс 6 классов, стали получать звание домашних учительниц, а окончившие курс с особым отличием – звание домашних наставниц. В 1878 году по распоряжению министра народного просвещения работы гимназисток по древним языкам были отправлены на Парижскую всемирную выставку, С.Н. Фишер получила во Франции знак отличия и почетное звание *officier de l'Academie* за работы своих воспитанниц, о чем и сообщили «Московские ведомости».²² В 1879 году состоялся первый выпуск гимназии. «Воспитанницы госпожи Фишер были начитаны в древних авторах более, чем воспитанники мужских гимназий, и вообще преподавание в двух высших классах по характеру и размерам превышает обыкновенный гимназический уровень. Итак, задача решена, дело оправдано, успех превзошел самые смелые ожидания», – писал Катков в статье, посвященной первому выпуску гимназии²³. Не без участия Каткова права гимназии были увеличены: ученицы, прошедшие все 8 классов гимназии, получали аттестат, равный аттестату зрелости, и право преподавать учебные предметы в 4 низших классах мужских гимназий и прогимназий и во всех классах женских гимназий. Уровень подготовки выпускниц был таков, что в 1879 году Совет Московского Университета постановил ходатайствовать о допущении девиц, окончивших курс гимназии г-жи Фишер, к университетским занятиям на историко-

филологическом и физико-математическом факультетах.²⁴

В 1887 году в гимназии обучалось 187 учениц, а за пятнадцать лет существования (1872–1887) гимназия сделала 9 выпусков, выдав аттестат зрелости 82 ученицам.²⁵ По прошествии 15 лет С.Н. Фишер писала, что ее гимназия есть «одно из дел Каткова», «он создал ее своим словом». С благодарностью Фишер вспоминала о том вкладе и поддержке, которую оказывал ей издатель московской газеты: «Он верил в русскую женщину, в ее силы и способности, звал ее в храм науки и указывал ей на единый истинный путь в него»²⁶.

Успешная деятельность гимназии С.Н. Фишер являлась доказательством того, что женщины отнюдь не уступают мужчинам в освоении науки, и стала для Каткова поводом к продолжению разговора о праве женщины на самостоятельность и участие в профессиональной и общественной деятельности наравне с мужчиной. Так, в обширной (почти на полосу) передовой статье, посвященной первой годовщине гимназии, Катков продолжает настойчиво убеждать, что вопрос женского образования сегодня превратился в общественную потребность: «Право, говоря вообще, женщина у нас лучше мужчины, и мы готовы думать, что всякое дело в ее руках будет спориться по крайней мере не хуже, чем в мужских и исполняться с большей честностью. Мы уверены, что от хорошего женского труда наука могла бы только выиграть и в своем развитии, и в своих применениях, и в своем влиянии на жизнь»²⁷. В столь спорном в те годы вопросе, имеет ли женщина право заниматься медицинскими науками (уделом женщины в медицине считалось исключительно акушерство), Катков занимал прогрессивную позицию, считая это не только возможным, но полезным и необходимым: «Наука для всех равна, ее требования не могут изменяться или приспособляться к званию или полу». «Толки о неудобстве для особ женского пола заниматься медицинскими предметами с точки зрения приличия, скромности и стыдливости не имеют основания, — убеждал публицист «Московских ведомостей», — вопрос не в предмете, а в духе и цели занятий. Скромность, стыдливость не пострадают от занятий, имеющих дельную, добрую и полезную цель». «Истинно образованная женщина, способная восполнить мужское дело и в умственном труде, не может не стать истинным благом для той общественной сферы, где она появится», — убежденно подводит итоги Катков²⁸. Единственным и главным условием допуска женщин к высшему, в том числе и медицинскому образованию, Катков по-прежнему считал обязательный классический гимназический курс и единые требования зрелости для претендующих на обучение в университетах мужчин и женщин.

В 1874 году, в разгар борьбы за открытие высших женских курсов, в передовой статье «Московских ведомостей» Катков пишет, что «университетские курсы для женщин суть вопрос, не имеющий в настоящее время смысла. Они невозможны за неимением студенток»²⁹. Казалось бы, подобное высказывание свидетельствует об усилении консерватизма

издателя и его стремлении свести на нет все усилия сторонников высшего женского образования в России (как это и было воспринято его оппонентами). Однако Катков не только не отвергал высшее образование для женщин, но, напротив, продолжал оставаться его самым активным сторонником и защитником, но при этом выдвигал разумные, обоснованные и строго взвешенные требования, исполнение которых должно привести к появлению фундаментального женского высшего образования в России. Позиции Каткова чужды лозунги и стремление решить проблему женского образования любой ценой, он сторонник последовательных и серьезных мер. «Здание начинают строить не с крыши, а с фундамента, – продолжает свои рассуждения Катков в этой же статье, – мы окажем делу научного образования женщин существенную услугу, если положим ему основание удачным опытом общеобразовательной ученой школы. Когда основание будет положено, то все остальное сделается в свое время и в свою меру. Такой путь есть единственно разумный и верный»³⁰. По мнению Каткова, в настоящий момент правительство может открыть курсы для женщин, причем предоставив им полную свободу, но отсутствие гимназий, готовящих к поступлению в университет, не может дать этим курсам права называться «университетскими» и, следовательно, «сообщать право на ученые профессии».

Вместе с тем Каткова нешуточно беспокоил тот факт, что наука, высшее образование зачастую становились, по его мнению, лишь приманкой, чтобы вовлечь женщин в агитационную и пропагандистскую революционную деятельность³¹. После прошедших в конце 1870 – начале 1880-х годов политических процессов 193-х, 16, «дела Веры Засулич» и других «Московские ведомости» уже прямо стали писать, что в России «женский вопрос» «служил лишь прикрытием, тогда как на самом деле все усилия нигилизма были направлены к систематическому развращению женщины, с тем чтобы превратить ее в слепое орудие политической интриги и чрез нее разрушить семью»³². Наряду с мужчинами женщины превратились в одну из сил революционной агитации. Если в процессе Ткачева в 1871 году на суде предстало до десятка женщин, то на процессе 193-х в 1877 году – уже около сорока. Кульминацией этого явления стал процесс Веры Засулич 1878 года³³. В поощрении стремления женщин к образованию Катков увидел политическую агитацию: «Не образование, а нечто совсем иное – причина тех восторгов, которые возбуждали все эти женские курсы, акушерские, медицинские, высшие, разные, создающие класс *курсисток*, которому должна де завидовать Европа...»³⁴.

При этом вину за это «Московские ведомости» возлагали не только на пропаганду в радикальных изданиях – «Современнике», «Русском слове» и «Деле», на протяжении многих лет формирующих образ «новых людей», свободных от «уз старой морали и нравственности». Едва ли не в большей степени в случившемся, по мнению Каткова, были виноваты лица в правительстве, которые «как косвенным, так прямым образом оказывали

длительную поддержку безобразному направлению «женского вопроса»³⁵. Скорее всего, здесь Катков имеет в виду графа М.Т. Лорис-Меликова, министра внутренних дел в последние месяцы правления Александра II, и поддерживавших его военного министра Д.А. Милютина и сенатора Н.С. Абазу – сторонников либеральной внутренней политики.

Однако любопытно, что все вышеприведенные факты отнюдь не изменили отношения газеты к женскому высшему образованию, «Московские ведомости» по-прежнему отстаивали право женщины на получение образования и профессии, вели полемику с противниками привлечения женщин к медицинской и педагогической деятельности. В разгар политических процессов – в 1882 году – «Московские ведомости» по-прежнему продолжали писать, что «женщина в принципе имеет одинаковое с мужчинами право на образование», то есть имеет право поступать в университет. Но приобретать образование женщина должна лишь тем самым путем, каким его приобретают мужчины, т.е. путем серьезной предварительной предвуниверситетской подготовки в виде восьмиклассной классической гимназии³⁶. А в качестве примера и убедительного доказательства, что женщине вполне доступно получение классического университетского образования по тем же программам и в тех же размерах, газета приводила классическую гимназию г-жи Фишер, отметившую к тому времени уже десятилетний юбилей своего существования. По мнению газеты, вопрос не в том, имеют или не имеют женщины право на получение высшего образования, а в необходимости создавать в России гимназии для девочек, программа которых, подобно программе гимназии С.Н. Фишер, даст им возможность основательно подготовиться к университетскому курсу. Такая позиция «Московских ведомостей», которые в глазах большинства разночинской интеллигенции были органом «контрреформ» правительства Александра III, в реальности противостояла не только выступлениям либерально настроенной общественности в «женском вопросе». «Московские ведомости» противоречили и «отрицательной» точке зрения на женское образование, в пользу которой высказывались не только некоторые органы печати, но и представители власти. Немалая часть российского образованного общества с недоверием относилась к идее преподавания девушкам «лишних знаний», считая, что уделом женщины является супружество и материнство, в крайнем случае – доля учительницы. Даже в относительно либеральный период высказывались предложения сократить гимназический курс: так, в 1878 году комиссия Министерства народного просвещения предложила уменьшить курс обучения в женских гимназиях, обосновав свое решение тем, что «женское образование должно ограничиваться такими предметами, которые не отклоняют учениц от главного назначения, ... и сохраняют женские качества, украшающие семейный очаг»³⁷. Можно предположить, что во многом благодаря Каткову и его газете, влиянию, которое Катков имел в министерстве народного просвещения, эти предложения не осуществились.

В вину «Московским ведомостям» и их редактору можно поставить излишне эмоциональный тон, прямолинейность, несдержанность и резкость в выражениях, столь присущие Каткову-публицисту и, видимо, так раздражавшие его противников, в пылу полемики также не желавших увидеть в предложениях московского журналиста рациональное зерно. «Стриженные уроды, порвавшие всякую связь с семьей и обществом и отказавшиеся от всякой чистоплотности, — так характеризуются в одной из передовых статей Каткова слушательницы высших женских курсов. «И для чего все эти ужасные труды и страдания? — продолжает публицист. — Для того чтобы получить жалкие крохи поверхностного «высшего образования», которые за недостатком подготовительного образования впрямь не пойдут. И для этой жалкой мишуры приносятся в жертву здоровье, молодость, женственность», — патетически восклицает Катков, размышляя о цене образования для приехавших из провинции в столицу курсисток³⁸. С другой стороны, судьба многих женщин и девушек, привлеченных возможностью получения на общедоступных, не требующих подготовительного образования курсах и приехавших в столицу в поисках образования и заработка, действительно складывалась плачевно.

Как доказательство неизменности взглядов Каткова и позиции «Московских ведомостей» в вопросе женского высшего образования можно привести тот факт, что в сентябре 1882 года, к десятилетнему юбилею гимназии Фишер, газета слово в слово перепечатала статью от 1 сентября 1873, написанную к первой годовщине гимназии и целиком посвященную проблеме женского образования в России.

Подробно рассказывая о классической образовательной системе, принятой в гимназии Фишер, о достижениях, достигнутых гимназией за прошедшее десятилетие, Катков настойчиво подчеркивает, что нельзя ограничивать и сдерживать «основательное образование» для женщин в России и обрекать женщину «довольствоваться низшей степенью умственного развития, образованием поверхностным, кое-каким». Русская женщина достойна того, чтобы идти наравне с мужчиной и вырваться, наконец, из сферы семейной деятельности, на которую ее традиционно обрекает общество, в сферу «высших общественных профессий», от чего «наша наука могла бы только выиграть и в своем развитии, и в своих применениях, и в своем влиянии на жизнь». Однако события десятилетия, прошедшего со времени первой публикации данной статьи, заставили Каткова сопроводить перепечатку следующим выводом: «Свои права на высшее образование женщина доказать не тем, что острижет себе волосы, возьмет себе гражданского супруга и зачит символ новой веры, состоящий в том, что человек есть скотина, а Бога не существует. Добросовестные и искренние защитники прав женщины на высшее образование должны заботиться о том, чтобы она могла воспитываться в условиях равных с мужчиной, и доказать, что она способна проходить с успехом ту же воспитательную школу ученого характера, какая считается вообще

необходимой для самостоятельного занятия наукой»³⁹.

Можно с уверенностью сказать, что позиция Каткова и «Московских ведомостей» в вопросе высшего женского образования отнюдь не служит доказательством реакционности или ретроградства. Несмотря на то, что в 1880-е годы тон газеты стал более резким, обвинения в адрес «крамолы» звучали все чаще и чаще, «Московские ведомости» в то же время предлагали конкретные меры для решения проблемы женского высшего образования, аргументированно доказывали необходимость серьезных и взвешенных подходов в этой области, обоснованно предостерегали общество от излишнего увлечения «нигилизмом». Настойчивость, убедительность, уверенность и вескость тона, с которыми в «Московских ведомостях» писалось о женском образовании, профессиональный, научный подход к делу женского образования – все это заставляло считаться с мнением газеты и ее главного редактора. Несомненен и вклад Каткова в организацию гимназии С.Н. Фишер – одного из лучших женских учебных заведений второй половины XIX века.

Примечания

¹ Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860 № 4, 5, 8; Он же. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11; Он же. Женщины в университете // Современник. 1861. № 4; Уважение к женщинам // Современник. 1866. № 2, 3.

² Шелгунов Н.В. Женское безделье // Русское слово. 1865. № 5; Он же. Женское бездушие // Дело. 1870. № 9; Он же. Суемудрие метафизики // Дело. 1870. № 6.

³ См. Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века. Дисс. на соискание степени к.и.н. Омск, 2004.

⁴ См. подробнее об этом.: Шилина Т.А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX вв.) Дисс. на соискание степени к.и.н. Саратов, 2010; Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. СПб., 1901. и др.

⁵ Передовая статья // Московские ведомости. 29.08.1869. № 189.

⁶ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм (1860–1930). М., 2004. С. 626.

⁷ Мысли об учреждении открытых женских школ (По поводу открытого недавно в Петербурге Курса учения для девиц, воспитывающихся в своих семействах) // Русский вестник. 1858. Апрель. Кн. 1. Современная летопись.

⁸ Статья Добролюбова опубликована анонимно. Его авторство подтверждается письмом М.И. Шемановского Н.Г. Чернышевскому, который готовил посмертное собрание сочинений Добролюбова. По словам Шемановского, он узнал об этом от самого Н.А. Добролюбова // Шемановский М.И. Письмо Н.Г. Чернышевскому от 23 марта 1866 г. // Шестидесятые годы. Под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. 1940. С. 81.

⁹ Тур Е. Парижские письма // Русский вестник. 1859. Сентябрь. Кн. 1.

¹⁰ Тур Е. Женщина и любовь по понятиям г. Мишле. // Русский вестник. 1859. Июнь. Кн. 1. С. 467–468.

¹¹ Здесь сотрудничали Е.А. Лодыженская, Ю.В. Жадовская (Север), Н.С. Соханская, А.Я. Кирьякова, Ю.Ф. Ауэрбах, Данненберг, К.К. Павлова, Е.А. Слоцова, Р.А. Гарднер, М.А. Маркович, С.В. Энгельгардт, Н.Д. Хвоцинская-Зайончковская, Н.П. Шаликова,

А.В. Павлова, С.Д. Хвошинская, Е.П. Ермолова и др.

¹² Записки Москвича // Московские ведомости. 21.09.1868. № 204.

¹³ Записки Москвича // Московские ведомости. 9.10.1868. № 217.

¹⁴ Публичные курсы для женщин в Москве // Московские ведомости. 15.10.1869.

№ 224; Записки Москвича // Московские ведомости. 12.11.1866. № 239.

¹⁵ Гр. Н.Р. Женщины учительницы народа // Московские ведомости. 25.01.1863.

№ 20

¹⁶ Передовая статья // Московские ведомости. 29.08.1869. № 189.

¹⁷ Женщины в Цюрихском университете (из *Revue des deux Mondes*) // Московские ведомости. 5.08.1872. № 196; Передовая статья // Московские ведомости. 26.10.1873. № 269. (анонс помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1873 г. статьи из английского сборника «Westminster Review» «Образование женщин в Америке»); О женском медицинском обучении в Бельгии // Московские ведомости. 6.04.1875. № 88; Леопольд Катчер. Эманципация женщин в Турции // Московские ведомости. 8.09.1882. № 249.

¹⁸ Передовая статья // Московские ведомости. 2.07.1872. № 165.

¹⁹ Там же.

²⁰ См., например, Акт в женской классической гимназии г-жи Фишер // Московские ведомости. 6.09.1875. № 226.

²¹ Передовая статья // Московские ведомости. 2.07.1872. № 165.

²² Московские ведомости. 19.08.1879. № 212.

²³ Передовая статья // Московские ведомости. 7.09.1879. № 229.

²⁴ Там же.

²⁵ Празднование 15 годовщины со дня основания Женской Классической гимназии С.Н. Фишер // Московские ведомости. 3.09.1887. № 242.

²⁶ Там же.

²⁷ Передовая статья // Московские ведомости. 1.09.1873. № 220.

²⁸ Там же. См. также. Передовую статью и статью «Врачебное призвание женщин» доктора Эткина в № 47 от 23.02.1874 г. «Московских ведомостей», в которых поддерживаются основные мысли, выраженные в статье от 1.09.1873 г. и доказывается возможность допускать женщин к врачебной практике

²⁹ Передовая статья // Московские ведомости. 26.02.1874. № 50.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Передовая статья // Московские ведомости. 1.06.1882. № 150.

³³ Передовая статья // Московские ведомости. 25.03.1880. № 84.

³⁴ Там же.

³⁵ Передовая статья // Московские ведомости. 1.06.1882. № 150.

³⁶ Там же.

³⁷ История гимназического образования в России // <http://wordweb.ru/2008/02/05/istorija-gimnazicheskogo-obrazovanija-v.html>

³⁸ Передовая статья // Московские ведомости. 1.06.1882. № 150.

³⁹ Передовая статья // Московские ведомости. 4.09.1882. № 245.

II. СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

И. Е. Захарова

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ А. А. ЛЕБЕДЕВА «ОТЕЦ ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Александр Александрович Лебедев (1886–1930) – саратовский историк, библиограф, краевед, входил в состав СУАК¹. Ряд исследований он посвятил изучению биографии Н.Г. Чернышевского и его семье².

Несколько рукописей из архива А.А. Лебедева после его смерти в 1932 году были переданы в музей Н.Г. Чернышевского. Это подготовленные к публикации статьи «Родина Н.Г. Чернышевского» и «Отец Чернышевского», датированные 1928 годом, а также несколько страниц заметок о выставке, посвященной Н.Г. Чернышевскому, организованной в Саратовском университете в 35-ю годовщину со дня смерти писателя.

Эти рукописи хранились в музее до передачи в Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА–ЦГАЛИ СССР–РГАЛИ) в 1941 г. В 1956 г. для музея была сделана микрофильмированная копия этого дела. Рукопись Лебедева «Отец Чернышевского» до сих пор не издана³.

По мнению А.А. Лебедева, вопрос об отце писателя «не получил более или менее удовлетворительного освещения в литературе, посвященной Чернышевскому». Чтобы восполнить этот пробел, А.А. Лебедев по просьбе С.Н. Чернова, с которым его объединяло многолетнее сотрудничество в СУАК⁴, написал статью об отце Чернышевского. Работа представляет собой извлечение из двух ранее подготовленных Лебедевым к печати рукописей «Архиепископ Иаков Нижегородский» и «История инквизиции в Саратовском Поволжье». Уже исходя из названий, можно понять, что в статье освещается период в биографии Г.И. Чернышевского, когда Саратовскую епархию возглавлял архиепископ Иаков (Вечерков), и участие Гаврилы Ивановича в миссионерской деятельности.

Научное достоинство статьи А.А. Лебедева подчеркивается большим количеством ссылок на опубликованные исследования и воспоминания, в которых упоминалось о Г.И. Чернышевском, использование рукописных и архивных материалов⁵.

Характеризуя личность отца Чернышевского, Лебедев, соглашаясь с мнением исследователей и мемуаристов, приводит ряд сведений, характеризующих Г.И. Чернышевского как священнослужителя и миссионера во время управления Саратовской епархией преосвященным Иаковом (И.И. Вечерковым), которые отчасти, «накладывают тень» на представленный образ.

15 лет (1832–1847 гг.) саратовской епархией управлял Иаков (Иосиф Иванович Вечерков), который практически сразу взялся за организацию

действий против раскола. С этого момента, по мнению А.А. Лебедева, начинаются взаимоотношения нового архиерея и саратовского благочинного, о которых существуют противоречивые сообщения.

Интересно мнение Лебедева об оценке, которую дал Николай Чернышевский, участию отца в противораскольничьей деятельности. По характеристике сына, Гаврила Иванович не сочувствовал миссионерству, проявлял терпимость и уважение по отношению к представителям религиозного разномыслия. Лебедев считает, что сын не может быть беспристрастным в оценке деятельности своего горячо любимого отца. В этой связи автор статьи приводит указание П.И. Мельникова (А. Печерского) на донос в Синод, представленный Чернышевским в самом начале миссионерской деятельности Иакова в саратовской епархии. Причем указывается, что Мельников об этом узнал из рассказа самого Иакова (с 1847 по 1850 гг. бывшего епископом Нижегородским), и что этот донос на всю жизнь оставил горький осадок в сердце преосвященного.

Однако если мы обратимся к переписке Н.Г. Чернышевского с отцом, небезынтересным будет описание его встречи в Петербурге с бывшим саратовским архиереем. В письме родителям от 24 января 1850 г. Николай Гаврилович писал об этом событии: «Он встретил меня очень ласково; спросил о Вас, милый папенька: «Я очень, очень помню: он много послужил церкви, много послужил и мне»⁶. Узнав, что Г.И. Чернышевский оставался благочинным, Иаков сказал: «Ну, слава богу, значит, он пользуется доверенностью нового преосвященного своего. Верно, он нашел в нем такого же верного и дорогого помощника себе, каким имел и я в нем»⁷.

Если сравнить отзывы Н.Г. Чернышевского и рассказ П.И. Мельникова, очевидно абсолютное расхождение во мнении Иакова о своем подчиненном. Возможно, не имея сведений о письмах Н.Г. Чернышевского к отцу, Лебедев не принял этот факт во внимание, доверившись сообщению Мельникова.

Известно, что с утверждением миссии в Саратове Иаков начал активно осуществлять правительственный план по приведению к единоверию иргизских старообрядческих монастырей. Далеко не все принимали методы преосвященного, направленные на скорейшее решение этой проблемы⁸. Так, А.М. Фадеев, несогласный с миссионерскими методами епархиального начальства, после ухода с губернаторской должности сделал донос в Синод о нарушениях правительственных распоряжений саратовским архиереем Иаковом, который постоянно в стремлении поскорее решить вопрос об искоренении раскола во вверенной ему епархии, действовал не осторожностью и убеждением, а полицейскими репрессивными мерами. В частности, упоминалась деятельность созданного Иаковом Секретного Опекающего Комитета по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия⁹. Возможно, этот донос П.И. Мельников приписал Чернышевскому, когда писал о разгроме скопцов в Саратове...

«Оставляя этот рассказ на ответственности автора, считаю долгом заметить, — писал Н.С. Соколов в 1888 г., — что едва ли сколько-нибудь

заслуживает доверия отзыв его о Чернышевском: в Саратове живы еще люди, которые лично знали Чернышевского, и все они в один голос говорят, что это был человек не только замечательного ума, но и замечательной честности. Преосвященный Иаков, очень ревниво относившийся к своей власти и по нутру неспособный поощрять доносчиков, всегда высоко ценил прот. Чернышевского и в течение всех 15 лет своего управления саратовской епархией держал его около себя»¹⁰.

Еще по ряду вопросов А.А. Лебедев не соглашается с С.Н. Черновым: и что Иаков дал неверное представление о доходах Чернышевского по запросу из Петербургского университета, и что архиерей, будучи монахом-аскетом, не принимал на светский, западный манер устройство жизни благочинного.

Что касается в неприятии образа жизни Чернышевских, то это мнение Лебедев опровергает тем, что сам Иаков не пренебрегал общением с аристократией Саратовской губернии, активно интересовался науками, собирательством, был членом нескольких ученых обществ. «Оба они были близки к дворянско-помещичьему миру», — отмечает Лебедев. Между ними не может быть никакого бы то ни было культурного расхождения.

Что же касается неверных сведений о доходах Чернышевского, Лебедев оправдывает Иакова, утверждая, что преосвященный был уверен в достаточно высоком доходе с прихода Сергиевской церкви. Если же мы обратимся к документу, то увидим, что Иаков практически не имел отношения к этому делу. В консисторию были даны сведения о невысоких доходах Чернышевского (годовое жалование в 300 рублей, из которых 200 уходило на содержание сына в Петербурге). Нашлись те, кто не поверил, и с Чернышевского потребовали представить сведения обо всех доходах, в том числе со сдаваемых в наем усадебных флигелей. Сведения о недостаточных доходах подтвердились, и необходимая справка все-таки была представлена в университет¹¹. Этот документ был составлен после перевода Иакова в Нижегородскую епархию, потому и слухи не подтверждаются.

В конце статьи Лебедев не делает обобщений, выводов. Возникает мнение, что это не законченная публикация, а материалы, над которыми он работал. Возможно, поэтому чувствуется незавершенность статьи.

Статья А.А. Лебедева, в которой он полемизирует по ряду вопросов с С.Н. Черновым о взаимоотношениях саратовского архиерея Иакова (Вечеркова) и благочинного Г.И. Чернышевского представляется интересным и в настоящее время для выяснения личности отца Николая Гавриловича Чернышевского. В публикуемой рукописи сохраняются номера постраничных сносок автора, употребляемые им сокращения и стиль изложения¹².

Примечания

¹ О биографии А.А. Лебедева см.: Дневниковые записи Михаила Дмитриевича Соколова — старшего брата Семена Дмитриевича Соколова (1878–1933) — члена СУАК // *Мишин Г.* Записки Саратовского Обывателя. Саратовский

след Распутина. Саратов, 2001. С. 67–68.; *Хованский Н.Ф.* Краткие биографии членов Комиссии. // 25-летие СУАК. Саратов, 1911. С. 19–20; *Захарова И.Е.* Неизданные рукописи А.А. Лебедева о семье Чернышевских // Культура и речь Саратовского края : сб. статей и метод. материалов / под ред. А.А. Демченко. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 62–64.

² «К биографии Н.Г. Чернышевского (По поводу 20-летия со дня его смерти 1889–1909)» (Исторический вестник, 1910, № 1-2); «К биографии Н.Г. Чернышевского» (Исторический вестник, 1910, № 3); «Уголки Н.Г. Чернышевского в Саратове» (Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вельфа по литературе, науке и библиографии, 1910, № 7); «Духовников Ф.В. Николай Гаврилович Чернышевский, с предисловием и примечаниями А. Лебедева» (Русская старина, 1910, № 12; 1911, № 1); «Г.И. Чернышевский как идеальный пастырь» (Приходской священник, 1912, № 6).

³ Рукопись А.А. Лебедева «Родина Н.Г. Чернышевского» опубликована в 2010 г. (см.: Культура и речь Саратовского края : сб. статей и метод. материалов / под ред. А.А. Демченко. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 64–68).

⁴ Саратовская Ученая Архивная Комиссия.

⁵ См. «Приложение» к статье, где представлены публикации, которые использовал А.А. Лебедев.

⁶ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XIV. М., 1949. С. 177.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Мордовцев Д.Л.* Последние годы Иргизских раскольничьих общин // Дело. 1872. № 1-4; *Соколов Н.С.* Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Т. 1. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888. и др.

⁹ Подробнее см.: *Скворцов Г.А.* Саратовский Высочайше утвержденный Секретный Совещательный Комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. № 32. С. 20–22.

¹⁰ *Соколов Н.С.* Указ. соч. С. 339–340.

¹¹ Прошение протоиерея Гавриила Чернышевского о выдаче ему справки о несостоятельности для представления в Петербургский университет на предмет освобождения сына его Николая Чернышевского от уплаты за обучение. 25/4–1846 г. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1930.

¹² «*ibid.*» – там же; «о.с.» – указанное (означенное) сочинение. Сохранены подчеркивание и выделения в тексте. Расшифровка публикаций в Приложении.

Александр Лебедев. Отец Н.Г. Чернышевского¹

[вверху страницы: Адрес: Саратов Большая Кострижная 26, кв. 1. Александру Александровичу Лебедеву.]

О Н.Г. Чернышевском создалась обширная литература. В рукописи существует интересный библиографический труд С.Д. Соколова, посвященный обзору этой литературы, обнимающий свыше 4. 000 №№ книг и статей. Есть и печатный указатель, составленный М.Н. Чернышевским – сыном и знатоком знаменитого писателя (готовится к печати и новое издание); к сожалению, М.Н. не был библиографом, и его работа не является образцовой².

Один пункт не получил более или менее удовлетворительного

освещения в литературе, посвященной Чернышевскому – это вопрос об отце писателя. Принимая во внимание громадное значение наследственности, мы вправе требовать от биографов Чернышевского особого внимания к этой теме в жизнеописания писателя. Правда, в литературе имеется несколько рассказов о Гавриле Ивановиче, – так звался отец писателя, – несколько попутных упоминаний о нем в работах по Н.Г. Чернышевскому, но они настолько скупы, настолько односторонни, что личность Чернышевского – отца остается до сих пор совершенно неясной. Единственная заметка, посвященная специально характеристике Г. И-ча, была напечатана мной в 1912 г. (Г.И. Чернышевский, как идеальный пастырь «Прих[одской] свящ[енник]» 1912, № 6), но и здесь не затронут вопрос о миссионерской деятельности Чернышевского, между тем она занимает видное место в его жизни. Правда, в последнее время появилась весьма интересная статья С.Н. Чернова «Семья Чернышевского» («Известия Краеведческого Института» II. Саратов 1927 и отд. отт.), представляющая большую ценность для изучения семьи Чернышевских, но, к сожалению, автор не воспользовался в должной степени ни печатной, ни архивной литературой [при освещении] затронутого им вопроса об отце писателя.

Настоящая статья, представляющая собой извлечение из двух наших работ, приготовленных к печати – «Архиепископ Иаков Нижегородский» (30 печ. листов) и «История инквизиции в саратовском Поволжье» (80 печ. листов)³, печатается по желанию глубокоуважаемого С.Н. Чернова, просившего меня высказываться об отце Н.Г. Чернышевского.

Гавриил Иванович Чернышевский был весьма интересной личностью. Все воспоминания о нем сходятся как о лучшем человеке, человеке редких моральных качеств и большого ума. Честность, прямота, стойкие и глубокие нравственные убеждения его были известны всему приходу⁴. Таким глубоким уважением, каким был окружен Чернышевский, пользуются в жизни очень немногие⁵. Даже болезненно-враждебно относившийся к его сыну И.И. Палимпсестов признается, что образ Гавриила Ивановича оставил в нем самые глубокие следы, хотя он и видел многих достойных служителей алтаря⁶. К нему, как внимательному, ласковому и сердечному человеку – советнику, охотно шли со своими религиозными запросами и дворяне, и купцы и также доверчиво шли за советом и помощью бедняки: после его смерти оказалось довольно много денег, доверенных ему беднотой на хранение⁷. С ним советовались даже люди других исповеданий: одна барышня – лютеранка спрашивала его совета – выходить ли ей замуж за одного искателя ее руки⁸. Это один из самых религиозных священников, редчайший тип духовного лица, священник божий, необыкновенно сдержанный в слове и движении, один из самых религиозных людей, которых только знал архиепископ Никанор Херсонский⁹. По словам Н.Г. Чернышевского, его отец никому никогда не служил помехой¹⁰.

Образованный и начитанный в отческой и классической литературе, он знал латинский, греческий, еврейский и французский языки; причем свободно читал и писал на древних языках, особенно на латинском¹¹, знал математику и историю и в тоже время, по скромности, никогда не хвалился своими знаниями. Науку он ценил не только ради тех практических выгод, которые она дает, но и ради расширения кругозора, всегда связанного с ее освоением. Он обладал обширной библиотекой, которая заключала в себе кроме множества богословских книг, много исторических сочинений, начиная с XVIII в. Н.И. Костомаров обратил на нее внимание, как на очень ценную, и пользовался ею¹² вместе с еп[ископом] Иаковом¹³. Стоя по своему уму и образованию выше многих в городе, Чернышевский и в педагогической деятельности выделялся в эту жесткую пору своей гуманностью¹⁴; он – враг розги и, где мог, допускал ее только в исключительных случаях, да и то только по прямому требованию своего начальства¹⁵. Его ученики в Саратовском духовном училище (еще до еп. Иакова) говорили, что лучше перенести брань, укоризны и розги, чем выслушивать кроткое со слезами на глазах, увещание Гавриила Ивановича. Наказывая розгами только по побуждению ректора, он всегда прекращал сечения, едва только ученик говорил: «Простите! Исправлюсь!»¹⁶. Г.И., таким образом, держался того мнения, что телесное наказание должно достигать своей цели не физической болью, а сознанием позорности поступка, вызвавшего наказание (так думал он ранее Н.И. Пирогова).

Вместе с Н.Г. Скопиным ему принадлежит честь первоначального устройства духовного училища в Саратове в экономическом и учебно-воспитательном отношениях; это они выполнили добросовестно и умело¹⁷. Чернышевский устраивал у себя на ночлег приезжавших в Саратов вдов и дочерей духовенства, кормил их; по праздникам он оделял нищих медной монетой¹⁸. Г.И. брал на свое попечение незаконнорожденных, подкидышей и сирот¹⁹; помогал бедным деньгами и одеждой²⁰, что было особенно трогательно при незначительности его материальных средств²¹. Никогда не употреблял спиртных напитков²². Обращает на себя внимание его большая личная честность – однажды он отказался от покупки земли по баснословно дешевой цене, считая это дело противным для своей совести²³. Глубоко и горячо верующий христианин, воплощенная кротость²⁴, то был человек глубоко благочестивый²⁵. Это человек – предостойный, по отзыву архиепископа Никанора²⁶. В общем то был типичный представитель устоявшейся, определившейся в духе и государственности, культуры, умный и добрый консерватор; благоразумное благочиние – его идеал в общественной жизни, последовательно проводимый им во всем²⁷. Весь мир для Г. И-ча заключался в церкви, сыне, книгах и отпращивании должностей, которые он занимал в городе²⁸. Аккуратный и исполнительный Г. И-ч писал сам каждую записку, повестку, сам вел метрики и в тоже время, будучи глубоким старцем, не пропускал ни одного молебна в царские дни²⁹. При епископе Иакове он был первой особой в Саратове из белого духовенства,

видным сотрудником и точным исполнителем воли архиерея по делам епархии³⁰. Иаков относился к нему с неизменным уважением, часто обращался к нему за советами и посылал массу консисторских дел³¹, почему Г.И. составлял крупную силу в саратовском духовном мире³². Архиерей брал его с собой для объездов епархии и давал ему свои проповеди для переписки, так как Г.И. обладал хорошим почерком³³. В 1843 г. Чернышевский был уволен из членов консистории³⁴ за неумышленную неправильную запись в метрики незаконнорожденного сына майора Протопопова, родившегося через месяц после брака³⁵. Когда невинность Чернышевского обнаружилась, Иаков заплакал.

Тенью в этом образе редкого человека являются несомненно «миссионерские заслуги» Чернышевского. Правда, Ветринский допускает; что Гавриил Иванович, может быть, и в самом деле имел успех, действуя обаянием кроткого и терпеливого обращения в противоположность рядовым миссионерам³⁶. Но факты говорят иное. Мало того, что он был настойчивым и изобретательным исполнителем начальственной воли в этом отношении, — Г.И. проявлял черезчур уже большую собственную инициативу в деле ущемления представителей религиозного разномыслия. Нужно заметить, что и вообще-то служебная карьера Чернышевского проходила им поразительно быстро; успешному восхождению по ступеням служебной лестницы много помогали Г. И-чу его миссионерские заслуги. Особенно характерно, что когда саратовская духовная власть представляла его за «отличные успехи» по званию депутата с духовной стороны, которые он оказал в увещании по делу о самоубийстве 35 беспоповцев в с. Копенах, Аткарск[ом]. у[езде].³⁷, и по другим, касающимся до старообрядцев, делам, к камилавке, петербургское духовное начальство наградило его только бархатной фиолетовой скуфьей, мотивируя уменьшение награды тем, что он был еще очень молод и лишь недавно достиг протоиерейского сана. В первые 10-11 лет своей службы в Саратове Г.И. занимал ряд видных должностей («определенный по присутственным местам, инспектор духовных уездного и приходского училищ, и.о. ректора там же, член саратовского духовного правления и затем консистории, благочинный), требующих большого такта, тонких и гибких качеств ума и воли, изоощренных опытом.

Но что лежало в основе миссионерской карьеры Чернышевского — простое честолюбие, дух карьеризма или же чувство долга? Сомнения малейшего нет, что на первый план своей деятельности он ставил долг. Будучи убежденным сторонником государственного порядка и благочиния, Чернышевский руководился исключительно чувством долга. Все несогласное с установившимся государственным порядком Г. И-ч вполне искренне считал ненормальным явлением. Религиозное разномыслие в его глазах было явлением, которое противоречило установившемуся государственному порядку и заслуживало, поэтому, преследования. Для борьбы Чернышевский усвоил те средства и пути, которые практиковались в

тоговременной России при борьбе с религиозным разномыслием. Поэтому вполне искренне он сделал донос на «общество благочестивых», группировавшееся около «епископа Иакова, обвинив перед консисторией членов его в сектантстве; вполне последовательно Чернышевский сделал донос в Синод и на самого Иакова, объявив его в связи с этим сектантским, по мнению доносчика, братством»³⁸. Конечно, этот донос был весьма опасным для карьеры всякого подчиненного такого требовательного начальника, каким являлся епископ Иаков, но Чернышевский донес синоду о подозрительной связи архиерея с братством, потому что считал своим долгом защитить интересы православной церкви и подавить «сектантство, свившем гнездо около самого официального представителя православия в саратовском крае. Епископу пришлось отчитываться и он оградил братство, объявив его миссионерские цели и способы действий. Синод предоставил Иакову сделать взыскание с Чернышевского за ложный донос, но тот не захотел делать неприятности доносчику «по своей кротости и смиренномудрию, так что тот едва ли и знал о последствиях своего доноса»³⁹.

С.Н. Чернов высказывал совершенно иной взгляд на характер деятельности Г. И-ча. Вся его деятельность, по словам Чернова, в огромной области надзора, пресечения и увещания была очень успешна. Как пример его успешных действий можно указать следствие по «копенскому действию», когда власть, благодаря ему, получила и, по-видимому, полное сознание преступников и присоединение к православию многих старообрядцев. Что здесь очень значительная доля успеха падает именно на долю Чернышевского, можно судить и потому, к какой *значительной* (курсив мой – А.Л.) награде представила его саратовская власть. Когда, не взирая на все усердия и все меры решительности высоких начальств, обращавших евреев-кантонистов в христианство, эта насильственная христианизация вдруг остановилась, – саратовская власть командировала Чернышевского в Вольск; и тяжелая совершенно противохристианская миссионерская политика власти среди евреев получила в нем свое последнее завершение и даже кажущееся оправдание. В огромной борьбе, которую повел еп. Иаков против старообрядцев, Чернышевский стал и был усердным помощником архиерея. Но очень любопытно и показательно, что не привлек Чернышевского ни в руководящие органы, ни в особые организации по борьбе со старообрядчеством и сектантством, хотя и давал ему очень важные и ответственные поручения. Так, он не ввел Г.И. ни в «братство благочестивых», ни в миссию о[тца]. Моисея, ни, наконец, в самый секретный совещательный комитет. Даже беглым образом приглядываясь к взаимоотношениям епископа и его усердного помощника, улавливаешь недоверие и неблаговоление епископа к своему подчиненному.

К сожалению, их взаимоотношения до сих пор еще не изучены ни в основных чертах, ни тем более, в подробностях и хронологии. В упорной борьбе со старообрядчеством и сектантством Чернышевский играл очень

видную роль: с добросовестностью и усердием чиновника он исполнял обязательные для него веления местной власти. Не будучи религиозным фанатиком он, по семейному преданию, определенно не сочувствовал делу миссии и скорбел о мерах принуждения, в которых он с отвращением принимал участие: он делал все возможные тайные поблажки старообрядцам и сектантам.

Но что же, спрашивает проф. Чернов, создало в действительности неблаговоление епископа к одному из своих ближайших по положению и довольно активных помощников? Неужели только вопрос о миссии, где Г.И. при всем своем принципиальном несогласии с епископом и при всех своих мелких упущениях и послаблениях, действовал с достаточной ревностью? Читая Мельникова⁴⁰, получаешь впечатление, что епископ Иаков не благоволил к Г. И-чу и не верил ему из-за его служебной нечестности в корыстных целях, а также хитрости и честолюбия. Если считать, что соответственное место работы Мельникова основано на отзывах самого Иакова, – придется признать, что сам Иаков именно так объяснял свое отношение к Гавриилу Ивановичу; и действительно, зная прямой в оценках характер епископа, нельзя не счесть, что он именно таким, как обрисовал, и считал Г. И-ча. Но в нашем распоряжении нет никаких доказательств служебной нечестности Г. И-ча. Может быть, в основу суждений епископа легла простая ошибка Чернышевского или злая клевета сослуживца, которой легко поверил впечатлительный и недоверчивый Иаков? Важно в отзывах Мельникова – Иакова, конечно, правильные указания на хитрость и честолюбие Г.И.: без них едва ли мог священник той поры сделать служебную карьеру, а она для Г. И-ча несомненна.

Эти последние черты Чернышевского, конечно, должны были обнаружиться для епископа Иакова при первых же деловых встречах: он застал в Саратове после своего мягкого предшественника Моисея, с своей точки зрения, довольно много очень серьезных неурядков в церковном устройстве и учреждениях епархии и с ревностью начал гонения на них. Чернышевский не только был влиятельным человеком в духовном мире Саратова, но и принадлежал к числу близких к еп. Моисею лиц и находился в тесных отношениях со светской властью и, конечно, не был и не мог быть перебежчиком, – и между ним и епископом естественно сразу установились трудные и сложные отношения взаимной подозрительности и обоюдного недоверия. Весьма вероятно, что их неприязнь имела под собой – и чем далее тем больше – и очень сильное культурно-бытовое расхождение сторон. Дело в том, что рядом с Г. И-чем, тяготевшим к светской дворянской культуре на западный лад, стал, вместо к ней же склонного епископа Моисея, суровый подвижник-аскет Иаков. К тому же крайне требовательный к себе еп. Иаков был очень требователен и к другим: будь аскетом! А у Г. И-ча он встретил, можно сказать, всестороннее и полное приятие жизни: и хозяйства, и труда, и науки, и радости, и веселья и решительную ориентацию приятной жизни на светский, точнее дворянский – т.е. западный

лад. И опять-таки Чернышевский не пожелал в угоду епископу перестроить весь уклад своей домашней жизни и строй своих знакомств и отношений. Все это создало глубокую внутреннюю почву для очень тяжелых и трудных личных отношений между архиереем и его ближайшим помощником.

Но, кажется, можно полагать, что рядом с этим решительным и никак непримиримым культурно-бытовым расхождением стояло очень сильное политическое разномыслие в большом и сложном вопросе об отношении к государственной власти. Переглядывая доступный материал, живо чувствуешь разницу в отношении к ней, — по крайней мере, к местной власти: в то время, как пришедший мир Г.И. ищет в ней опоры и с нею связей, его суровый аскет — начальник соблюдает в сношениях с ней большую самостоятельность и проявляет настойчивую и резкую требовательность. И эта разница поведения коренится в глубоких особенностях настроения и некоторыми своими корнями уходит в тот же вопрос о приятии светской культуры. При тесном переплете на местах обеих властей — духовной и светской — и постоянном перекрещивании их деятельности подмеченное выше различие в отношении к светской власти епископа Иакова и протоиерея Чернышевского должно было сказываться с особенной силой. Как же должен был епископ расценивать поведение своего подчиненного, когда замечал у него при выработке самостоятельных планов или подготовке самостоятельных шагов сепаратные, без своего одобрения или контроля, соглашения со светской властью? Или он о них бывал, может быть, неправильно осведомлен? В них ему было так легко видеть хитрость и честолюбие — и в большей дозе, чем было в действительности. Причина такого отношения Иакова к Чернышевскому была в тех огромных расхождениях общего характера. При таких глубоких расхождениях особенное внимание епископа привлекали хитрость и честолюбие подчиненного, который приял отвергаемый епископом мир, ладил с подозреваемой им светской властью и, если прямо не стоял за сторону его предшественника, то, по крайней мере, и не спешил с очевидной и угодливой торопливостью на ее быстрый и безоговорочный погром. Здесь, естественно, считалось за «хитрость» всякое уклонение от начальственных предписаний и за «честолюбие» каждый самостоятельный план или шаг. И как раз уклонениями и самостоятельными, если не планами, то несомненно шагами, полно и в раннее время и позднее, сотрудничество Г. И. со своим епископом в недостойном и темном деле карательной миссии среди отщепенцев православия. Но к сожалению, исследователю остаются доселе неясными и общая линия поведения в нем Г. И-ча и многие его в нем отдельные шаги. А разбираясь в немногих, частью противоречивых, частью малопонятных известиях, порою как бы получаешь впечатление, что Г.И. в начале своего сотрудничества с епископом отважился на, правда, глухую но явную с ним борьбу; порою же кажется, что последовательно ограничивался — главным образом позже — пестрым рядом разнообразных послаблений и побряжек преследуемым отщепенцам⁴¹.

Характеристика Чернышевского, сделанная Черновым покоится на недостаточном изучении соответствующей печатной и архивной литературы вопроса, а также на целом ряде недоразумений.

Прежде всего автор совершенно говорит о большой роли Г.И. в увещании копенских спасовцев: ни один документ по этому делу, прекрасно изученному, И.М. Добротворским⁴² и братьями Н. и П.С. Соловьевыми⁴³, не дает права утверждать, будто бы благодаря Чернышевскому получилось полное сознание и присоединение к православию многих старообрядцев: в этих документах его имя даже не упоминается. Все же его содействие следствию копенского происшествия состояло исключительно в формальном увещании некоторых старообрядцев. Чернов полагает, что саратовская власть представила (1828) Чернышевского за это содействие к значительной награде – к камилавке, но это утверждение – плод простого недоразумения: Г.И. будучи протоиереем, должен был получить по порядку все награды, которые даются священнику до получения им протоиерейств. Протоиереем же он сделался (1825) вследствие своего служебного положения, т.е. по должности, а не в результате постепенного прохождения духовной карьеры; между тем наград он не имел. Поэтому ему предстояло получить их уже после возведения в сан протоиерея. Власть представила Чернышевского к камилавке, а у него не было еще скуфьи, – вполне естественно, что синод, в первую очередь, и дал ему скуфью (в порядке постепенности).

Что же касается оценки камилавки, как очень значительной награды, то эта награда никогда не считалась значительной: ее имеют все без исключения протоиереи и весьма многие священники. Итак, скуфью Чернышевский получил не за одно увещание по копенскому делу, а вообще за всю свою работу в качестве депутата с духовной стороны при различных следствиях по старообрядческим делам⁴⁴.

По вопросу об участии Г.И. в христианизации евреев, сохранившиеся документы не говорят ничего помимо того, что Чернышевский приезжал (1844) в Вольск уговаривать евреев-кантонистов и вместе с прот. Бибиковым обратил в христианство пятнадцать человек. Дошедшие до настоящего времени воспоминания одного из обращенных – Вульфа Нахласа⁴⁵ точно также ничего не знают о большой роли протоиерея в этой христианизации евреев, так что у нас нет никаких оснований полагать, будто бы миссионерская политика власти среди евреев получила в нем свое последнее завершение и даже кажущееся оправдание. Гораздо рельефнее выдается в этой истории фигура прот[оиерея] Бибикова.

Что касается участия Чернышевского в борьбе с расколом, – этот пункт характеристики Г. И-ча, сделанной Черновым, нуждается в пересмотре. Едва ли можно видеть недоверие еп. Иакова в том, что он не ввел протоиерея ни в общество благочестивых, ни в члены миссии ни, наконец, в секретный совещательный комитет. Сомнения малейшего нет, что было делом большого такта со стороны архиерея не вводить Чернышевского в то

общество, которое он обвинял в своем доносе в консисторию в сектантстве. Назначить же Г. И-ча в члены разъездной миссии Иаков не мог потому, что Чернышевский был слишком нужен епископу для исполнения его личных поручений как по епархиальным делам вообще, так и в особенности по делам той же миссии: отпустить в разъезды по епархии такого исполнительного и с большой личной инициативой преследователя старообрядцев и сектантов было бы очень тяжело для епископа Иакова. Тогда бы пришлось подыскивать нового человека для составления планов по борьбе с религиозным разномыслием, в чем Чернышевский был большим специалистом, и для ближайшего участия в делах епархиального управления. Найти же такого человека было, конечно, очень трудно, — слишком уже подходил Г.И. по своему широкому образованию и развитию для роли архиерейского советника. К тому же в самом Саратове, как «гнезде всяких сект и расколов был нужен надежный человек, который бы был надежным оком архиерея. А таким оком и являлся Г.И.: нужно было узнать, что делается у саратовских поморцев, — Иаков давал поручение Чернышевскому; требовалось срочно выработать меры по борьбе с расколом, — архиерей звал Чернышевского; желал епископ дознать, в каком положении находятся около-саратовские скиты в буераках, — опять призывал он Чернышевского и давал ему соответственное поручение; хотя когда же возникло знаменитое дело относительно взятия Средне-Никольского монастыря на Иргизе у старообрядцев (1837), которое является кульминационным пунктом миссионерской деятельности епископа Иакова, — то для участия в приеме монастыря архиерей командировал опять того же Г.И-ча. Словом, истолковывать излагаемые нами факты в смысле доказательства ими недоверия еп. Иакова к своему подчиненному мы не имеем никакого права. Этого мало. Если мы в области фактов, вполне ясно говорящих за себя перейдем к нелицеприятным архивным документам, то и здесь увидим ошибочность суждения Чернова: в 1833 г. епископ Иаков представил в св. синод список кандидатов в миссионеры, и первым кандидатом поставил протоиерея Чернышевского⁴⁶.

Другой вопрос, почему Чернышевский не попал в число миссионеров, но что епископ Иаков, помещая Г. И-ча первым кандидатом миссионерства не питал к нему недоверия, — это для нас несомненно. Что же касается приглашения Чернышевского в члены секретного совещательного комитета, то по строго определенному штату (всего четыре человека) для Г. И-ча здесь могла быть единственная вакансия делопроизводителя; епископ предпочел взять делопроизводителем комитета не всеми уважаемого и почитаемого протоиерея, каким был Г.И., а более скромное лицо — свящ[енника] Никольского, который по своей неизвестности в городе, более подходил для исполнения скромных обязанностей писца.

Обращаясь к суждениям Чернова о глубоком принципиальном расхождении Чернышевского со своим епископом во взглядах на миссию, мы должны, прежде всего, признать не имеющим никакой реальной основы

предание семьи Чернышевских о несочувствии Гавриила Ивановича миссионерству, его скорби по поводу насильственных мер и о всевозможных тайных побряжках и смягчениях для всех представителей религиозного разномыслия. Отвергнуть нужно и указание Н.Г. Чернышевского на терпимость и уважение его отца по отношению к представителям этого разномыслия. Эти предания мы должны решительно отвергнуть вот почему. Свидетельство сына о своем горячо любимом отце не может быть непристрастным, тем более что, по словам Чернова, у Н. Г-ча был своего рода культ отца. Враждебно относясь к епископу Иакову за его фанатизм в преследовании всех инакомыслящих, а также за черезчур большую эксплуатацию Г. И-ча, которого он заваливал бумагами и поручениями, Николай Чернышевский вполне естественно дал ошибочный отзыв об отношениях своего отца к делу миссии. Затем, документы, подробно изложенные нами в работе по истории религиозного разномыслия в саратовском Поволжье с непреерекаемой очевидностью свидетельствуют, что Гавриил Иванович без всякого понуждения еп. Иакова сам был усердным ловцом старообрядцев и сектантов. Он проявлял здесь в высшей степени яркую собственную инициативу и искал сектантов даже там, где их и быть не могло – в «обществе благочестивых», группировавшемся около епископа Иакова и насчитывавшем в своей среде несколько духовных лиц, известных своей борьбой с расколосектантством. Наконец, о чем же свидетельствует донос Чернышевского на сектантство самого преосв. Иакова, как ни о большой собственной инициативе протоиерея в борьбе с религиозным разномыслием? Такому умному и честолюбивому человеку, каким являлся Г. И-ч, конечно, было прекрасно известно о возможных для него последствиях обвинения своего епископа в сектантстве (факт небывалый в истории русской синодальной церкви), и тем не менее, донос пишется и посылается в синод. Чернышевский рисковал здесь всем своим служебным положением и доверием архиерея, которое отчасти и потерял: Иаков, несмотря на крайнюю близость, в которой он имел при себе Г. И-ча, все-таки чувствовал в душе некоторый горький осадок после этого доноса, что сказалось в отзывах епископа о Чернышевском при беседах с Мельниковым.

Неблаговоление же еп. Иакова к Чернышевскому автор усматривает и в данном архиереем отзыве (официальном) в петербургский университет о материальном положении Г. И-ча, когда сын последнего хлопотал об освобождении от платы за учение по несостоятельности отца; когда же Г.И. со слезами на глазах объяснил епископу свое действительное положение, то архиерей не поправил новой бумаги ошибки своего ответа. И в этом факте нет даже тени недоброжелательства или недоверия: Сергиевский приход, где служил Чернышевский, был богатым помещичьим приходом, с прекрасным хором, привлекавшим множество молящихся. Вполне естественно, что еп. Иаков всегда считал Чернышевского человеком состоятельным, по крайней мере, настолько, чтобы платить деньги за учение своего сына в университете. Нужно заметить, что Иаков вообще не признавал, чтобы

духовенство саратовской епархии могло нуждаться. Что же касается настоятеля богатой городской церкви, то, конечно, епископ был вполне уверен, что он живет зажиточно, занимая, кроме того, ряд хорошо оплачиваемых должностей.

Что же касается вопроса об очень сильном культурно-бытовом расхождении епископа и протоиерея, то здесь Чернов ведет свое рассуждение исключительно в области теоретических построений; никаких реальных фактов в защиту своего мнения он не приводит. И это вполне понятно: ведь если мы взглянем в то, в чем собственно Чернов видит это «расхождение» обоих лиц, то заметим, что оно заключается в тяготении Г. И-ча к дворянской культуре и отрицание ее со стороны еп. Иакова, в приятии жизни в широком смысле слова Чернышевским и неприятии ее архиереем. В действительности же не может быть и речи о каком бы то ни было культурном расхождении между указанными лицами. Оба они одинаково были близки к дворянско-помещичьему миру, оба имели много знакомств в этой области. В приемной архиерея часто бывали тогдашние аристократки – помещицы, являвшиеся то за благословением к почитаемому епископу, то с просьбой о совете, то с жалобой на своих священников и дьяконов; и епископ Иаков почти всегда исполнял желания дворянской аристократии. В свои объезды епархии Иаков часто останавливался у знакомых помещиков и с ними проводил время. Когда же он был помоложе, то будучи ректором в Екатеринославе, разъезжал, по отзыву местного епископа, в жениховском экипаже, разбирался в сортах вина⁴⁷. Всю жизнь он глубоко интересовался наукой в самом широком смысле слова – собирал коллекции, изучал рукописи, был членом ученых обществ не только в России, но и за границей, прекрасно изучил историю и современное состояние тех местностей, куда заводила его служебная карьера. Вместе с тем Иаков страстно любил искусство: при этом архиерее в Саратове, по словам Н.Г. Чернышевского, в церквях были лучшие хоры, чем в Петербурге⁴⁸. Этого мало: вопросы хозяйства и труда также глубоко интересовали епископа. Достаточно вспомнить его хлопоты в Н. Новгороде о крестьянских изобретениях, касающихся улучшения сельского хозяйства, – например, он обратил внимание на дубленные овчины одного крестьянина и представил их вольному экономическому обществу. О каком же неприятии мира после указанных фактов может быть речь?

Здесь у С.Н. Чернова вышло некоторое недоразумение в понимании самого отречения от мира в монашестве: монах не отрекается от мира, как творения божия, – он отрекается от всех скверн, похотей и удовольствий земных. Иаков как раз и принял мир во всей его красоте, отдал всю свою жизнь на изучение окружавшего его мира и на служение этому миру. Вообще в христианстве не может быть речи о неприятии мира: отвергая творение Божие, человек становится во враждебные отношения к Творцу и Промыслителю этого мира (отвержение мира встречаем только у еретиков). Раз у еп. Иакова не было такого отвержения мира, ему и в голову не

приходило требовать от Чернышевского ломать уклад своей домашней жизни.

Такой же теоретичностью отличаются и суждения автора об «очень сильном политическом разномыслии» в вопросе об отношении к государственной власти. В то время как Чернышевский искал в ней опоры и связей, его начальник проявлял к ней большую требовательность. Опять мы не видим никакого расхождения: если Г.И. часто искал в преследовании старообрядцев и сектантов у полиции, то Иаков обращался в таких случаях к губернатору и жандармерии. Если у Чернышевского были прекрасные отношения с полицейскими, то Иаков во все свое пребывание в Саратове неизменно имел превосходные отношения с жандармами. С губернаторами он точно также был хорош, – припомним его близость к Степанову и Фадееву; правда, эта близость нарушалась, как только губернаторы начинали недостаточно предупредительно и расторопно исполнять архиерейские распоряжения, но отсюда нельзя, конечно, делать вывода о различных взглядах еп[ископа] Иакова и прот[оиерея] Чернышевского на государственную власть. И тот и другой благоговел перед ней, будучи определенными консерваторами.

Приложение

Список используемой А.А. Лебедевым литературы:

- Ветринский П.Е.* Ранние годы Н.Г. Чернышевского // Вестник Европы. 1908. № VII.
- Духовников Ф.В.* Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове [1820-е гг. – 1852] // Русская Старина. 1890. Т. 67. № 9; 1910. Т. 144. № 12; 1911. Т. 145. № 1 (публ. в журн. за 1910 и 1911 гг. А.А. Лебедева).
- [Костомаров Н.И.]. Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская Мысль. 1885. Кн. V.
- Лебедев А.А.* Г.И. Чернышевский как идеальный пастырь // Приходской священник. 1912. № 6.
- Лебедев А.А.* К биографии Н.Г. Чернышевского // Исторический Вестник. 1909. Т. CXVIII.
- Лебедев А.А.* Материалы для истории раскола в Поволжье: краткий очерк истории Иргизских раскольничьих монастырей. Саратов, 1910.
- Лебедев А.А.* Материалы для истории саратовской епархии. Т. III. Саратов. 1907.
- Лебедев А.А.* Николай Гаврилович Чернышевский (Наброски по неизданным материалам) // Русская старина. 1912. №. 1; 3; 4; 5; 10.
- Ляцкий Е.А.* Н.Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет // Современный мир. 1908. Май (№ 5 и 6).
- Мальшенко Г.М.* Н.Г. Чернышевский: биографический очерк // Русская Мысль. 1906. Кн. IV.
- Мельников П.И.* Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей, собранные П.И. Мельниковым. Отдел 5. Правительственные распоряжения, выписки из дел и записки о скопцах с 1834 по 1844 год // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1873. Январь-март. Кн. 1. М., 1873. С. 1–262.

Нахлас Вульф. Автобиография христианина из евреев // Домашняя беседа. 1862. №№ 22–23, 25–26.

Нахлас Вульф. Обращение иудейского законника. Н.-Новгород, 1882.

Никанор [Бровкович А.И.]. О значении семинарского образования. (По поводу смерти Чернышевского): Из беседы Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского на день св. ап. Андрея Первозванного для Одесской духовной семинарии по случаю храмового ее праздника // Саратовские епархиальные ведомости. 1890. № 15. [Отд. кн.: Из беседы Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского... Одесса, 1890.]

Никанор [Бровкович А.И.]. Наша светская и духовная печать о духовенстве. Воспоминания бывшего альтя-солиста // Архиеп. Никанор. Биографические материалы. Т. I. Одесса, 1900.

Добротворский И.М. О самосожигательстве раскольников // Православный Собеседник. 1861. Т. I.

Палимпсестов И.У. Н.Г. Чернышевский: по воспоминаниям земляка // Русский архив. 1890. № 4.

Пыпин А.Н. Мои заметки // Вестник Европы. 1905. Т. II. [Переизд.: Саратов, 1996.]

Розанов А.И. Николай Гаврилович Чернышевский 17 го октября 1889 г. // Русская Старина. 1889. Кн. 11.

Соколов П.С. Копенские происшествия 1802 и 1827 гг. // Христианское чтение. 1896. Кн. 5.

Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Т. I. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888.

Соколов. Саратовское духовное училище. РКП [рукопись]. лл. 381, 397 об.

Хованский Н.Ф. Очерки по истории г. Саратова и саратовской губернии... Вып. I. Саратов, 1884.

Чернов С.Н. Примечания к Автобиографии Н.Г. Чернышевского // Литературное наследие. Н.Г. Чернышевский. Т. I. 1928.

Чернов С.Н. Семья Чернышевского // Известия краеведческого ин-та изучения Ю.-В. обл. при СГУ. Т. II. 1927.

Чернышевский Н.Г. Жгут. РКП [рукопись] Н.Г. Чернышевского в саратовском музее им. Чернышевского.

Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Литературное наследие. Н.Г. Чернышевский. Т. I. 1928.

Юдин П.Л. Н.Г. Чернышевский в Саратове // Исторический вестник. 1905. № 2.

Примечания

¹ ЦГАЛИ. Ф.1. Оп. 1. Д. № 612. С. 8–32.

² Чернышевский М.Н. Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях за время 1854–1909. СПб., 1909.

³ Местонахождение указанных рукописей неизвестно.

⁴ [1.] Ветринский. Ранние годы Н.Г. Чернышевского. «Вестн. Европы» 1908, VII, 9, 11. Ляцкий Н.Г. Чернышевский в годы учения «Совр. Мир» 1908, V, 51–52.]

⁵ [2.] Розанов Н.Г. Чернышевский «Р. Стар.». 1889. (X)XV, 499 [№ нрзб.]. Духовников *ibid.* 1890. IX, 540. Ляцкий о.с. «Совр. Мир» 1908, V, 52.

⁶ [3.] Н.Г. Чернышевский «Р. Архив» 1890, IV, 554.]. Н.И. Костомаров смотрит на Чернышевского как на замечательно хорошего и умного человека

⁷ [4.] Автобиография «Р. Мысль» 1885, VI; Духовников о.с. 541.

⁸ [1.] *Чернов* Семья Чернышевских. 10.

⁹ [2.] О значении семинарского образования «Сарат. Еп. Вед.» 1890, № 15. Ляцкий о.с. V, 53. *Малышенко* Н.Г. Чернышевский «Р. Мысль», 1906, IV, 149. Юдин Н.Г. Чернышевский «Ист. Вестн.» 1905 XII, 868. Лебедев К биографии Н.Г. Чернышевского *ibid.* 1909, XII, 1000; ошибочно сказано, что в рукописи Боговидова есть отзыв о Г.И. Его же матер. для истории сарат. епархии. III, 69.

¹⁰ [3] *Ветринский* о.с. «В. Евр.». 1908, VII, 11.

¹¹ [4] *Палимпсестов* о.с. «Р. Арх.» 1890, IV, 555. Однажды саратовский епископ Иаков сказал протоиерею М. Миртовскому: «Амвросий Медиоланский назвал Цицерона смердящим псом за одно то, Цицерон допустил такое выражение: «Если иудейский народ считается народом презренным, то и Бог их достоин презрения». Откуда бы узнать, где отыскать это место у Цицерона?» Тот ответил: «В семинарии нет; только у Г.И. можно найти всех классиков». И действительно: нужная книга у него оказалась. Лебедев Н.Г. Чернышевский наброски 54.

¹² [1] *Духовников* о.с. «Р. Стар», 1890, IX, 543–44. Пыпин Мои заметки «Вестн. Евр.», 1905, II, 471. *Малышенко* Н.Г. Чернышевский «Р. Мысль» 1906, IV, 149, 152.

¹³ [2] *Лебедев* Н.Г. Чернышевский 54.

¹⁴ [3] *Ветринский* о.с. 12.

¹⁵ [4] *Палимпсестов* о.с. 554–55. Ляцкий о.с. 53.

¹⁶ [5] *Ляцкий* о.с. 53. *Малышенко* о.с. 149–50.

¹⁷ [2] *Соколов* Саратовское духовное училище. РКП. лл. 381, 397 об. О служебной карьере Чернышевского – Чернов. Семья Чернышевских 2, 11–12.

¹⁸ [3] *Чернов*. о.с. 11.

¹⁹ [4] *Юдин* о.с. «Ист. Вестн.» 1905, с 11, 869. *Ляцкий* о.с. 54–52.

²⁰ [5] *Лебедев* Н. Г. Чернышевский. «Р. Старина» 1912, I, 90.

²¹ [6] *Чернов* о.с. 11. Его же примеч. к Автобиографии Н.Г. Чернышевского (Чернышевский Лит. наследие I, 708.

²² [7] *Юдин* о.с. 869.

²³ [8] *Чернов* о.с. 11.

²⁴ [9] *Палимпсестов* о.с. «Р. Арх. 1890, ... 554.

²⁵ [10] *Пыпин* о.с. «Вестн. Евр.» 1905, II, 479. *Ветринский* о.с. *ibid* 1908 VII, 16.

²⁶ [1] Воспоминания б. альтя-солиста. Биографич. матер. I, 15. Его же Беседа на день св. ап. Андрея 4–6.

²⁷ [2] *Ветринский* о.с. 13.

²⁸ [3] *Палимпсестов* о.с. 556.

²⁹ [4] *Духовников* о.с. 540–43. *Малышенко* о.с. 149.

³⁰ [5] *Духовников* о.с. 543. Никанор архиеп. Беседа на день св. ап. Андрея. 4–5.

³¹ [6] *Хованский* Очерки по истории г. Саратова I, 56. Ляцкий о.с. 68. Чернышевский. Из автобиографии. Лит. наследие I, 137.

³² [7] *Юдин* о.с. 875. Никанор о.с. 4.

³³ [8] *Жгут*, РКП. Н.Г. Чернышевского в саратовском музее им. Чернышевского. Чернышевский. Из Автобиографии Лит. наследие I, 183.

³⁴ [1] *Ветринский* о.с. II, 26.

³⁵ [2] *Духовников* о.с. 562. *Малышенко* о.с. IV, 158. *Ляцкий* о.с. 44. *Лебедев* о.с. «Р. Стар.» 1912, I. до прмч. Вследствие уменьшения доходов Чернышевского (к тому же в Сергиевской церкви, где служил тогда Г.И., перестал петь хор помещика Угрюмова, привлекавший публику) сын Чернышевского, Николай,

студент, попросил петербургский университет о стипендии; начальство последнего потребовало из саратовской консистории удостоверение, что у Г.И-ча действительно нет средств для содержания сына. Еп. Иаков, не спросив отца Чернышевского, написал ответ в неблагоприятном смысле. После, путем расспросов, архиерей убедился, что средства Чернышевского незначительны (Духовников о.с. 563–64). П.И. Мельников (Матер. для истории хлыстовск. и скопск. ересей. «Чт. в и. общ. Ист. Древн. Росс.» 1843, I, отд. 4, 147) считает, вопреки всем свидетельствам современников Г.И. Чернышевского человеком хитрым, чрезвычайно честолюбивым, хотя и умным; он будто бы нажил большое состояние, но доверием Иакова не пользовался. На самом же деле пробыв десятки лет членом консистории и целую четверть века городским благочинным, Г. И-ч не нажил никакого состояния, хотя жил очень скромно. Н.С. Соколов (Раскол 340) думает, что Г.И. нажил «плохонький «домишко», но 1) «домишко» – хорошенький, а не плохонький, 2) его Чернышевский не наживал, а получил в приданое за женой (Духовников бумаги о Н.Г. Чернышевском – у М.В. Шмелевой. Лебедев. Н.Г. Чернышевский «Р. Стар.» 1912, I, 90. Г.И. Чернышевский как идеальный пастырь «Прих. Свящ.» 1912, № 6) Точно также не заслуживает мысль Мельникова, что саратовские скопцы исповедовались у Чернышевского и платя за это десятки рублей, пользовались его покровительством (О.с. «Утопия» (?) 1873, I, 152.

³⁶ [1] О.с. «Вест. Евр.» 1908, VII, 12. Также и Духовников о.с. 543.

³⁷ [2] Чернов Семья Чернышевских 11–12. Его же примеч. к Автобиографии Н.Г. Чер-ского (Лит. насл. I, 109).

³⁸ [1] Соловьев. Сведения о скопцах 21: Мельников Мат. для истории хлыстовск. и скопчesk. ересей. Чт. ИОИДР», 1873, I, 147.

³⁹ [1] В другом месте я высказывал недоверие к сообщению Мельникова о доносе (К биографии Н.Г. Чернышевского. «Исторический Вестн.», 1909, CXVIII, 1000; Материалы для истории раскола в Поволжье 21). Отрицает донос и Н. Соколов (Раскол в Саратовском крае 339–40). Многолетние занятия по Чернышевскому заставили меня признать правильность сообщения Мельникова.

⁴⁰ [1] «Чт. ИОИДР». 1873, I. 147.

⁴¹ [1] Чернов. Семья Чернышевских. 11–14, 23–26. Его же прим. к Автобиографии Н.Г. Чернышевского (Чернышевский. Лит. наследие, I, 709–10, 720).

⁴² [2] О самосожигательстве раскольников. «Правосл. Собеседник», 1861, I.

⁴³ [3] Копенские происшествия. Христ. Чтен., 1896, II.

⁴⁴ [1] Лебедев. Н.Г. Чернышевский 3, прим.

⁴⁵ [2] Автобиография христианина из евреев. Домашн. беседа, 1862, №№ 22–23, 25–26. Обращение иудейского законника. Н.-Новгород. 1882.

⁴⁶ [1] Архив Саратовской консистории, 1833, № 48, лл. 12–17.

⁴⁷ [1] Глава IV нашей работы «Архиепископ Иаков».

⁴⁸ [2] Глава VII той же работы.

В. А. Дьяконов

ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО САРАТОВА ЭПОХИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Почин открытия в Саратове публичных театральных представлений принадлежит А.Д. Панчулидзеву. Стремясь сблизиться с местной знатью, он

сформировал из своих крепостных театральную труппу и оркестр, стал устраивать в городе и на даче любительские представления. В 1810 году А.Д. Панчулидзево соорудил на Хлебной площади собственный театр, давший ей впоследствии наименование Театральной. Этот «храм искусств» в том виде, как он был построен, просуществовал более полсотни лет¹.

В панчулидзево театре саратовцы восхищались знаменитыми фонвизинскими «Недорослем» и «Бригадиром», узнавали реальных чиновников в образах «Ябеды» В. Капниста, негодовали и смеялись над персонажами комедий И. Соколова, А. Шаховского, П. Плавильщикова, В. Левшина, Н. Хмельницкого. Саратовские зрители 10–20-х годов знакомились и с творчеством известных драматургов Запада В. Шекспира, Ж.-Б. Мольера, Ф. Шиллера, Ж. Расина. В эти годы на подмостки провинциальной сцены проникали переводные мелодрамы и водевили. И по-прежнему любимы были саратовским зрителем комические оперы «Русалка», «Мельник, колдун, обманщик и сват», «Анюта», «Бочар», «Санкт-Петербургский гостинный двор»².

Начиная с 20-х годов позапрошлого столетия на саратовской сцене, сменяя друг друга, выступают театральные труппы различных антрепренеров. Состав этих трупп постоянно менялся, и лишь некоторые артисты, постановщики и администраторы работали здесь на протяжении ряда лет. В начале 1829 года «Северная пчела» сообщала, что «в Саратове играют один раз или дважды в неделю оперы и комедии под дирекциею Алексея Колесникова. Репертуар театра строился в расчете на хорошие кассовые сборы и был преимущественно развлекательный. Из воспоминаний старожилов явствует, что 20–30-е годы XIX столетия были «золотым» веком саратовского веселья»³.

Н.Г. Чернышевскому, получившему разностороннее домашнее образование, не чуждо было театральное и музыкальное искусство. Из его биографии и дневников мы можем выявить некоторые предпочтения юности: «Я чувствую, что по натуре старовер. Где возможно сомнение, я за старое, потому, что я люблю его: родное мне, милое мне – оно, а не новое. Я очень давно не слышал гуслей, но гусли мне милы, а фортепяно я не люблю. Я не люблю нового. Но, что же мне делать?»⁴. Из этого признания следует, что с раннего детства Н. Чернышевский воспитывался в духе почтения к старине, к традиционной национальной народной культуре, и не часто посещал новомодные постановки и концерты.

Между тем, Саратов уже с середины XIX столетия признавался развитым культурным центром Поволжья и всей провинциальной России. Здесь имелись гимназии, библиотеки, музыкальные классы, общедоступный театр, дворянское собрание. В начале 40-х годов, укрепив труппу разноплановыми актерами, антрепренер Е.Ф. Стрелков постарался привести их к согласию и сообразности. Режиссируя спектакли, он добивался сыгранности всего состава, правдоподобия сценической обстановки. И уже вскоре досужий критик вынужден был признать, «что с некоторого времени

начали разыгрываться здесь довольно значительные пьесы. Этот успех произошел от недавнего появления на здешней сцене новых артистов»⁵.

В Саратовском театре идут самые современные произведения. Из Москвы и Нижнего Новгорода доставляются сюда партитуры только что созданных опер, оперетт, водевилей, тексты драм и комедий, которые немедленно ставятся театром. Среди последних постановок называются «Станислав» – водевиль Э. Скриба, «Карета, или По платью встречаются, по уму провожают» – комедия Л.-Б. Пикара и Э.Мазера в переводе Ф. Кони, «Хороша, и дурна, и глупа, и умна» – (водевиль Д. Ленского, «Студент, артист, хорист и аферист» – шуточная оперетта на текст Л. Шнейдера, «Жених нарасхват» – комическая опера Ш.-С. Фавра в переложке Д. Ленского. Все они были поставлены довольно удачно и доставляли удовольствие публике. Правда, рецензент тут же замечает, что драмы и трагедии, хоть и привлекают массового зрителя в театр, но разыгрываются здесь далеко не лучшим образом. Тем не менее, опытный содержатель театра убежден, что афиша должна быть разнообразной и полнокровной – только тогда она обеспечит успех. Поэтому наряду с водевилями «Лев Гурыч Синичкин» и «Простушка и воспитанная» Д. Ленского, оперой «Наталка-Полтавка» И. Котляревского в начале 40-х годов на саратовской сцене ставятся трагедия «Граф Эсекс» В. Полевого и романтическая драма «Разбойники» Ф. Шиллера, предпринимаются попытки к освоению величайшего творения В. Шекспира «Гамлет, принц Датский»⁶.

Вслед за столичными сценами Саратовский театр одним из первых в провинции осуществил постановку непревзойденного гоголевского «Ревизора». Этот спектакль, поставленный в октябре 1840 года, вызвал бурную и самую разноречивую реакцию в различных кругах провинциального общества. Изображенные Н.В. Гоголем характеры и коллизии были так сродни обитателям здешних мест, что среди российской интеллигенции долго бытовала версия, будто действие «Ревизора» происходило не иначе как в уездном городке Петровске Саратовской губернии. Постановка «Ревизора» на саратовской сцене, несомненно, явилась примечательным событием в общественной жизни губернии. Она вызвала одобрение и поддержку демократической публики и недовольство со стороны власть имущих. Местная пресса отметила умолчанием эту постановку, и лишь незначительные сведения просочились о ней в «Репертуар русского театра».

Отмечая заслуги Стрелкова в руководстве театром, в следующие сезоны один из местных театралов упоминал, что «в его время поставлено на сцену много пьес довольно значительных, в том числе оперы «Водовоз», «Цампа», «Аскольдова могила» и «Роберт», ставшие заметным явлением в культурной жизни губернии. Высоко оценивая игру и пение многих актеров, костюмы и обстановку оперных спектаклей, рецензент отмечал с некоторыми замечаниями и исполнение оркестра под руководством капельмейстера Новикова. Лестно отзывался критик и о здешнем зрителе, который не

довольствуется площадным трюкачеством, а находит «удовольствие в искусстве изящном, искусстве, способствующем народному образованию», и именно таким облагораживающим, просвещающим искусством привлекал своих посетителей, по мнению очевидца, здешний театр⁷. «Зато и саратовская публика, – подмечал он, – умеет быть признательною: театр почти всегда полон, и наша саратовская аристократия, и коммерческая промышленность, и должностные лица – все спешат в театр, иные для того, чтобы посмотреть действительно на довольно интересную игру некоторых актеров, другие находят здесь удовольствие от встречи со знакомыми; одним словом, театр соединяет в себе эти выгоды, сделался для многих почти необходимым»⁸.

Следующий антрепренер Н.И. Залесский взял курс на театр развлекательный, рассчитанный на беззаботную, обеспеченную публику и, естественно, на ее финансовую поддержку. Этим целям отвечал и репертуар, состоявший в основном из водевилей, «плаксивых драм» и «облегченных комедий». В театре ставятся «Купленное дитя, или Мать-преступница», переделка с французского С. Соловьева, «Велизарий» Э. Шенка, «Эсмеральда, или Четыре рода любви» по роману В. Гюго «Собор Парижской богородицы» и «Параща-Сибирячка» Н. Полевого. Эти переводные и отечественные драмы с захватывающими сюжетами, страстями и заведомо счастливым концом сразу привлекли немалую часть досужей публики. Под стать им были незамысловатые водевили и комедии «Стряпчий под столом» М. Теолона и А. Шокара, «Кетли, или Возвращение в Швейцарию» Ф.-А. Дювера, «Зятюшка» Ж.-Ф.-А. Баяра, «Комедия с дядюшкой, или Новые портретные натурь» П.А. Григорьева. Однако эти довольно однообразные постановки вскоре приелись и, как признается искусственный саратовский театрал, «набили всем оскомину»⁹.

Публика просвещенная, считавшая театр «школой народной образованности», не хотела мириться с однообразным развлекательным репертуаром. Она требовала постановки современных «значительных» произведений, рассчитанных на широкую народную аудиторию, а не на коммерческий успех. Подобные замечания и призывы не могли оставаться безответными, и Залесский старался как-то устранить пробелы в репертуаре. Уже к середине 40-х годов он возобновляет постановку опер «Цампа, морской разбойник» Л.-Ж. Герольда и «Аскольдову могилу» А.Н. Верстовского. В то же время, в конце 40-х годов, на саратовской сцене ставятся опера «Илья-богатырь» К.А. Кавоса на текст И.А. Крылова, волшебное представление с хорами, пением, балетом и сражением и волшеббно-комическую оперу «Русалка» на музыку Ф. Кауэра, С.И. Давыдова и К.А. Кавоса¹⁰.

Оперная музыка звучала в то время и в концертном исполнении. Скрипач А.А. Мальков, сын капельмейстера-крепостного панчулидзевского оркестра, после обучения в Петербургской придворной певческой капелле дал свой первый концерт в Саратове в 1847 году и после этого возглавил

местный оркестр профессионалов и любителей. На одном из его концертов 8 января 1853 года в зале Дворянского собрания присутствовали Н.Г. Чернышевский и Н.И. Костомаров. «В собрании был назначен концерт любителей. Играли увертюру из «Фрейшица», и «Вильгельма Телля», — записал на следующий день в дневнике Николай Гаврилович. — Для последней решился я быть там... «Вильгельм Телль» приводит меня в восторженное состояние, и когда мы после поехали к Николаю Ивановичу и говорили за шахматами о нем, у меня выступали слезы от волнения. И я чувствовал и во время музыки, и после, что в случае и я оставлю свою вялость, нерешительность».¹¹ Из этого откровения Н.Г. Чернышевского явствует, какое огромное влияние оказывали на него музыка, искусство. А случай, который он имел в виду, как видно, вскоре представился.

Саратовское театральное движение второй половины XIX столетия, как в маленьком зеркальном осколке, отразило историю русского театра, динамично развивающегося под воздействием бурных событий общественно-политической и культурной жизни России. В нем нашла свое выражение борьба передовых демократических сил с крепостнической идеологией и реакцией, горечь поражений в Крымской войне и крестьянских восстаниях, становление и развитие национальной драматургии, новых средств сценической выразительности.

Решающее воздействие на художественную культуру второй половины XIX века оказали Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, В.Г. Белинский. Развивая материалистическую эстетику, борясь за народность и реализм русского искусства, они старались подчинить его задачам революционного преобразования действительности. Борясь за подлинное народное искусство, Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов решительно выступали против бездарных драматических поделок, против консерватизма и рутины, царивших на сценах, указывали на причины упадка театрального искусства. Вместе с тем они блестяще анализировали лучшие произведения русской драматургии, определяли основные положения реалистической драмы. Лишь те виды искусства достигают совершенства в своем развитии, указывал Н.Г. Чернышевский, которые находятся «под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи»¹².

Настоятельная потребность сближения сценического искусства с жизнью, освоение реальных конфликтов народного языка и безыскусной формы способствовали созданию в 50–60-х годах новой драматургии. Она появилась вместе с именами таких прогрессивных писателей России, как Салтыков-Щедрин, Сухово-Кобылин, Писемский, Тургенев, Островский, и сразу завоевала большую популярность в широких слоях населения. Новый репертуар выдвинул на авансцену и новых актеров. Ведущее положение на подмостках провинциальных театров занимают Л. Никулина-Косицкая, А. Колосова, А. Максимов, В. Самойлов, Н. Рыбаков, Н. Милославский, П. Медведев, А. Стрелкова, М. Пиунова-Шмитгоф и другие артисты, совсем

недавно значившиеся в «молодых» и на вторых ролях. Так, к середине 60-х годов, по меткому замечанию А.И. Герцена, «декорации, актеры и сама пьеса еще раз переменились».

Значительные перемены происходят и в саратовском театральном движении. Население города увеличилось до 190 тысяч человек. И единственный старенький театр уже не мог удовлетворять интересы всех страждущих зрелищ. Театральные представления и концерты устраиваются в летнем саду, в зале дворянского собрания, в гостинице с привлечением профессиональных и любительских сил. На них звучало в то время много оперной музыки: увертюра В.А. Моцарта к «Свадьбе Фигаро», вступление к опере «Травиата» Верди, сцены и арии из опер Доницетти, Россини и других композиторов. В 1875 году известный провинциальный артист, антрепренер и театральный деятель П.М. Медведев соберет и привезет в Саратов первую русскую оперную труппу и покажет полноценные оперные спектакли отечественной и зарубежной классики в исполнении профессионалов.

Воспитанный на лучших образцах национального творчества, Н. Чернышевский писал позже в своем дневнике: «Стал и я, наконец, бродить в итальянскую оперу; первую зиму, когда я начал бывать в театрах, я очень часто бывал в опере – пристрастился к ней; но все скучал – кроме немногих соло и хоров, все остальное во всякой опере казалось мне пустым набором звуков, и я с тоскою выносил эти долгие интервалы бессмыслицы между немногими отрывками, которые вознаграждали за скуку ожидания их. И вот, однажды,.. прихожу – «Гугеноты» (опера Дж. Мейербергера – В.Д.); это было все или почти все по мне: что ж это? я понял через несколько времени: это те же мотивы, которые я слышал в «Волною морскою», «Светися, светися», «Помощник и покровитель» – это те же простые мотивы, которые я слышал в детстве»¹³.

Артисты и режиссеры провинциального театра С.И. Степанов, А.О. Бантышев, Е.И. Климовский, П.М. Медведев, глубоко убежденные в его воспитательно-просветительном предназначении, постоянно боролись за репертуар, отвечающий запросам передового демократического зрителя. Уже в конце 50-х годов, как отмечал П. М. Медведев, на саратовской сцене «пошли новые современные пьесы наших и иностранных драматургов, старый репертуар – нелепые мелодрамы – был забыт»¹⁴. Несмотря на запреты драматической цензуры, здесь, в провинции, неоднократно ставятся «Разбойники» и «Вильгельм Телль Шиллера, «Гамлет» и «Король Лир» Шекспира, «Тартюф» Мольера, «Эсмеральда, или Четыре рода любви» по роману Гюго.

Важное место в репертуаре отводилось русской исторической драматургии, пьесам, поднимавшим острые социальные проблемы борьбы против произвола и насилия, бедности, угнетения, карьеризма и взяточничества, неправомерного положения женщин. Большой интерес зрителя вызывали спектакли, поставленные по пьесам «Смерть или честь»

Н. Полевого, «Горькая судьбина» А. Писемского, «Отец семейства» и «Не в деньгах счастье» И. Чернышева, «Житейская школа» П. Григорьева. Вновь возвращаются на саратовскую сцену «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина. Предпринимаются попытки поставить и запрещенную цензурой комедию А. Грибоедова «Горе от ума». В межсезонье, летом 1858 года, актер П. Медведев и режиссер А. Бантышев репетируют сцену Чацкого с Молчалиным из третьего действия комедии. Однако ни в этот, ни в следующий сезон саратовцам не суждено было увидеть «Горе от ума» на своей сцене, ибо просьба администрации театра на постановку ее осталась безответной. Лишь спустя два сезона, после 30-летнего запрета, благодаря настоятельным требованиям передовой театральной общественности комедия Грибоедова «Горе от ума» была разрешена к публичному исполнению, а 23 августа 1864 года в бенефис П.М. Медведева поставлена в Саратовском театре.

Саратовский театр процветал. На его подмостках выступали даровитые провинциальные артисты и знаменитые столичные гастролеры, ставились разнообразные спектакли из отечественного и зарубежного репертуара. Наблюдался значительный приток в театр демократического зрителя. Среди заядлых саратовских театралов начала 60-х годов П.М. Медведев называет учителей гимназии, фотографа, медика, шумную городскую молодежь. А в числе посетителей театрального райка упоминаются горничные, торговцы, кочегар с парохода и мужичок. Театр, завоевывавший симпатии широких слоев населения, становится центром культурной жизни провинции, действенным средством просвещения и эстетического преобразования действительности.

В Саратове, признанном культурном центре Поволжья, в 70-е годы действуют уже четыре театра: два зимних и два летних, рассчитанных на различные вкусы публики. В зимнем городском, сменяя друг друга, выступали многочисленные драматические труппы провинциальных антрепренеров. В небольшом деревянном театре загородного сада Шехтеля гастролеровали летом именитые артисты и заезжие товарищества из культурных центров России.

В 1872 году в городе открывается другой летний театр – Барыкинский, устроенный при гостинице владельца Барыкина на самом берегу Волги... Здесь, выступали два хора: цыганский и русский народный хор И. Молчанова. Многие русские народные мелодии и песни, исполняемые хором И. Молчанова, потом долго бытовали среди местного населения.

В 1874 году в Саратове был основан четвертый театр, помещавшийся в доме купца М. Корнеева на Немецкой улице (ныне проспект имени Кирова). Это был театр-буфф, состоявший из трех различных трупп: французской – оперетной и буффонадной, русской – оперетной и водевильной, и третьей – балетной. Симфонический оркестр, состоящий из 19 человек.

Отношение к театру-буфф в Саратове было далеко не однозначным.

Наряду с одобрительным восхвалением раздавались сердитые, недовольные голоса по адресу новорожденного. В 205-м номере «Саратовского справочного листка» озабоченный хроникер замечал, что «учреждение в Саратове театра-буфф на манер столичных городов – с французскими оперетками, шансонетками и т.п. – является по меньшей мере несвоевременным и неуместным».

В 1888 году в центре города, близ сада Липки, в районе теперешней областной филармонии, помещиком Очкиным был выстроен театр, получивший наименование по фамилии владельца. Театр был небольшой и не очень удобный, тесный, но привлекавший своей новизной и хорошим расположением. Открыт он был 14 января спектаклем Н.В. Гоголя «Ревизор» в исполнении драматической труппы Г. Коврова. Ставились в основном комедии, водевили и дивертисменты с лилипутами и фокусами. Народные гулянья, концерты и представления малочисленных гастрольных коллективов проводились в 80-е годы в городском саду Липки, в парке Вакурова, Приволжском вокзале и коммерческом клубе.

На волне общественно-политического подъема к началу 90-х годов позапрошлого века оживляется деятельность различных обществ и организаций. Интеллигенция Саратова, объединенная в «Общество изящных искусств», выдвигает идею создания общедоступного театра. Активисты этого общества братья Святослав и Виктор Марковские, известная актриса Е.П. Шебуева, А.Ф. Александров, Д.Г. Финогеев и другие сняли на масленицу помещение недавно открытого театра Очкина для показа в нем драматических спектаклей широкому зрителю. С.А. Марковский составил труппу в основном из любителей и нескольких местных профессиональных актеров, под руководством Е.П. Шебуевой и режиссера И.Д. Михайлова подготовил постановку и выпустил билеты по цене от 5 копеек до полутора рублей. Первой общедоступной премьерой 1890 года стал спектакль по пьесе А.Н. Островского «Василиса Мелентьева». Почин превзошел все ожидания. Спектакль пользовался завидным успехом, прошел семь раз при полных аншлагах и по многочисленным просьбам был показан еще четырнадцать раз. Таким образом, любителями положено основание единственному в провинции общедоступному театру, т. е. той именно форме театра, в которой нуждается все более и более развивающаяся масса публики».

Народный театр открылся 1 мая 1897 года и сразу приобрел огромную популярность. Как подмечали присяжные наблюдатели, «народ валом валит в «народку»... Спектакли давались три-четыре раза в неделю, а на праздники по два ежедневно». Были поставлены «Гроза», «Шутники», «Женитьба Белугина», «Не так живи, как хочется» Островского, «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя. Труппа пополняется профессиональными актерами и целым рядом любителей, пожелавших работать на благородном поприще. В первый же сезон на благо народного театра бесплатно трудилось до 120 работников¹⁵.

Примечания

- ¹ Юрьев В. К столетию Саратовского театра. Саратовский дневник № 22 от 22 октября. 1903 г.
- ² А.Л. Об увеселениях в Саратове. Дамский журнал. 1832, № 21, С. 119.
- ³ Северная пчела. № 23, 21 февраля 1829.
- ⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 1. М., 1939. С. 409.
- ⁵ Репертуар русского театра на 1841 г., кн. 1, с. 78.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 409.
- ⁸ Репертуар русского театра. 1841, Т. 5, С. 39
- ⁹ Репертуар и пантеон. 1845, Т.12. С. 109–110.
- ¹⁰ Там же, С. 110–111.
- ¹¹ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 151
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, С. 409.
- ¹⁴ Медведев П.М. 60 лет на сценических подмостках. 1905, кн. XI–XII. С.40.
- ¹⁵ Саратовский листок, 1897, 9 декабря.

Я. Б. Руднева

М. А. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ: ИЗ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ «ЭМАНСИПЕ»

В России во второй половине XIX в. образ «эмансипе»¹ отождествлялся с женщинами, которые пытались добиться равных с мужчинами возможностей и личной независимости. «Эмансипе» публично заявили о себе в конце 1850-х гг., претендуя на определенное место в обществе, добиваясь права на высшее образование, выполняя нетрадиционные для женского пола профессиональные задачи. Одним из первых в русской литературе к проблеме женской эмансипации обратился Н.Г. Чернышевский.

Социальный опыт «новых» женщин, названных впоследствии «шестидесятницами», не случайно стал предметом писательской рефлексии Н.Г. Чернышевского. Он являлся свидетелем зарождения нового для патриархальной России типа женской личности, отказавшейся от традиционных семейных ценностей во имя активной общественной деятельности. В окружении писателя было немало современниц, которые занимались наукой, добивались личного успеха в профессии и были готовы к экспериментам в семейно-брачных отношениях.

В частности, одним из прототипов Веры Павловны Лопуховой – главной героини романа «Что делать?» – стала Бокова (Обручева) Мария Александровна (1839–1929). Дочь тверского помещика, генерала А.А. Обручева и младшая сестра сподвижника Чернышевского В.А. Обручева, Мария Александровна приехала в Петербург в 1860 г. получать образование и, чтобы избавиться от родительской опеки, фиктивно

вышла замуж. С группой единомышленниц она начала посещать лекции в Петербургском университете, а затем в Медико-хирургической академии. После выхода в 1863 г. нового университетского устава, закрывшего женщинам доступ в российские высшие учебные заведения, М.А. Бокова эмигрировала за границу, получила диплом на степень доктора медицины, хирургии и акушерства в Цюрихском университете (1871 г.) и впоследствии добилась права врачебной практики у себя на родине².

Связь главных героев романа «Что делать?» с реальными прототипами определила его успех у читающей публики, прежде всего, у женщин, стремившихся, как и Вера Павловна, вырваться «на свободу из душного плена домашних стен»³. Узнав о возможности существования семейного союза, в котором за женщиной признается право на свободу выбора в личной и общественной жизни, читательницы романа «уверовали» в свое высокое предназначение в семье и обществе⁴. Кроме того, пример главной героини оказался «заразительным» с точки зрения его практического воплощения: в среде прогрессивной женской молодежи фиктивный брак стал использоваться как наиболее простой и доступный способ высвобождения из-под власти родителей, а производственные артели, как конкретное дело, направленное на служение общественному благу⁵.

В 1870-е гг. «пробуждение» женской личности, которого добивались писатели-демократы Н. Чернышевский, М. Михайлов, В. Слепцов, Д. Писарев, обрело реальную почву. В поисках ответа на вопрос, «в чем смысл женской жизни?»⁶, сотни недавних институток и гимназисток устремились на первые высшие женские курсы, открывшиеся в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Казани. С высшим образованием связывались надежды на саморазвитие и просвещение, на независимое существование, наконец, на достойное исполнение роли «матери и воспитательницы»⁷.

«Провинциальный элемент» среди слушательниц стал преобладать уже в первые годы деятельности курсов. Как девушкам, образование которых нередко ограничивалось домашним воспитанием, удалось вырваться из «сонного, жестокого ко всем, кто не за одно с ним»⁸ провинциального общества? У них, в отличие от жительниц крупных университетских городов, возможности для полноценного самообразования были ограничены: современная публицистика и научно-популярная литература доходила до провинции с большим опозданием и не в полном объеме, а публичные лекции являлись исключительным событием. Для многих знакомство с передовыми идеями своего времени начиналось с романа «Что делать?», который, спустя десятилетие, не утратил своей злободневности, продолжая волновать умы юных читательниц.

Писательница В.И. Дмитриева (1859–1948), родившаяся в семье крепостного крестьянина Саратовской губернии, так описала собственное «открытие» романа Н.Г. Чернышевского: «Скрываясь от всех на чердаке, я неожиданно наткнулась на ящик с книгами и там, среди всякого хлама, изъеденного мышами, между тяжеловесными томами «Истории Петра

Великого», нашла несколько растрепанных книжек «Современника», где было напечатано «Что делать» Чернышевского. Отряхнула пыль и мышинные объедки, присела на корточки и начала читать. Заинтересовало заглавие, а потом вникла и в самую суть. И чем дальше, тем глубже, и такая передо мной развернулась ширь, такой ослепительный свет засиял в потемках моей расстроенной души, что я чуть не кубарем скатилась с чердака, побежала на огород и принялась там галопировать, как дикая лошадь. Вот где люди! Вот где жизнь! Вот что надо делать!»⁹. По признанию В.И. Дмитриевой, «эта удивительная книга» излечила ее от тоски, став «новым источником жизни»¹⁰.

Судьбу одной из провинциальных «эмансипе» определило не только знакомство с произведениями Н.Г. Чернышевского, но и непосредственное общение с его семьей. В.Г. Короленко, навестивший смертельно больного писателя в Саратове летом 1889 г., в своих воспоминаниях «Отошедшие» упоминает девушку, представленную ему в качестве племянницы Николая Гавриловича: «В квартире Чернышевского, во второе мое свидание с ним, я встретил, кроме его жены и секретаря, еще молодую девушку, племянницу Чернышевского, знакомую моему брату. Она очень сердилась на последнего за то, что он не ответил на ее письмо, и часто возвращалась к этому вопросу»¹¹. Н.Г. Чернышевский, проявив «тонкое понимание чужого настроения», отвлек девушку остроумным рассказом, а после ее ухода заметил В.Г. Короленко: «Если передадите брату ее слова, скажите, пусть не сердится. Видите, она девушка хорошая, честная, сирота. Жизнь вся прошла серо, сестер и братьев выводила в люди, сама не видела ничего, никакой радости. Ну, а в тот год, когда встретила с вашим братом – свалила с себя главное-то бремя, поехала по Волге, стала жить на свой счет. Все это – понимаете, и радостно ей, и кажется значительно очень. Свобода, встреча с хорошими интеллигентными людьми после глухого угла. Вот она и не может себе представить, что эта случайная встреча важна и значительна только для нее одной, а не для других, и вот почему ее так волнует неполучение ответа от случайно встреченного ей человека»¹².

Речь идет об однофамилице Н.Г. Чернышевского – Марии Александровне Чернышевской (1862–1942). В 1881 г., после окончания Казанских высших женских курсов, она начала служить учительницей и стала «жить на свой счет». Встреча М.А. Чернышевской с И.Г. Короленко, упомянутая Н.Г. Чернышевским, могла произойти между 1884 и 1888 гг. Именно в этот период И.Г. Короленко, подозревавшийся в революционной деятельности, был переведен под негласный надзор полиции из Вятской губернии в Нижегородскую. По инициативе Марии Александровны между молодыми людьми завязалась переписка. Характерно, что мировоззрение М.А. Чернышевской являлось во многом типичным для провинциальных девушек, добивавшихся в 1870–80-е гг. независимого существования: увлечение передовыми идеями своего времени, стремление к всестороннему образованию, интерес к людям, разделявшим радикальные взгляды.

Своей фамилией Мария Александровна и ее многочисленное семейство были обязаны отцу Николаю Гавриловича – Гавриилу Ивановичу Чернышевскому. В Саратовской епархии в 1830–50-е гг. протоиерей Нерукотворенно-Спасской (Сергиевской) церкви Г.И. Чернышевский был хорошо известен как деятельный просветитель с «выдающимися умственными дарованиями» и педагогическими способностями¹³.

В 1844 г. Гавриил Иванович был командирован в Вольск «для дознания причины остановки крещения кантонистов-евреев, узнания на месте и самом деле и для показания способов более сильных к убеждению их»¹⁴. Батальоны кантонистов в течение первой половины XIX в. комплектовались из детей инородцев, взятых на военную службу. Обязательным условием для кантонистов являлось принятие православной веры. В ходе дознания выяснилось, что конфликт был спровоцирован местными священниками, которые, в духе проводимой правительством Николая I политики насильственной ассимиляции, «действовали угрозами и насильно принуждали еврейских мальчиков креститься»¹⁵.

Гавриил Иванович, отличавшийся «истинно дружеским и неподдельно добрым расположением ко всем и каждому, особенно к детям», осуждал любое насилие над личностью ребенка¹⁶. Отрицательно он относился, несмотря на официальную политику, и к насильственным методам в миссионерской деятельности, предпочитая «увещивания и разъяснения»¹⁷. «Добрым словом» Г.И. Чернышевскому удалось убедить сразу 15 еврейских подростков в необходимости принятия крещения¹⁸. Одним из первых выразил добровольное согласие десятилетний мальчик, которому Гавриил Иванович дал имя Александр и собственную фамилию и отчество.

В дальнейшем Александр Гаврилович Чернышевский (1833–1888)¹⁹ не утратил связи со своим воспитателем, часто навещая «крестного папеньку» в Саратове. После ликвидации (в ходе военных реформ Александра II) системы комплектования кантонистов А.Г. Чернышевский окончательно обосновался в Вольске, стал преподавателем народного училища и обзавелся семьей. Со слов М.А. Чернышевской, ее мать – Евдокия (Авдотья) Ивановна Козлова (184?–1916)²⁰ – была дочерью преподавателя чистописания и рисования Симбирской гимназии²¹.

В многодетной семье Чернышевских Мария была старшей дочерью²². Жалование А.Г. Чернышевского было весьма скромным, вероятно, семья постоянно нуждалась в средствах. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Марии, если бы не вмешательство жены Н.Г. Чернышевского Ольги Сократовны, взявшей опеку над девочкой. По свидетельству Марии Александровны, Ольга Сократовна «очень уважала» крестника Г.И. Чернышевского, относилась к его семье «как к родным» и всегда навещала, бывая у своей матери и сестры в Вольске²³. О непосредственном участии О.С. Чернышевской в делах этой семьи говорит тот факт, что она стала крестной матерью Константина – сына Александра Гавриловича.

«Моему отцу хотелось определить меня учиться в Саратовскую гимназию (в Вольске тогда женской гимназии еще не было), – вспоминала М.А. Чернышевская, – но он не имел средств поместить меня в Саратове на хлеба в какую-нибудь семью, и когда О.С. (Ольга Сократовна – Я.Р.) узнала об этом и услышала от меня, что я очень хочу учиться, то предложила моему отцу взять меня к себе, если я выдержу приемные экзамены в Саратовской гимназии»²⁴. Подготовившись под руководством отца, Мария в 1874 г. выдержала вступительные испытания в IV класс Мариинской женской гимназии и поселилась на квартире О.С. Чернышевской.

Воспоминания современников об Ольге Сократовне Чернышевской (1833–1918) достаточно противоречивы. С одной стороны, «вырисовывается малопривлекательный для стороннего наблюдателя образ эмансипированной женщины»: развязной и легкомысленной, окруженной поклонниками и обожателями, склонной к роскошной жизни»²⁵. С другой, О.С. Чернышевская характеризуется как личность, притягивавшая к себе людей «природным умом, живостью характера, находчивостью в разговоре»²⁶. Как известно, сам Н.Г. Чернышевский, сознательно отказавшийся от господствующей роли мужа в семье, поощрял самостоятельность жены и предоставлял ей полную свободу действий.

Ольга Сократовна отличалась «живостью» и «самостоятельностью» характера с детства. Она воспитывалась в многодетной семье известного саратовского врача Сократа Евгеньевича Васильева и была у отца любимицей. Однако строгую и требовательную мать раздражал независимый характер дочери, «непозволительный» для воспитанной барышни²⁷. Конфликтные отношения между матерью и дочерью сохранялись и после того, как О.С. Чернышевская вышла замуж. Только после смерти отца Ольга Сократовна постаралась «забыть свою вражду»²⁸ и стала навещать мать, переселившуюся в Вольск.

По какой причине Ольга Сократовна взялась лично опекать М.А. Чернышевскую и устраивать ее судьбу? Возможно, таким способом она пыталась избежать одиночества. В Саратове О.С. Чернышевская, как жена опального писателя, вела довольно замкнутый образ жизни, и ее деятельная натура естественным образом нашла выход в воспитании смышленного двенадцатилетнего подростка, изъявившего желание учиться. Сама воспитанная в многодетной семье и скромной обстановке, Ольга Сократовна хорошо понимала, насколько трудно устроиться в жизни девочке из малообеспеченной семьи. В свою очередь, и Мария попала под влияние неординарной природы своей благодетельницы, несмотря на то, что пришлось приспособливаться под ее неуживчивый характер. «К людям вообще она была требовательна и любила порядок во всем, – вспоминала М.А. Чернышевская, – трудно было на нее угодить, как говорили некоторые; но я всегда умела на нее угодить, хотя и не старалась, а выходило это как-то невольно...»²⁹. Ольга Сократовна поощряла в своей подопечной желание учиться и стремление к самостоятельности, отношения между ними

сложились самые дружеские. Через год, покинув Саратов, О.С. Чернышевская передала «Машеньку» под опеку своей сестры Ерминии, благодаря чему М.А. Чернышевская получила возможность окончить гимназию.

Первый выпуск Саратовской Мариинской женской гимназии (в количестве 8 человек) состоялся в 1867 г. Историк Е.Н. Щепкина, выпускница 1870 г., так отзывалась о качестве преподавания в гимназии: «В младших классах пропасть времени тратилась по-пустому. С приготовительного класса начинались упражнения во французском языке по учебнику Марго, и этого самого Марго мы еле-еле заканчивали во II-м классе. Так же растягивались русская и немецкая грамматика. География европейских государств проходила в II классе, а Россия в выпускном классе. История велась так же, как и теперь, по полному Иловайскому; история словесности проходила даже лучше, благодаря выдающему учителю, и в более короткое, чем теперь время. Математика хромала, как нельзя больше: за все 8 классов выучивались только арифметике и нескольким теоремам геометрии. Преподаватели, за исключением одного выдающегося петербуржца, были люди довольно странные, сами не только без высшего, но с довольно сомнительным средним образованием. Учитель уездного училища, преподавая географию, удивительно коверкал даже простые слова, не говоря уже о более трудных иностранных. Самым ученым являлся магистр духовной академии, преподаватель Закона Божия, но зато был слаб психически, и часто очень неприличен в классе»³⁰.

Несмотря на открытое «манкирование» преподавателями своими прямыми обязанностями и суровые бытовые условия гимназии, среди гимназисток «зарождались деятельные мысли; что-то жизненное, горячее соединяло в кружок многих девочек, девочек вовсе незнакомых семьями, но уже связанных какими-то еще смутными умственными интересами»³¹. Предоставленные сами себе, они во время уроков читали вслух статьи из журналов «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело», в жарких спорах обсуждали «все выдающееся по части беллетристики и критики». Девочек интересовали вопросы: «что такое личная свобода, в чем она заключается и что она дает. В чем смысл женской жизни? Какая деятельность самая полезная в наше время? Что нам делать? К чему себя готовить?». Они говорили «об успехах женского труда в Англии и Америке; «просто и бесхитростно» полагая, что «когда-нибудь женщинам откроются все профессии». В то же время, представляя «довольно смутно» новые формы женской деятельности, гимназистки более «охотно и положительно» отзывались об учительской профессии, которая казалась им «ближе и знакомее других»³². «Низкий уровень грамотности в народе, недостаток повсюду просвещения ужасал нас... — вспоминала Е.Н. Щепкина. — Составлялся даже план деятельности, в который входило обязательство каждой из нас непременно прослужить 2 г. в сельских учительницах, а затем уже делать, что угодно»³³.

Как и многие выпускницы Мариинской гимназии, М.А. Чернышевская решила продолжить свое образование на высших женских курсах. В 1878 г. она могла отправиться в Москву (курсы В.И. Герье), Петербург (Женские врачебные курсы или Бестужевские курсы) и в Казань. Мария Александровна, руководствуясь тяжелым материальным положением своей семьи, остановила выбор на Казанских высших женских курсах.

Высшие женские курсы в Казани были открыты благодаря инициативе нескольких профессоров Казанского императорского университета. На торжественном акте открытия курсов в 1876 г. профессор богословия М.М. Зефиров выразил надежду на то, что они «восполнят, обновят и усилят интеллигентную часть в женской половине общества. Удовлетворяя естественной жажде знания, свойственной не менее женщине, как и мужчине, они возбудят дремлющие силы ума и сердца, раздвинут кругозор мысли, — шире, светлее, разнообразнее станет, благодаря им горизонт умственного знания. Они дадут здравый, осмысленный взгляд на прошлое и настоящее, на судьбы человека и человечества, на явления, силы и законы окружающей нас природы. Они благодарно повлияют на склад, силу и зрелость убеждений, и, в конце концов, Бог даст, будут способствовать подъему и внутреннему росту жизни личной, семейной и общественной»³⁴.

Занятия для курсисток проводились в университетских аудиториях в вечернее время. В перечень обязательных предметов входили русская литература, всеобщая литература и история, история России, основания общей арифметики и геометрии, физика, география с описательным естествознанием. В числе необязательных предметов слушательницам предлагались история искусства, высшая математика, иностранные языки и гигиена³⁵. Лекции читали профессора Казанского университета Н.Н. Булич, Н.А. Фирсов, Н.А. Осокин и др.

Курсистки должны были «слушать все обязательные предметы, писать сочинения на заданные темы, отвечать на вопросы, которые им будут предлагаться преподавателями во время уроков и на репетициях, и, наконец, подвергнуться выпускному экзамену, для получения свидетельства об успешном окончании курса»³⁶. Ежегодно на экзаменах лично присутствовал попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков.

Предполагалось, что открытие женских курсов в Казани привлечет, в первую очередь, жительниц Среднего и Нижнего Поволжья, а также восточных окраин империи. Из Саратова в 1878–1879 учебном году вместе с Марией Чернышевской приехали учиться еще четыре девушки: две выпускницы Мариинской гимназии и две — института благородных девиц³⁷. Все, кроме М.А. Чернышевской, были из дворянских семей. Примечательно, что некоторым из курсисток удалось обеспечить себе именные стипендии. Дочь помощника исправника дворянка Ольга Логвинова в 1878 г. получила от Саратовского дворянского депутатского собрания Колычевскую стипендию в размере 124 рублей 30 копеек, а Вера Булатова и Мария Чернышевская — по 20 рублей от «Общества вспомоществования

недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию». Впрочем, Марии хватило стипендии только на то, чтобы заплатить за слушание лекций в первом полугодии.

Из 27 курсисток, поступивших в 1878 г., только 17 смогли проучиться полных два года и сдать выпускные экзамены. По утверждению директора курсов профессора Н.А. Осокина, этот выпуск по численности и по успехам превзошел предыдущие: «Не только окончило более чем когда-нибудь, но половина из них имеет в среднем выводе 4 ½ (и даже более), а практические занятия, по отзывам профессоров, обусловили у этих лучших слушательниц значительную начитанность»³⁸. Общий результат успеваемости М.А. Чернышевской за 1879–1880 учебный год составил 4 3/7 и оказался одним из лучших.

Деятельность курсов была направлена на повышение общего образовательного уровня женщин при отсутствии профессиональной специализации и соответствующих высшему образованию гарантий при трудоустройстве, поэтому выпускницы не получали каких-либо особых прав или преимуществ. Вернувшись в Саратов, М.А. Чернышевская поступила учительницей в женское народное училище и подрабатывала частными уроками. В 1913 г. за усердную службу она получила от министерства народного просвещения серебряную медаль.

Основным источником о дальнейшей жизни Марии Александровны являются воспоминания внучки Н.Г. Чернышевского Н.М. Чернышевской: «Она (М.А. Чернышевская – Я.Р.) была очень энергична и предприимчива, вывела в люди всех своих братьев и сестер и умела добиться всего, что было нужно для улучшения положения своего и своих родных. Маленькая, худенькая, с утиным носом и слезящимися глазами, она обладала недюжинным талантом комической старухи и в молодости прекрасно исполняла роли свах в пьесах А.Н. Островского и просительницы в чеховском «Юбилее». Она была хороша здесь потому, что ей не нужно было играть: она была сама собой. Когда мне об этом рассказывали К.М. Федоров (секретарь Н.Г. Чернышевского – Я.Р.) и бабушка Катя Пыпина (двоюродная сестра Н.Г. Чернышевского – Я.Р.), я видела, что этому безусловно можно было верить: иной я не знала ее и в жизни. Она вечно хлопотала: то о билетах в театр на юбилейные торжества, то о персональных пенсиях для себя и для всех своих родных /ездила за этим в Москву к Н.К. Крупской и добилась/, то о билетах в Москву, то об уроках, то о лампе для своего дома /в последний год жизни, когда все сидели с мигалками/, то о редких лекарствах, то о возвращении украденных у них вещей /через депутатов Верховного Совета/, и по всем этим делам была способна приходить ко мне в любое время дня и ночи, не смущаясь, если ее не принимали, и повторяя свои визиты без числа, без обиды. В Саратове она была очень популярна, и всю их семью в Саратове больше знали, чем нашу, как "семью Чернышевского"»³⁹.

Так сложилась судьба одной из многих провинциальных девушек,

которые в период становления высшего женского образования в России, невзирая на общественное мнение и традиции, собственным примером доказали способность женщины к «умственным занятиям» и общественно полезной деятельности.

Примечания

¹ Эмансипация (*лат.*) – правомерное освобождение лица от юридической зависимости, предоставление неполноправному лицу полной юридической правоспособности; освобождение группы населения от некоторых ограничений в правах, сравнительно с прочими гражданами.

² Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 272. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/pavll1g.htm>, свободный. Дата обращения: 07.10.2012.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Щепкина Е.Н. Памяти двух женщин-врачей // Образование. СПб., 1896. № 5/6. С. 96.

⁷ Левинсон-Лессинг Ф. О главнейших факторах женского движения (идеалистические и экономические стимулы) / К свету. Научно-литературный сборник. Под ред. Е.П. Летковой и Ф.Д. Багюшкова. СПб., 1904. С. 390–427.

⁸ Щепкина Е.Н. Первые годы Высших женских курсов // Русское Прошлое. Исторические сборники. Петроград-Москва, 1923. № 5. С. 135.

⁹ Дмитриева В.И. Автобиография. В кн.: Повести и рассказы: В 3 т. Т. 1. 1916. С. 32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Короленко В.Г. Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. СПб., 1908. С. 82.

¹² Там же. С. 86.

¹³ Цит. по: Захарова И.Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 22

¹⁴ Цит. по: Чернышевская В.С. Однофамильцы Н.Г. Чернышевского. Машинопись. 19/XI-1977 г. // Отд. арх. документов музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского (Саратов). ОФ № 7347/3566.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цит. по: Захарова И.Е. У истоков системы профессионального образования духовенства Саратовской епархии: деятельность Н.Г. Скопина и Г.И. Чернышевского. Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. Ч.1. С.105–110.

¹⁷ Захарова И.Е. Гавриил Иванович Чернышевский... С.16.

¹⁸ Чернышевская В.С. Однофамильцы Н.Г. Чернышевского...

¹⁹ Даты указаны в соответствии с надписью на общем надгробии А.Г. Чернышевского и Е.И. Чернышевской, расположенного в фамильном склепе на Воскресенском кладбище Саратова. Фото надгробия предоставлено С.А. Бондарем.

²⁰ Даты указаны в соответствии с надписью на общем надгробии А.Г. Чернышевского и Е.И. Чернышевской, расположенного в фамильном склепе на Воскресенском кладбище Саратова. Фото надгробия предоставлено С.А. Бондарем.

²¹ Примечания к воспоминаниям Н.М. Чернышевской об «Однофамильцах

Чернышевских». Со слов Э.Б. Чернышевской в беседе с В.С. Чернышевской от 26/X-1962 г. // Отд. арх. документов музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского (Саратов). ОФ № 7374/3564.

²² Согласно данным Н.М. Чернышевской, последовательность рождения детей А.Г. Чернышевского выглядит следующим образом: Ольга (1860), Мария (1862), Константин (1864), Антонина (1868), Анна (1870). Дата рождения Михаила неизвестна. См.: Примечания к воспоминаниям Н.М. Чернышевской... Однако на надгробии О.А. Чернышевской, расположенного в фамильном склепе на Воскресенском кладбище Саратова, указана дата рождения 1869 г. Фото надгробия представлено С.А. Бондарем.

²³ Чернышевская М. А. Мои воспоминания об Ольге Сократовне – жене покойного писателя Николая Гавриловича Чернышевского. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Издание Нижне-Волжского областного научного краеведения. Саратов, 1926. С. 215.

²⁴ Там же. С. 215–216.

²⁵ Цит. по: Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении...

²⁶ Там же.

²⁷ Чернышевская М. А. Мои воспоминания об Ольге Сократовне... С. 217.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Щепкина Е. Н. Памяти двух женщин-врачей // Образование. Спб., 1896. № 5/6. С. 93–94.

³¹ Там же. С. 95.

³² Там же.

³³ Там же. С. 96–97.

³⁴ Открытие публичных высших женских курсов в Казани. Казань, 1876. С. 4.

³⁵ Частные правила для слушательниц и вольных слушательниц публичных высших женских курсов в г. Казани. Казань, 1878.

³⁶ Положение о публичных высших женских курсах в г. Казани. Казань, 1876.

³⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 131. Оп. 1. Д. 285.

³⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. № 12512 «Об открытии в Казани высших женских курсов. Отчет их за 1879–1880 гг.» Л. 115 об.

³⁹ Чернышевская Н.М. Однофамильцы Чернышевские. Машинопись. Саратов, 1943. Л. 3 // Отд. арх. документов музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского (Саратов). ОФ № 7347/3563.

Е. А. Шкута

О ПОРТРЕТЕ КИСТИ Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции Радищевского музея хранится портрет неизвестного пожилого человека кисти Николая Дмитриевича Дмитриева-Оренбургского. Источник и время поступления картины в музей также неизвестны. Несколько заметок, напечатанных в номерах газеты «Саратовский листок» за 1893 год, позволили сделать предположение о том, что на данном портрете изображен купец Василий Дмитриевич Вакуров. Будучи успешным предпринимателем, он активно занимался общественной деятельностью и внес огромный вклад в дело начального образования в Саратове.

В одном из февральских номеров «Листка», в разделе «Хроника» было

напечатано следующее сообщение: «В.Д. Вакуров на днях вернулся из Петербурга, где с него по заказу городской Думы профессор академии художеств г. Дмитриев-Оренбургский писал портрет. Портрет сначала изготовлялся по фотографической карточке, а потом отделялся с натуры. В.Д. поторопился с приездом в Саратов, чтобы лично присутствовать на школьном празднике 7-го мужского училища, в котором он состоит попечителем [...]»¹. Этот портрет был получен городской управой в октябре или ноябре 1893 года, о чем извещает тот же «Саратовский листок»².

В Саратовском областном музее краеведения хранятся три групповых снимка с участием В.Д. Вакурова³ и один фотографический портрет купца⁴. Датированный 1891 годом, он подкрепляет версию о личности человека, изображенного Н.Д. Дмитриевым-Оренбургским. Как явствует из надписи на обороте паспарту, фотография предназначалась Вакуровым в подарок М.Н. Галкину-Врасскому. Возможно, фотоотпечаток с того же негатива художник использовал до работы с натуры. Почти полностью совпадает на портрете и фотографии не только расположение моделей (трехчетвертной разворот вправо), но и такие детали, как линии плеч, складки пиджака.

Что же касается портретного сходства, то оно несомненно. Высокий лоб, чуть вздернутая левая бровь, две глубокие вертикальные складки между бровей, небольшие, миндалевидной формы глаза, крупный нос, аккуратно подстриженные усы и борода убеждают нас в том, что фотографу и живописцу позировала одна модель, но в разное время: человек на фотографии выглядит немного моложе. Изображенному на картине мужчине около 60 лет. В январе 1893 года, т.е. приблизительно в то время, когда, по информации «Саратовского листка», Н.Д. Дмитриев-Оренбургский работал над портретом В.Д. Вакурова, последнему исполнился 61 год.

Итак, если на полотне из собрания Радищевского музея действительно изображен саратовский купец, то датировать его следует 1893 годом. Проясняется и история создания портрета: он был заказан художнику Городской думой. Этот факт отмечен и в воспоминаниях общественного деятеля, племянника В.Д. Вакурова И.Я. Славина: «В 1893 г. истекало, кажется, тридцатилетие деятельности Вакурова на поприще народного образования. По этому предмету был внесен особый доклад в городскую думу, которая, выразив юбиляру в особом адресе благодарность от города, избрала его Почетным гражданином, постановила повесить его портрет в зале городской думы и, кроме того, решила чествовать его обедом».⁵ Вероятно, И.Я. Славин в данном случае неверно указывает дату. Известно, что звания почетного гражданина города Саратова В.Д. Вакуров был удостоен не в 1893, а в 1891 году, когда отмечалось 25-летие его деятельности в сфере народного образования. В этом же году городская общественность чествовала губернатора Андрея Ивановича Косича, покидающего Саратов по случаю назначения командиром 4-го армейского корпуса. Думой было принято решение присвоить А.И. Косичу звание Почетного гражданина города, а также повесить в зале заседаний его

портрет. Обе картины были заказаны Н.Д. Дмитриеву-Оренбургскому и исполнены им в 1893 году. Судьба портрета А.И. Косича неизвестна, а портрет В.Д. Вакурова, по нашему предположению, вошел в коллекцию Радищевского музея.

Василий Дмитриевич Вакуров родился в семье купца Дмитрия Максимовича Вакурова, владельца первой книжной лавки в Саратове. Проживая на Большой Сергиевской улице (сейчас – улица Н.Г. Чернышевского), Вакуровы были ближайшими соседями семейства Чернышевских. Дмитрий Максимович состоял в звании ктитора Сергиевской церкви, настоятелем которой служил Г.И. Чернышевский. Раиса Дмитриевна, дочь Дмитрия Максимовича, впоследствии рассказывала своим детям о «рыжем, бойком, озорном Коле Чернышевском»⁶.

В 1866 году В.Д. Вакуров был избран представителем от городского общества в Саратовский уездный училищный совет. В то же время он являлся председателем созданной по его инициативе попечительной комиссии о начальных училищах. «Этой комиссии и в особенности ее председателю Вакурову город обязан блестящей постановкой и увеличением начальных училищ – пишет И.Я. Славин. – Через 7–8 лет ее работы вместо прежних 2–3 училищ на весь город к концу семидесятых годов уже было 20 мужских и женских начальных школ, образцово, по мнению авторитетных педагогов, поставленных»⁷. При активном участии В.Д. Вакурова в 1871 году в Саратове было открыто Александровское училище для детей из бедных семей (сейчас – Саратовский государственный профессионально-педагогический колледж им. Ю.А. Гагарина). После смерти Дмитрия Максимовича его сын передал непроданные в лавке отца книги публичной библиотеке.

Помимо народного просвещения, В.Д. Вакуров заботился и о досуге саратовцев. Принадлежавшая ему земля с дикорастущими деревьями, которую купец сдавал в аренду, стала излюбленным местом отдыха и развлечений горожан и получила название «Вакурский лес» (сейчас – часть Городского парка культуры и отдыха).

Подробная биография Д.М. и В.Д. Вакуровых изложена в статье саратовских историков Михаила Владимировича Булычева и Евгения Константиновича Максимова, опубликованной в журнале «Степные просторы» в 1995 году⁸.

Трудно сказать, почему выбор Саратовской думы пал на петербургского художника, профессора батальной живописи и мастера жанровых сцен Н.Д. Дмитриева-Оренбургского. Его работы написаны преимущественно в академической манере, что во многом объясняется их тематикой. Живописец был близок к императорскому двору и часто выполнял государственные заказы. Так, в 1869 году он в качестве художника сопровождал великого князя Николая Николаевича в путешествии по Кавказу и Крыму, а в конце 1870-х годов приступил к исполнению серии полотен на сюжеты из истории русско-турецкой войны 1877–1878 годов для

Военной галереи Зимнего дворца. Немногочисленные портреты кисти Н.Д. Дмитриева-Оренбургского изображают знаменитых современников автора: императора Александра III (1896, Государственный исторический музей), И.С. Тургенева (1879, частное собрание), М.Д. Скобелева (1883, Иркутский областной художественный музей), Н.И. Пирогова (1897, Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург). В отличие от них, портрет из коллекции Радищевского музея не имеет жанрового оттенка. Лишен он и характерной для академической живописи театральности. Это камерное изображение, которое открывает другую грань таланта Н.Д. Дмитриева-Оренбургского. Будучи сторонником правдивого, демократического искусства, в 1863 году он вышел из состава Академии художеств в числе 14 студентов, отказавшихся писать дипломное сочинение на заданную Советом Академии тему «Пир в Валгалле». Спустя 7 лет, он стал одним из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок – оппозиционной по отношению к Академии организации.

Способность Н.Д. Дмитриева-Оренбургского варьировать живописную манеру отметил в своем очерке о творчестве художника В.С. Матафонов: «Находящийся в частном собрании в Ленинграде «Портрет дочери», исполненный около 1881 года, расширяет наши представления о творчестве живописца. Выдержанный в очень редкой для Дмитриева-Оренбургского темной красочной гамме, этот портрет написан свободно и широко. Колорит этого полотна [...] свидетельствует о большом вкусе художника, о тонком чувстве цвета»⁹.

Портрет Радищевского музея исполнен в сдержанных коричневых и серых тонах. Композиция не содержит деталей, указывающих на род деятельности изображенного, хотя его прическа, окладистая борода и костюм косвенно свидетельствуют о принадлежности к купеческому сословию. Внимание зрителя не рассеивается на частности, сосредоточившись на главном – лице модели. Мастер создает образ строгий, даже суровый. Портретируемый смотрит на нас серьезным, непреклонным, но и немного усталым взглядом, который отражает мудрость прожившего долгу и трудную жизнь человека. И это не столько житейская мудрость богатого купца, сколько способность ставить духовное выше материального.

Отметим, что В.Д. Вакуров в 1855 году окончил юридический факультет Казанского университета, хотя в то время образование детей из провинциальных купеческих семей ограничивалось в лучшем случае гимназией. В 1893 году он даже был исключен из купеческого сословия, так как имел ученую степень.

В противоположность художественному образу, реальный Вакуров, вероятно, обладал спокойным и мягким характером. На фотографиях мы видим человека с очень добрыми, чуть грустными глазами. Судя по дневнику, который вели сначала отец, а затем и сын Вакуровы, Василий Дмитриевич не лишен был и некоторой сентиментальности.

Рукопись дневника, содержащая 30 листов, хранится в Государственном

архиве Саратовской области¹⁰. Частично она была опубликована Василием Ивановичем Серебряковым в 25-м выпуске Трудов Саратовской ученой архивной комиссии (в примечаниях – СУАК) за 1909 год¹¹. К сожалению, последняя запись в дневнике относится к 1871 году. Никаких сведений о рассматриваемом портрете он не содержит, однако дает представление о характере Василия Вакурова. Происходящие события он описывает гораздо более эмоционально, чем его отец, не просто фиксирует их, но добавляет радостные или же скорбные восклицания. С гордостью, как о родном ребенке, пишет он о только что открывшемся Александровском училище, подробно рассказывает о посещении нового учебного заведения Александром II, приводя трогательное обращение императора к больному мальчику Степе. В ноябре 1871 года у Василия Дмитриевича и его супруги Ольги Андреевны родилась дочь. За полтора часа до ее рождения в доме Вакуровых проходил певческий вечер. «Видно, при такой обстановке наша дочурка будет музыкантша», – записал в дневнике счастливый отец¹². Такого Василия Вакурова знали лишь близкие ему люди.

Но художник, получивший заказ на исполнение портрета деятеля народного образования и почетного гражданина города и лично не знакомый с моделью, избрал доминантой будущего образа просвещенность и твердую волю, показал гражданина, а не семьянина. Этим вполне объясняется несоответствие в выражении лиц Вакурова на фотографии и на полотне Н.Д. Дмитриева-Оренбургского.

Благодаря добросовестности журналистов «Саратовского листка» известна реакция современников на портрет В.Д. Вакурова. Это свидетельство парадоксальным образом подтверждает то, что речь идет о рассматриваемом нами портрете. В номере за 5 ноября 1893 года читаем: «[...] портрет же г. Вакурова неудачен, так что некоторые гласные советовали даже возратить его: выражение лица В.Д. передано совсем неправильно...»¹³. Для зрителей XIX века портретное сходство оказалось важнее художественного образа.

Подведем итоги. Изложенные факты подтверждают версию о том, что на портрете Н.Д. Дмитриева-Оренбургского из собрания Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева изображен В.Д. Вакуров. Картина была заказана художнику городской Думой и исполнена им в 1893 году. По-прежнему остается неизвестной история ее бытования и поступления в музей. Следует учесть, что в 1897 году в Думе и на страницах газет была развернута настоящая травля недавнего юбиляра. Возможно, его портрет, если он все-таки украшал собою зал заседаний, был удален с почетного места. Цель будущего исследования – выяснить, при каких условиях портрет попал в музей и почему забылось имя Василия Дмитриевича Вакурова, так много сделавшего для нашего города.

Примечания

- ¹ Саратовский листок. 1893. 11 февраля. № 31.
- ² Саратовский листок. 1893. 4 ноября. № 241.
- ³ «Мировые судьи Саратовского мирового округа» (СМК 13124), «Преподаватели саратовских городских начальных училищ» (СМК 43977), «Групповой снимок» (СМК 8848).
- ⁴ «Купец Василий Вакуров» (СМК 50102)
- ⁵ Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга (Саратов). 1998. № 7. С. 108.
- ⁶ Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга (Саратов). 1998. № 2-3. С. 124.
- ⁷ Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга (Саратов). 1998. № 7. С. 107.
- ⁸ Булычев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 26–31.
- ⁹ Матафонов В.С. Николай Дмитриевич Дмитриев-Оренбургский // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина девятнадцатого века. Т. 1. 1962. С. 114.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. № 1283. Оп. № 1. Ед. хр. 22. Дневник Вакурова Д.М. После смерти Д.М. Вакурова его сын дополнил дневник отца своими записями.
- ¹¹ Серебряков В. Выдержки из дневника гг. Вакуровых // Труды СУАК. Вып. 25. 1909. С. 192–202.
- ¹² ГАСО. Ф. № 1283. Оп. № 1. Ед. хр. 22. Дневник Вакурова Д.М. Л. 30.
- ¹³ Саратовский листок. 1893. 5 ноября. № 242.

М. М. Адуляян

АРМЯНЕ АСТРАХАНИ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

К теме связей Чернышевского с астраханскими армянами обращались многие русские и армянские авторы, литературные критики и писатели, однако в большинстве случаев эти исследования очень поверхностны. Мы же попытаемся представить краткий и целостный обзор армянского окружения писателя в Астрахани¹.

27 октября 1883 года, после долгого и утомительного пути, Чернышевский под конвоем был доставлен Астрахань, и поселился в гостинице Смирнова.

Секретарь писателя К.М. Федоров, будучи и сам астраханцем, отмечает: «Первые, кто пришел и оказал и моральную, и материальную помощь многострадальному Чернышевскому и его семье, приходившему в отчаяние от бесплодных поисков денег в первые месяцы пребывания его в Астрахани, где он не имел ни друзей, ни знакомых – это были армяне».²

30 октября, через 3 дня после приезда, семья Чернышевских поселилась в снятой квартире в доме торговца керосином Хачикова по Почтовой улице во дворе. С этого дня и началось близкое знакомство Чернышевских с армянами.³

Известно, что еще со времен учебы в гимназии Николай Гаврилович интересовался культурой восточных народов. В Астрахани у него появилась

возможность не только поближе познакомиться с бытом армянского народа и его историей, но и выучить язык. О том, что Чернышевский знал армянский алфавит, писал и говорил на этом языке, свидетельствуют многие достоверные источники.⁴ В доме-музее писателя в Саратове сохранилась книга «Всеобщей истории» Вебера, на которой он своей рукою написал на армянском фразу: «Տոն զ Երիւ յնկի գն լուսի ըրիւ լիւսի լիւսի դ Կիկն լիւսի Գալի ըրի ը զի շ Զերիւ ը լուսի» («Пусть бог просветит в особенности души нас, здравствующих. Николай Гаврилович Чернышевский»).

В начальные месяцы своего пребывания в Астрахани Чернышевский не мог заработать себе на жизнь, испытывал огромные материальные трудности. Кроме того, семья жила очень замкнуто. Вот что пишет об этом периоде Ольга Сократовна: «Живем – чисто в ссылке. Ни к нам никто, ни мы ни к кому. Если бы и нашлись такие смельчаки, то, думаю, скоро бы отстали от нас... Впрочем, я сама отклоняюсь от знакомства с ними. Зачем делать неприятности людям».⁵

За Чернышевскими велась круглосуточная слежка, что заставляло их чувствовать себя изолированными от общества. Это одиночество становилось более невыносимым для Чернышевского из-за частых отъездов Ольги Сократовны и отсутствия сыновей.

«После Виллюйска все было непривычно Чернышевскому в оживленной, пестрой по населению Астрахани. Больше всего приходилось встречаться с армянами. Культура армянского народа насчитывает четыре тысячи лет. Однако в царской России этот народ не мог широко развернуть своих национальных духовных богатств. Ему предоставлялась возможность существовать главным образом торговлей. Этот торговый мир и был связан с бытом Николая Гавриловича и Ольги Сократовны Чернышевских».⁶

Первыми семьями, с которыми познакомились Чернышевские, были Мелькумовы и Хачатуровы. Они жили в том же доме Хачикова и настолько сблизились с семьей писателя, что даже после переезда Чернышевских в дом Абкарова, продолжали близкое знакомство.

Глава семьи, Мелькум Мартынович Мелькумов, занимался торговлей азиатской обувью. Его жена, Анна Каспаровна, занималась воспитанием дочерей – Федосьи, Софьи и Любови, и сыновей – Сергея, Егора и Ивана. Вся семья была очень привязана к русскому писателю, о чем свидетельствуют и письма Николая Гавриловича.

Мелькумовы часто навещали Чернышевского во время отсутствий Ольги Сократовны, а совместные прогулки, чаепития, беседы стали доказательством искренней дружбы. Дети Мелькумовых также во многом помогали писателю, посылали телеграммы, оказывали помощь при переездах, покупках, во время продаж оставшихся вещей, одалживали при необходимости деньги и т.д. Даже во время переезда Николая Гавриловича в Саратов они, по его просьбе, помогали собирать вещи.⁷

На время своих частых отлучек из города Ольга Сократовна назначала

«дежурных», в обязанность которых входило следить за Чернышевским, который имел привычку зарабатывать настолько, что часто забывал про еду и про быт. В письме Н.Г. Чернышевского к жене от 6 мая 1885 г. читаем: «Федосья Мелькумовна осматривала вчера все комнаты, и горничная убирала под ее руководством»⁸ или «Вчера надзор был на обязанности Софьи Мелькумовны, и она исполняла свою должность – я не знаю как, но, по всей вероятности, хорошо».⁹

Писатель, в свою очередь, был привязан к Мелькумовым, интересовался их проблемами, особенно судьбой их старшей дочери Федосьи, которую сначала хотели выдать замуж за неизвестного приезжего армянина, оказавшегося впоследствии негодяем, но после передумали: «Нечего делать, папенька и маменька отказали жениху. Бедняжка невеста обрадовалась: ей не нравился жених; но она молча подчинилась согласию отца и матери на его предложение; лишь когда отказали ему, она созналась, что он ей не нравился. «Да что за глупость отдавать дочь незнакомому человеку», – высказывал я свое мнение знакомым армянам и армянкам. – «О нет, это по-нашему так делается», – отвечали они».¹⁰

В другом своем письме к сыну Александру Чернышевский сообщает, что Федосья вышла замуж за Авета Ивановича Канжинского: «Ее фамилия теперь Канжинская. Муж не поляк, а чистейший армянин... Свадьба была недели полторы назад. Можно надеяться, что жизнь Федосьи Мелькумовны будет идти хорошо».¹¹

Чернышевский продолжает интересоваться судьбой девушки. В письме к жене от 13 июня 1887 г. он пишет: «Вчера встретил Канжинского. Оба мы желали превзойти друг друга любезностью. Он показался мне человеком простодушным; толковал мне о своих денежных делах, о своем счастье с такою женою, как Федосья Мелькумовна. Я вздумал, что мне следует навестить ее, и на его приглашения отвечал, что зайду к ним на днях».¹²

Спустя несколько дней Николай Гаврилович пишет Ольге Сократовне: «В четверг под вечер я пошел к Федосье Мелькумовне; застал дома ее и мужа, просидел у них больше часа»¹³, а еще через несколько недель: «На твои (Ольги Сократовны – М. А.) именины побывали у меня Федосья Мелькумовна с мужем, Софья Мелькумовна, Сергей Мелькумович;... Авет Иванович толковал, что он и Федосья Мелькумовна рассудили открыть магазин; торговать будет она... Вероятно, магазин у нее действительно пойдет хорошо, если Ав. Ив. будет слушаться Сергея Мелькумовича и предоставит ей делать все, как сама знает».¹⁴

Из эпистолярного наследия Чернышевского мы узнаем о том, что с магазином ничего не получилось, Федосья Мелькумовна уехала в Москву с мужем, но и там счастья не обрела. 14 мая 1889 г. Чернышевский в письме к жене пишет о том, что пришел к Сергею Мелькумовичу и узнал о том, что Авет Иванович скончался: «И очень хорошо сделал, – отвечаю я, – чрезвычайно дурно было то, что Егор Мелькумович посоветовал Анне Каспаровне, Ивану Мелькумовичу и вам отдать ее за старого дурака,

неспособного кормить и себя одного, не то что себя и жену вдвоем, а вы послушали этого совета. Он проел все, что было у нее – вы знаете это? – «Кажется так». – «Нечему тут казаться, это достоверно» – «Завтра придет сюда Егор, мы хотим, чтобы кто-нибудь из нас поехал за нею в Москву». – «Не для чего вам за нею ехать; доедет и сама, без опекуна: по дороге разбойников нет, охранять не от кого. Лучше вы пришлите ей те деньги, которых стоил бы проезд ваш в Москву и обратно». – «Мы так и сделаем».¹⁵

Каждого, кто хоть немного знаком с личностью Чернышевского, удивила бы такая резкость тона. Но, с другой стороны, Николай Гаврилович не терпел несправедливости, к тому же считал Мелькумовых настолько за «своих», что мог себе позволить вмешаться в дела их семьи. Чернышевский написал жене, попросив привезти Федосью с собой, но не застал ее, и потому «Егор Мелькумович уехал ныне в 9 часов утра в Москву за сестрой».¹⁶ Н.Г. ходил на пристань встречать ее: «Когда пароход причалил, я не пошел на него с ними, чтобы не мешать первым минутам свиданья; подождал на пристани, пока они сошли с Федосьей Мелькумовной; здороваясь с нею, старался, как умел, выказать свое искреннее расположение к ней; но не стал задерживать их на пристани, сказал, что приду к ней вечером. Зашел вечером, посидел с полчаса. Старался заставить ее смеяться своими шутками... Федосья Мелькумовна смеялась... Я хвалю тебя (Ольгу Сократовну – М. А.) за то, что ты пригласила Федосью Мелькумовну жить, по твоем возвращении, у тебя»¹⁷. Еще через 5 дней: «Вижу с Федосьей Мелькумовной; она понемножку оправляется от уныния; родные очень милы с ней; отец и мать действительно хорошие люди».¹⁸

Из переписки Чернышевского с женой мы узнаем подробности жизни еще одного Мелькумова – Егора. Так, в письме от 26 сентября 1887 г. Н.Г. пишет сыну Александру: «... Егор Мелькумович скоро придет сюда жениться. Здесь есть два купца, Франгуловы. Одного из них я знаю. Он человек богатый. Другого я не знаю, но кажется, и он имеет довольно большое состояние. Его дочь и Е. М. были дружны до отъезда Е. М-ча в Казань. Она была тогда ребенок, но сохранила такое теплое воспоминание о приятеле своего детства, что на вопрос его матери, примет ли она его предложение, отвечала: «принимаю». Кажется, у ее отца нет других детей. Если так, то она довольно богатая невеста. Впрочем, Е. М., прося мать передать ей его предложение, писал, что вопросом о приданом он не интересуется: он сам имеет достаточно для безбедной семейной жизни».¹⁹

Женитьба Егора Мелькумова удалась, его родители были очень довольны невесткой: «... Анна Каспаровна и она (Софья Мелькумовна – М. А.) очень довольны приемом, какой сделала им жена Егора Мелькумовича, и чрезвычайно хвалят ее; что поэтому жизнь их в Казани приятна».²⁰

Все это еще раз подтверждает те близкие отношения, которые были у Чернышевских с семьей Мелькумова.

В 1884 г. Чернышевский жил в доме Джанумова. Это была довольно большая армянская семья. Глава семьи, Степан Джанумов, умирая, оставил

сиротами 12 детей. Н.Г. в свободное от работы время играл с ними. В воспоминаниях, Ивана Степановича Джанумова, есть история о том, как его сестра Верочка попросила Чернышевского написать за нее сочинение на тему «Значение Гоголя в русской литературе». После долгих уговоров тот согласился, Верочка переписала сочинение, отнесла его в гимназию. Вернувшись домой, показала Николаю Гавриловичу тетрадь, в которой рукой учителя было отмечено «за содержание и изложение: автору – 12, с множеством плюсов, а тому, кто переписал – 1».²¹

Чернышевского любили не только астраханские армяне. Многие литературные исследователи отмечают еще один интересный случай, произошедший с Чернышевским. Однажды Ольга Сократовна случайно увидела объявление о том, что в Астрахань приезжает знаменитый армянский трагик Адамян и уговорила мужа пойти в театр. Когда во время антракта Адамян узнал, что в зале находится Чернышевский, он пришел к нему в театральную ложу для того, чтобы выразить чувства глубочайшего уважения и преданности. «Адамян поклонился Чернышевскому как великому борцу за свободу угнетенных национальностей и другу армянского народа. Речь артиста сопровождалась аплодисментами товарищей».²²

Чернышевские познакомились в Астрахани с Сусанной Богдановной Сукиасовой, подругой Софьи и Федосьи Мелькумовых. В своих воспоминаниях о Чернышевском она пишет: «Приехал Николай Гаврилович надломленный, изнервничавшийся. По рассказам Ольги Сократовны, ее мужа везли сначала на телеге, потому ему, никогда не ездившему верхом, пришлось прибегнуть к этому способу передвижения. Ольга Сократовна приняла меры, чтобы уберечь Николая Гавриловича от посещений. Прошло несколько месяцев, прежде чем я и две сестры Мелькумовых, живших в том же доме, смогли часто заходить к Чернышевским. В это время, до отъезда в Саратов в 1889 г., мне пришлось быть свидетельницей будничной жизни Николая Гавриловича».²³

Сукиасова была одной из «надзирательниц» Чернышевского: «Вчера исполняла роль надзирательницы Сусанна Богдановна. Телеграмма была получена при ней; так теперь и другие твои любимые барышни уж давно знают о твоём приезде в Саратов. – Я предложил и Сусанне Богдановне писать к тебе. Разумеется, и она была рада писать... От телеграммы она была в таком восхищении, что подпрыгивала и похлопывала в ладоши».²⁴

Чернышевские, в свою очередь, были очень привязаны к девушке. И даже после того, как она вышла замуж, Николай Гаврилович продолжал навещать ее: «Я несколько раз виделся с Сусанной Богдановной и ее мужем. Они поселились на зиму здесь. Она несколько не переменяла манеры держать себя, сделавшись женщиной довольно богатой... осталась совершенно прежней. Муж ее очень милый по характеру человек. Мать ее живет с ними. У них есть сыночек; теперь ему 7 или 8 месяцев; глаза у него голубые, волосы светлые, как у отца (отец – блондин, хотя чистейший

армянин; говорят, что в Моздоке, откуда он родом, между армянами очень много блондинов). Сусанна Богдановна шлет тебе поклон». ²⁵

В мае 1889 г. в письме к жене Чернышевский пишет: «Третьего дня заходила ко мне Сусанна Богдановна; занесла бывшие у нее книги... Дружба моя с нею непоколебима». ²⁶

Сусанна Богдановна была настолько близка семье Чернышевских, что во время ссор Николай Гаврилович нередко прибегал к ее помощи: «Ольга Сократовна не любила посещений «политических», ей казалось, что их разговоры вредно действуют на здоровье Николая Гавриловича. На этой почве она ссорилась с ним, возвышала голос, не терпя возражений, и все оканчивалось истерикой. Не раз приходил ко мне Николай Гаврилович и звал огорченно: «Идите ночевать к жене, у нее опять истерика, вы уж, пожалуйста, успокойте ее».

Он говорил о том, что ее надо жалеть, она так много перенесла, – это была отличительная черта его характера: вечно забывать о себе и помнить других. Он любил семью, своих детей; я помню вечер, когда Ольга Сократовна показывала мне волосы умершего младенца, 3-го ее сына, которого Николай Гаврилович, будучи в ссылке, не видел, неожиданно войдя, Николай Гаврилович взглянул на волосы, заплакал, закрылся рукой и заперся на весь вечер в своем кабинете». ²⁷

Сукиасова отмечает безграничную доброту Чернышевского, его желание помочь всем нуждающимся: «Зарабатывал Чернышевский много, но денег ему как-то не хватало, потому что Николай Гаврилович не отказывал всякому просителю, или потому, что Ольга Сократовна не умела вести хозяйство... Нищим детям он отдавал последние деньги, что возмущало Ольгу Сократовну, тоже расточительную не по средствам, но впоследствии ставшую сугубо бережливой. На дом тоже являлись с просьбами, и в этом случае Николай Гаврилович был упорен и спорил с женой. ...Повседневное окружающее печалило его, он не мог видеть запустения, нищеты. Однажды, оживленный, веселый, он пришел ко мне в крошечную комнатку и сразу стал хмурый, заметив: «Да как же можно жить в такой темной комнате?», потом рассказал о своем намерении взять на воспитание одну из девочек-армянок бедной семьи, жившей во дворе. Девочка заинтересовала его своей даровитостью». ²⁸

«Вскоре по приезде в Астрахань Николай Гаврилович и Ольга Сократовна взяли к себе на попечение десятилетнюю девочку Сусанну Хачатурову, которая жила у них на правах члена семьи. Ольге Сократовне хотелось видеть около себя юное создание, беззаботная резвость которого скрашивала бы одинокое и безрадостное поднадзорное существование. Называли эту девочку Зосей. Однако через некоторое время родители Зоси, испугавшись обыска на квартире Чернышевских, взяли девочку домой». ²⁹

Девочка Зося (Сусанна) была дочерью Мартына Христофоровича Хачатурова, служащего в доме того самого Хачикова, у которого поселились Чернышевские по приезде в Астрахань. Даже после того, как Сусанна

Хачатурова вернулась в свою армянскую семью, Хачатуровы не переставали дружить с семьей Чернышевских, а девочка, уже став замужней дамой, все еще продолжала поддерживать отношения с Ольгой Сократовной и Николаем Гавриловичем.

Много лет спустя Сергей Хачатуров, младший сын Мартына Христофоровича, будет вспоминать: «Как рассказывают наши, Чернышевский часами беседовал с отцом. Отец мой был малограмотный, правда, обладал природным умом и большим жизненным опытом. Он отлично знал, что Чернышевский – это незаурядный человек – отец русской революции, знаменитый писатель, и вот поэтому-то очень удивлялся его беспредельной простоте, скромности и чуткости. Он говорил, когда Чернышевский беседовал со мной, то применял такой язык, что я – безграмотный, совершенно легко и нисколько не стеснялся с ним разговаривать и даже по временам чувствовал, что передо мной равный мне человек. Когда такое же удивление выражала Зося Чернышевскому – дескать – какое он удовольствие получает от этих бесед? Чернышевский отвечал ей: «Милая Зося, беседа с некоторыми малограмотными и безграмотными людьми, иногда можешь почерпнуть то, чего никогда не услышать от даже самого ученого человека».³⁰

В воспоминаниях Сергея Хачатурова есть еще один любопытный рассказ: «Сусанна и мама много раз мне рассказывали, что когда я родился, Николай Гаврилович и Ольга Сократовна пришли к нам с каким-то подарком, как говорят, на зубок, поздравить маму. В тот момент я был на руках у мамы, полный, со сжатыми пухлыми кулаками. Чернышевский, взяв меня на руки, сказал, обращаясь к маме: «Вот эти ручки под старость вас содержат!». И действительно, он, как пророк, не ошибся, из двенадцати душ детей около матери остался я один».³¹ «Из рассказов мамы и Сусанны, Чернышевский и Ольга Сократовна относились к нашей семье исключительно тепло, особенно сам Николай Гаврилович; не было дня, чтобы он не посетил нас».³²

Круг астраханский армян, который был близок семье Чернышевских, включает еще несколько лиц. Так, это известный астраханский «процентчик» Сергей Степанович Аветов, с которым русского писателя роднили отнюдь не денежные интересы, как это ошибочно отмечено у некоторых исследователей, но и настоящая крепкая дружба. Конечно, в трудные для Чернышевского времена он одалживал деньги у Аветова, однако не было и речи о каких-либо процентах. Будучи очень богатым человеком, Сергей Степанович имел свой дом вблизи центра города, на набережной Канала, рядом со съемной квартирой Чернышевских.

Сергей Степанович и Николай Гаврилович были настолько близки, что последний даже позволял себе вмешиваться в дела процентщика. Так, однажды Аветов порвал вексель на очень крупную сумму, поддавшись влиянию Чернышевского.

Николай Гаврилович в своих письмах называет его «приятелем» и

«другом»: «На днях опять возил меня с полчаса по городу мой приятель Аветов»³³; «Мой приятель Аветов согласился с просьбами сестер, находящихся, что ему вредно проводить время в магазине...»³⁴; «Вчера ходил на пристань... проводить своего друга Аветова»³⁵. Все это говорит о том, что Чернышевский не искал выгоды в отношениях с Аветовым, как ошибочно полагают некоторые исследователи³⁶.

В письме Н.А. Пыпину от 10 августа 1888 г. Чернышевский пишет: «...но я житель того самого острова, на котором благодушествовал... Робинзон Крузо со своим... Пятницею. Я не лишен нежных приятностей дружбы; но все здешние друзья мои — Пятницы; благодаря тому мое душевное спокойствие не возмущается никакими литературными пошлостями ли, делами ли хуже пошлостей: мы толкуем о том, хорош ли улов рыбы, выгодны ли для рыбопромышленников цены на нее; сколько привезено хлопка и фруктов из Персии...»³⁷.

Некоторые исследователи увидели в этом письме прозрачный намек на невежество и необразованность армян, которые подобны Пятницам из «Робинзона Крузо». Однако это вовсе не соответствовало действительности. В Астрахани настолько была развита армянская культура, что существовала даже армянская типография, издававшая газеты, книги и журналы на армянском языке. Кроме того, местные армяне выписывали газеты и журналы из Москвы, Петербурга, Баку, Тбилиси и т.д.

Астраханские армяне были связаны с различными городами не только России, но и Ирана, Турции и т.д. Познакомившись с представителями этой нации поближе, Чернышевский собрал огромное количество сведений об армянах Ближнего Востока, в частности об участи обездоленных, находившихся под турецким игом, армян, их экономическом и политическом положении. И именно в эти годы, по различным поводам, обращаясь к национальному вопросу о культуре, просветительству и национально-освободительным движениям, Чернышевский упоминает о тех армянах, которые жили в Турции.³⁸

Таким образом, образованная армянская интеллигенция Астрахани была знакома с творчеством Чернышевского, его идеями и биографией. Неудивительно, что писателя встретили так тепло и дружески.

Примечания

¹ В армянском литературоведении к данной теме обращались Г. Овнан в первой части своей книги «Русско-армянские литературные связи в 19–20 вв.», проф. М. Айвазян в своей обширной статье «Чернышевский в среде астраханских армян», Р. Карапетян в книге «Н.Г. Чернышевский в истории армянской общественной жизни», К. Корганов в статье «Армянский автограф Чернышевского», К. Коркянян в статье «Чернышевский в Астрахани». Исследовав весь этот материал и дополнив его некоторыми другими источниками, в данном исследовании приведен наиболее полный обзор контактов Чернышевского с армянами Астрахани.

² Федоров К.М. Жизнь русских великих людей. Чернышевский. СПб, 1905

³ Следует отметить, что по сложившейся традиции поселившиеся в России армяне,

особенно те, кто получал образование в учебных заведениях страны, поступал на русскую службу или переходил в православие, из-за трудности произношения и написания либо сами русифицировали свои имена и фамилии, либо это делалось в официальных учреждениях. Общим признаком для так называемых русских армян являлась замена окончаний армянских фамилий «-янц» и «-ян» на «-ов». Именно так, например, Хачикян стал Хачиковым, Мелькумянц – Мелькумовым и т.д.

⁴ См. *Овнан Г.* Русско-армянские литературные связи в 19–20 веках. Ереван, 1960, кн. 1, С. 213. (на арм. языке)

⁵ *Чернышевская Н.* Летопись жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского. М., 1953. С. 522.

⁶ *Чернышевская Н.* Повесть о Чернышевском. М., 1986. С. 213

⁷ См. *Айвазян М.* Чернышевский в среде астраханских армян // Чернышевский и литература народов Советского Союза. Ереван, 1988. С. 302

⁸ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 15, М., 1950, С. 531.

⁹ Там же. С. 532

¹⁰ Там же. С. 506

¹¹ Там же. С. 615

¹² Там же. С. 643

¹³ Там же. С. 638

¹⁴ Там же. С. 643–644

¹⁵ Там же. С. 862

¹⁶ Там же. С. 863

¹⁷ Там же. С. 868–869

¹⁸ Там же. С. 873

¹⁹ Там же. С. 649

²⁰ Там же. С. 695

²¹ См. *Овнан Г.* Указ. соч. С. 223.

²² *Чернышевская Н.* Повесть о Чернышевском. Саратов, 1973. С. 213

²³ *Воспоминания Сукиасовой-Артемьевой о Чернышевском // Литературное наследство. Революционные демократы. Новые материалы.* М., 1959. С. 157–158

²⁴ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. 15. С. 534

²⁵ Там же. С. 654–655

²⁶ Там же. С. 867

²⁷ *Воспоминания Сукиасовой-Артемьевой о Чернышевском // Литературное наследство. Революционные демократы. Новые материалы.* М., 1959, с.159

²⁸ Там же. С. 160, 162

²⁹ *Чернышевская Н.* Повесть о Чернышевском. Саратов, 1973. С. 214

³⁰ Этот эпизод из жизни Чернышевского был включен и в книгу Н.М. Чернышевской «Повесть о Чернышевском». С. 314–315.

³¹ См. *М. Айвазян.* Указ. соч. С. 214–215

³² Там же.

³³ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. 15. С. 590

³⁴ Там же. С. 616

³⁵ Там же. С. 627

³⁶ К примеру, К. Ерымовский, считавший, что все отношения Чернышевского в Астрахани с армянами сводились к быту, «к условиям жизни писателя». См. *Ерымовский К.* «Чернышевский в Астрахани. Историко-биографический очерк». Астрахань, 1952. С. 156

³⁷ *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. Т. 15. С. 730

³⁸ Подробнее об этом см. *Овнан Г.* Указ. соч. С. 220–222.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В «ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ» ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ПОЛЕВОГО

«Николай Гаврилович Чернышевский родился в Саратове в 1828 году. Отец его, благочинный и протоиерей саратовского собора, был человек образованный, начитанный, знал языки: латинский, греческий и французский... Выучившись читать, Чернышевский весь углубился в книги, доставая их где только было возможно, причем не расставался с книгами даже за обедом и ужином. В 1842 году Чернышевский поступил в саратовскую семинарию. Здесь, удаляясь от игр товарищей, он продолжал дни и ночи сидеть за книгами...»¹.

Так начинается свой очерк об авторе романа «Что делать?» Петр Николаевич Полевой в некогда знаменитом, а теперь ставшем библиографической редкостью трехтомном сочинении «История русской словесности с древнейших времен до наших дней», выпущенном издательством А.Ф. Маркса в 1900 году. Оценочный взгляд Петра Полевого на себя со стороны – «самопишущая машина, которую кто-нибудь заведет, а она пишет что угодно: драму, повесть, историю, критику», – верен, конечно, лишь отчасти. Работая действительно в самых разных жанрах, сочиняя весьма яркие для своего времени исторические романы и пьесы («Государев креточник», «Братья-соперники», «Птичка-невеличка»), Полевой все же тяготел к написанию именно литературно-критических «историй». «Истории Полевого» – это своего рода устоявшееся сочетание для ценителей и бескомпромиссных оппонентов его творчества, для комментаторов старой школы, неровно дышащих к историческим нюансам литературного процесса. И правда, исторический уклон критического взгляда П.Н. Полевого очевиден. Одни только названия главных его трудов говорят сами за себя: «История русской литературы в очерках и биографиях» (СПб, 1871), «Очерки русской истории в памятниках быта» (СПб, 1879–1880), «История русской словесности с древнейших времен до наших дней» (СПб, 1900). Показательно в этом смысле высказывание замечательного советского литературоведа и библиографа Павла Наумовича Беркова, на страницах многотомной «Литературной энциклопедии» авторитетно заключавшего и выражавшего вполне устоявшееся мнение: «Компилятивные истории Полевого представляют рассчитанную на широкую обывательскую публику популяризацию историко-литературных знаний, не стоящую даже на уровне современной ему науки». И еще: «Для реакционных идейных позиций Полевого характерно его сожаление по поводу вольнолюбивых стихов Пушкина... О том же говорит полемика с Чернышевским...»².

Со временем идеологически окрашенная оценка литературно-критического наследия Петра Полевого не то чтобы изменилась, а скорее

нивелировалась в лучшем, каком-то исключительном случае лишь до упоминания его имени и основных – двух-трех – трудов. Редко кто из литературоведов ссылается теперь на ту же «Историю русской словесности...», поскольку Полевой не переиздавался у нас более века. Более века – то есть, по сути дела, никогда! Между тем сам взгляд историка литературы на процесс становления отечественного «художественного письма» может быть весьма интересен для дня сегодняшнего хотя бы потому только, что Петр Николаевич был либо современником тех, о ком вел речь, встречался со многими из героев своих «историй», либо же ощущал непосредственное их дыхание. Вот П.Н. Берков говорит об общем, если допустимо так сформулировать, идейно-эстетическом уклоне в пристрастиях и антипатиях критика: тут и восторжение Фетом, и «излишнее» внимание к представителям славянофильского движения (к тому же А.С. Хомякову), и неспособность различить главные звуки гражданской лиры Некрасова, и та самая «полемика» с Чернышевским... Но для Беркова, еще в 30-х годах 20 века, немыслимо вынести имя Петра Полевого – при всей его идеологической сомнительности – за скобки энциклопедий и справочников, не вспомнить вовсе о его трудах, послуживших, видимо, вполне для развития, как писал сам Петр Николаевич, «отечественного литературознания».

Попробуем же приглядеться чуть внимательнее к наиболее характерным, принципиально значимым для Полевого положениям его интерпретации идейного наследия Николая Гавриловича Чернышевского, к замечаниям и выводам критика, к его живым непосредственным наблюдениям, к выборке связанного с фигурой Чернышевского материала, к определению и пониманию той, наконец, роли, которую сыграл наш выдающийся земляк в истории русской словесности.

Итак, приведенная нами выше цитата, касающаяся необыкновенного внимания Чернышевского к книгам, свидетельствует уже о многом. Дело в том, что для Петра Николаевича, воспитывавшегося в писательской семье, с детства привыкшего обращаться с древними фолиантами, с томами, с журнальными выпусками, с подшивками газет, раннее пристрастие Чернышевского к чтению, вообще жадное восприятие «написанного пером» близко и понятно. Нельзя забывать, что автор «Истории русской словесности...» – сын известного писателя и журналиста Николая Полевого, редактора «Московского телеграфа», впервые, может быть, в русской критике обратившего внимание на социальную значимость литературного процесса. Как тут не вспомнить оценку самого Чернышевского, пронзительно назвавшего в своё время Полевого-отца «одним из предводителей в литературном и умственном движении... эпохи». Подвергая, впрочем, критике нравственно-идеологические постулаты Николая Алексеевича, прежде всего свойственный ему в конце жизни известный консерватизм суждений – вплоть до осуждения отличной от эстетики классицизма «новой», то есть романтической литературы, –

Чернышевский не идет на поводу у запальчивых оценщиков, готовых забыть и самого человека ради критической концепции. Вслушаемся, как уважительно говорит о Николае Полевом Чернышевский, с каким пониманием и сочувствием: «Последняя половина деятельности Н.А. Полевого нуждается в оправдании... пора снять пято с памяти человека, который, действуя в последние годы ошибочно, мог быть противником литературного развития и подвергаться за то в свое время справедливым укоризнам... но теперь должно признаться: он справедливо говорил о себе, что всегда был человеком честным и желавшим добра литературе...»³. Критик Чернышевский и гуманист Чернышевский здесь нераздельны!

К слову, «журналистика» и «общественное мнение» – это определения, сформулированные именно Николаем Алексеевичем Полевым. Так что книжная атмосфера роднит Петра Полевого и персонажа его очерка, сближает их непосредственно. Тонкости сложнейших взаимоотношений литератора с действительностью, причем зачастую трагически напряженных, были известны и Чернышевскому и Полевому не понаслышке. Отсюда же, вероятно, и интерес автора «Истории русской словесности...» к Чернышевскому-языковеду, к лингвистическому таланту Николая Гавриловича. «В течение университетского курса, – замечает Полевой, – Чернышевский, кроме всех прочих факультетских предметов, занимался изучением славянских наречий под руководством И.И. Срезневского, который приблизил его к себе и внушил составить словарь к Ипатьевской летописи...» (С. 597).

Просто для размышлений. В музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского проходила выставка «Вначале было слово...», посвященная феному словаря в различных его конкретных воплощениях. И особый интерес посетителей вызывали комментарии лекторов, касавшиеся как раз лексикографических устремлений Н.Г. Чернышевского и, в особенности, его работы над Ипатьевской летописью. То есть, получается, в акцентах Полевого угадано некое современное наше представление о писателе-энциклопедисте, нечаянно различен нынешний угол зрения, когда на передний план выходит весьма любопытная, широкая для интерпретаций проблема – Чернышевский и письменное слово. А следовательно – Чернышевский и гуманизм русской письменности.

Интересно сопоставить, кстати, темы магистерских диссертаций Петра Полевого и Николая Чернышевского: «Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской» и «Эстетические отношения искусства к действительности». Общего тут больше, чем может показаться на первый взгляд. Однако же приведем принципиальные возражения Полевого некоторым тезисам диссертации Чернышевского. «Существенная ошибка заключается в том, – обосновывает Петр Николаевич свои претензии к философско-эстетической позиции оппонента, – что Чернышевский совершенно упустил из вида главную

основу искусства: тот восторг, который, овладевая художником, побуждает его к творчеству и затем через произведение передается читателю... Отождествление искусства с наукой и обречение его на служебную роль воспроизведения действительности... вывело и критику из роли ценительницы художественных произведений, какую исполняла она под пером Белинского. По теории Чернышевского, критик, убедившись, что действительность изображена в произведении верно, должен ограничиться анализом изображенных фактов жизни, так что в конце концов критика является рядом публицистических трактатов, в которых жизнь изучается по художественным произведениям, подобно тому, как анатомии учат по атласам» (С. 599–600).

Блестяще сказано! И весьма симптоматично для Полевого. Взывая к авторитету великого критика, Петр Николаевич неловко пытается отъединить критическую методу Чернышевского от школы Белинского, и слово «действительность» становится для него здесь ключевым. Петр Николаевич никак не мог смириться с тем, что «явления действительности – золотой слиток... произведения искусства – банковый билет...»⁴. Увлекаясь опровержением доводов Чернышевского, захватывая в союзники самого Белинского, он как будто бы забывает про известную пушкинскую формулу «поэт действительности»⁵, увенчавшую боевое критическое знамя «неистового Виссариона». Тогда как расширительное определение поэзия действительности относится, разумеется, к творчеству и собственно к критике Чернышевского ничуть не в меньшей мере, чем к письму Тургенева или Гончарова (« – Да ты поэт, Илья!» – восклицает у Гончарова Штольц. « – Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия...» – отвечает Обломов⁶. А в «Что делать?» читаем: «Звучат слова поэта и возникает картина»⁷.

Парадокс в том, что видя в искусстве прежде всего средство и способ для получения эстетического наслаждения, Полевой ничуть не приближается к критическим вершинам Белинского, не заглядывает вместе с ним в будущее, оставаясь в рамках былой, в каком-то смысле рудиментарной литературно-критической традиции. Рассуждая таким образом, более того, Петр Николаевич выказывает гораздо более консервативный взгляд на вещи, нежели его отец когда-то. И в то же время он безошибочно определяет главный нерв и едва ли не главную болевую точку творческой судьбы автора «Что делать?» – осознанный выбор действия, производимого художественным словом. Словом, которое приравнивается к поступку. Для Полевого, среди слов и ради слов живущего, взаимопроникновение жизни и словесного искусства неприемлемо. Слово для него первично, а связанные с ним рефлексии в любом случае и всегда – повторы. «Поэзия и действительность» – вот его концептуальный подход.

Отсюда, возможно, двойкий взгляд на природу таланта Чернышевского: «художественный критик и журналист», с одной стороны, а с другой, – «блестящий публицист», сделавшийся «популярнейшим человеком в

обществе». Полевой даже использует по отношению к Чернышевскому термин «публицистическая критика», причем именно Николай Гаврилович становится в России «ее инициатором» (С. 601), вызвав к жизни феномен Добролюбова и уступив ему место пылкого трибуна. Вместе с тем в «Истории русской словесности...» прямо говорится о масштабе критического таланта Чернышевского. «Как на наиболее выдающиеся критические и историко-литературные статьи его, — замечает автор, — укажем на следующие: «Очерки гоголевского периода» — ряд статей в «Современнике» за 1856 год, посвященных характеристике Белинского; «Лессинг и его время» — в «Современнике» за 1857 год; «О губернских очерках Щедрина» — в «Современнике» 1858 года; «Русский человек на рандеву», по поводу повести Тургенева «Ася» — в «Атенее», 1858 год...» (С. 601).

Итак, два этапа творческого становления Николая Гавриловича, сообразно с этим разделением, выделяет Полевой: до и после 1858 года. Причем «второй этап» венчается, по Полевому, созданием романа «Что делать?», «произведшим в свое время большую сенсацию в некоторых слоях общества, особенно среди молодежи». (С. 602). Уделяя внимание, в том числе и экономическим статьям Николая Гавриловича, ежемесячно появляющимся на страницах «Современника» (например, «Критика философских предубеждений против общинного владения» или «О необходимости держаться умеренных цифр при определении величины выкупа»), Полевой ни словом, практически, не обмолвливается о романе «Что делать?», не характеризует его никак. Цензура, конечно, цензурой, но никакие цензорские ножницы не могли бы помешать автору «Истории...» как следует раскритиковать роман, показать художественную его несостоятельность, ставшую итогом, допустим, излишнего политического уклона. Кто-кто, а Полевой-то уж мог бы, как он это умел, в нескольких предложениях всего обозначить «односторонность тенденции». И здесь можно предположить следующие причины такого вот вопиющего, с нашей точки зрения, умолчания. Во-первых, хоть сколько-нибудь обстоятельный разговор об опальном романе предполагал бы автоматическое его включение в современный для Полевого литературный процесс, признание его официальных, с позволения сказать, прав на читательское и, в особенности, на критическое осмысление, на что Полевой, видимо, никак не решался. Даже сама публикация «Что делать?» в 3-5 номерах «Современника» за 1863 год остается для него темой внутренне табуированной. Очерк о Чернышевском писался спустя всего несколько лет после смерти Николая Гавриловича, наступившей, как уточняет историк литературы, «в родном городе, от кровоизлияния в мозг, в ночь на 17 октября 1889 года» (С. 598). Петр Полевой и Николай Чернышевский, относясь к разным, конечно, поколениям, не были разделены эпохой, дышали одним литературным воздухом, и Петр Николаевич, отдавая должную дань Чернышевскому, все-таки предпочитал несколько от него дистанцироваться.

Во-вторых, Петр Полевой, как можно догадаться по его мимобежной реплике относительно влияния Чернышевского в целом на общественно-политическую жизнь в России, на «экономические реформы и административные сферы, в которых решался крестьянский вопрос» (С. 602), имел, вероятнее всего, свой личный взгляд на роман, делиться которым считал до поры преждевременным. Оценка истории еще не была вынесена, а «опереживать историю» Полевой никогда не стремился.

Работая, как бы мы сейчас сказали, в биографическом жанре, Петр Николаевич был зорек к деталям – иногда в ущерб общей целостности картины. Вот Чернышевский, совсем еще маленьким мальчиком, играет со своей любимой двоюродной сестрой Любовью Николаевной, вот он становится «первым учеником в классе по прилежанию и поведению», а теперь уже Николай Гаврилович «в Саратове, на месте учителя гимназии» (С. 597), Чернышевский сдает магистерский экзамен, после же пишет в «Современник» и редактирует «Военный сборник», а теперь уже его здоровье разрушает «жестокий климат Астрахани» (С. 598)... Излагая факты биографии в присущей только ему художественно-калейдоскопичной манере, Полевой добивается создания особой повествовательной интонации. «История русской словесности...» вряд ли претендует на роль учебника, энциклопедией назвать труд Полевого тоже не представляется возможным. Живая разговорная интонация автора говорит, скорее, о том, что перед нами записи лекций, прочитанных в непринужденном стиле, без назидания, без упора на исчерпывающую информативность, но направленных на популяризацию – в положительном смысле! – литературной сферы и по своему неповторимых. Не случайно же кафедры Петербургского и Варшавского университетов были хорошо знакомы Петру Полевому.

Какой же, в итоге, образ – именно образ, как в художественном произведении, – создает Полевой, рассказывая историю жизни Николая Гавриловича Чернышевского? Перед нами человек, прежде всего, одаренный и устремленный к цели, ценитель письменного слова, ревнитель книги. По Полевому, Чернышевский направляет литературу на прямое служение жизни, делает это бесстрашно и безоглядно, создавая почву для рождения добролюбивского гения. Николай Гаврилович неразделен с миром литературных и газетных редакций, он возводит публицистику в род искусства, сопутствуя общественно-экономическим и политическим переменам в России. В то же время автор «Что делать?», категорически отвергая «чистое искусство», впадает в крайность, утверждая, что цель творчества – воспроизведение действительности и разъяснение ее всесторонних явлений. Подобная ограниченность мешает Чернышевскому развиваться в полной мере как литературному критику и, собственно, писателю, поскольку он отводит литературе служебную роль. Долгие годы, проведенные в ссылке, лишают Чернышевского возможности участвовать в литературном процессе, бурно развивающемся, а когда Николай Гаврилович возвращается, то понимает, что прежнего места в литературе ему уже не

занять никогда – у нового поколения появились новые кумиры... На ключевой вопрос (а именно, каково место романа «Что делать?» в русской литературе XIX века?) Полевой, издающий свою «Историю...» на рубеже века XX, уклончиво не отвечает, признавая лишь, что в свое время роман повлиял на молодые, неокрепшие умы.

И все же, несмотря на очевидные «непрорисованные» места, Петру Полевому удастся увидеть «своего» Чернышевского, сделавшего трагический выбор в пользу действия и в пользу самой действительности. Выбор, хотелось бы заметить, неприемлемый для Петра Полевого, но ставший определяющим для русской литературы в целом.

Примечания

1 Полевой П.Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: В 3 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 597. Далее статья П.Н. Полевого о Н. Г. Чернышевском будет цитироваться по этому изданию с указанием страницы.

2 Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1935. Т. 9. С. 71.

3 Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 1974. С. 208.

4 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т.2. М., 1939–1953. С. 64.

5 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 110.

6 Гончаров И.А. Обломов. М., 1990. С. 160.

7 Чернышевский Н.Г. Что делать? (Библиотека всемирной литературы). М., 1969. С. 345.

Н. Ю. Кравченко

ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Понимание гражданственности может отслеживаться через деятельность индивида (служение обществу), его биографию, публично высказывание гражданской позиции. В методологическом плане это можно представить как схему: «делает, думает, чувствует». Сложные социальные реалии и взаимодействия приводят к неизбежным выражениям в переменах идентичности индивидов, и, как следствие, в настоящее время мы часто сталкиваемся с явлением неконгруэнтности дел, мыслей и чувств. Например, граждане выступают публично, демонстрируя свою гражданскую позицию, и при этом практикуют коррупционные, антигражданские практики.

Цель данного сообщения – показать особое понимание гражданственности Н.Г. Чернышевского, проявляющуюся не только в его публицистических трудах, но и в писательской деятельности и в биографии.

Проследим данное служение по нескольким направлениям. В первую очередь, в публицистической деятельности, в писательской деятельности и фактах жизненной биографии.

Гражданское общество, о неразвитости, или вообще об отсутствии которого в современной России так много сегодня говорится, может функционировать лишь при условии наличия в структуре его информационных коммуникаций «продуктов гражданской деятельности» людей. К подобным продуктам относят публицистику, которая в открытой форме выражает ту или иную гражданскую позицию. Демократичность, действенность, общественно-активный характер передовой русской общественной мысли XIX в. обеспечили ее тесную связь с публицистикой.

Публицистика представляет собой особую форму освоения мира, где субъект познания – «социальный человек», а в качестве главного «когнитивного» ключа» выступает «социальное Я», которое предполагает не только сознание (по А.И. Герцену), но и активную гражданскую позицию.

Социальный человек, будучи субъектом социальных отношений и социальной деятельности, сам в свою очередь является главным объектом публицистики.

Человеку, как объекту публицистики, свойственно меняться и эволюционировать вместе с меняющейся интерпретацией его социальной роли. Например, если в средние века, новое время человек идентифицировался, прежде всего, через политико-экономическое образование (полис, город, община) или в категориях социальной иерархии, то в следующие эпохи, он все больше выступал как личность.

Одной из фундаментальных функций публицистики является информационно-коммуникативная функция. Императивность публицистики позволяет ей решать злободневные социальные вопросы и выступать в качестве связующего начала индивидов в обществе¹.

Гражданская публицистика в России XIX в. была средоточием передовых общественных воззрений, а Н.Г. Чернышевский – одной из наиболее ярких ее фигур.

Став лидером журнала «Современник», Чернышевский превратил это издание в орган самого прогрессивного в стране идейного направления.

В своих работах Чернышевский затрагивал различные проблемы философии, политэкономии, социологии, литературоведения, но при этом всегда оставался, прежде всего, гражданским публицистом, со свойственной ему ироничной, иносказательной, нередко излишне пространной, манерой изложения.

Доминантой социальной жизни Чернышевского явилось «свободное служение» обществу через публицистику. Его гражданская идентичность определялась именно публицистической и просветительской деятельностью. И в этой своей деятельности он прошел свой путь до конца. Именно это фанатичное служение и привело его, в конечном счете, на царскую каторгу, а сначала – в Петербург на Мытнинскую площадь, где над ним был совершен,

по сути, средневековый обряд гражданской казни. Публичность и некая театральность этой церемонии, с опущением на колени, с приковыванием к позорному столбу и ломанием шпаги (сабли) над головой были весьма символичны. Чернышевский-гражданин с табличкой «Государственный преступник» бросил вызов государству от лица нарождающегося гражданского общества России. Это явилось, пусть и не добровольным, но высшим проявлением его гражданской и личной позиции. Гражданственность Чернышевского и его гражданская идентичность выразились, таким образом, не только в его творческой деятельности, но и в факте жизненной биографии.

Будучи, в первую очередь публицистом, Чернышевский всегда придавал большое значение художественной литературе, видя в ней силу, которая в определенный исторический период может быть единственной силой, развивающей самосознание нации. То, что многими его романы воспринимались как глумление над изящной словесностью, Чернышевского особенно не волновало. «У меня нет ни тени художественного таланта»,² – признавал он. По его ироничному выражению, он писал романы, «как мастеровой бьет камни на шоссе»³.

Действительно, Чернышевский, как отмечают исследователи, никогда не стремился быть художественным писателем, равно как и оригинальным мыслителем. Как философ и романист он был представлен уже только в советском дискурсе. Чернышевский – прежде всего публицист и просветитель, основная задача которого – просвещать и воспитывать, главным образом, с помощью публицистики. Публицистикой являлись его научно-популярные статьи, литературная критика. Публицистикой, в конечном счете, явилось и его главное произведение «Что делать?»⁴.

В свойственной ему откровенно безапелляционной, ироничной манере Чернышевский выступал за то, чтобы новые люди ощутили себя личностями, способными преобразовывать действительность. Ирония, будучи одной из сторон мировоззренческой позиции автора, помогала ему всесторонне отражать духовный мир своих героев, являясь способом эстетико-философской оценки важнейших проблем эпохи 60-х гг. XIX в.⁵

Своеобразное чувство юмора Чернышевского не раз отмечали и его современники. По воспоминаниям Л.Ф. Пантелеева, «еще до ссылки даже люди, хорошо знавшие Н. Г. [Чернышевского], не всегда могли отличить, когда он шутил, когда говорил серьезно»⁶.

В глазах отечественной литературной аристократии Чернышевский и его единомышленники, по собственному описанию Николая Гавриловича, выглядели следующим образом: «исхудалые, зеленые, с блуждающими глазами, с искривленными злобной улыбкой ненависти устами, с немывыми руками... небритые юноши», отвергающие все, все⁷.

Страстную критику Чернышевского («Русский человек на rendez-vous» (1858), «Суеверие и правила логики» (1859), «История цивилизации в Европе...» (1860), «Политико-экономические письма к президенту

Американских Соединенных Штатов Г.К. Кэри» (1861), «Письма без адреса» (1862)) вызывали «пустые панегиристы» буржуазного Запада, равно как и отечественные либералы. Чернышевский критиковал любую форму национального самодовольства, его патриотизм был чужд всякой национальной ограниченности.

Идейно-теоретические столкновения взглядов либералов и демократов на ход исторического развития России нашли свое выражение в статье Чернышевского «Чичерин как публицист» (1859), опубликованной в «Современнике». Она стала результатом полемики между Чернышевским и Б.Н. Чичериным, выпустившим сборник «Очерки Англии и Франции» (1858).

«Так при анархическом разгуле свободы общество воздвигает над собою власть, — пишет Чернышевский, — которая стесняет деятельность граждан даже в самых умеренных ее проявлениях, и, наоборот, когда рука сдерживающей власти чувствуется слишком сильно, общество естественно видит себе спасение только в возможно большем ограничении ведомства правительственных органов». Он отмечает, что в России «гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сих пор не обсуждались гласно». «Там, где граждане не принимают живого участия в общественных делах, неизбежно, — признает он, — господствует односторонность взглядов, и это ведет иногда к прискорбным явлениям».

А дальше Чернышевский говорит о том, каково должно быть подлинное гражданское общество, противопоставляя демократию бюрократии: каждый гражданин в нем должен быть «независим в делах, касающихся только до него одного; каждое село и каждый город независимы в делах, касающихся его одного; каждая область — в своих делах»⁸.

Здесь взгляды Чернышевского перекликаются со взглядами А. Гумбольдта, Ф. Гизо, И. Канта, А. Токвиля, в основе которых лежало представление о гражданском обществе как неполитической сфере социума, противостоящей государству, включающей различные общественные институты и организации, свободной от произвола властей и государственной бюрократии.

Пристальное внимание Чернышевский уделял российской общине, рассматривая ее как своеобразный противовес государству и институт гражданского общества. Как и у Герцена, община у Чернышевского — это проявление и выражение «подлинного», «естественного» бытия человека, носитель социалистического начала, а русского мужика он оценивал как стихийного «революционера» и «социалиста» («Обзор исторического развития сельской общины в России», «Русская беседа» и ее направление» (1856), «Ответ на замечание Г. Провинциала» (1857), «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858) и др.).

Достоинство общинного поземельного владения Чернышевский видел в отсутствии всякой власти, во внутреннем регулировании, дающем

независимость частным лицам, благоприятствующее развитию прямоты характера и качеств, нужных для гражданина. Внутриобщинное регулирование поддерживается и охраняется силами самого общества и потому самодостаточно и более разумно, чем правительственная регламентация («Экономическая деятельность и законодательство» (1859)).

Резко критикуя крепостническую систему хозяйствования «О земле как элементе богатства» (1854), «О поземельной собственности» (1857), Чернышевский в качестве наилучшей формы земельной собственности выделял ту, которая могла бы соединить собственника и работника, земледельца и землевладельца в одном лице. Отказывая в историческом значении частной собственности, он считал ее разрушительной силой, обогащающей лишь немногих и порабощающей большинство. Институт же частной собственности и принцип наследственности возникли в истории, по мнению Чернышевского, лишь в силу недостатка у людей здравого экономического расчета («Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля» (1861)).

Формулируя концепцию общинного социализма с его центральным гражданским институтом – общиной, Чернышевский в то же время выступал и против мистической апологии общины славянофилами. Общинное устройство, по его мнению, – не прирожденная черта русской национальности, а общая черта человеческой принадлежности известного периода в жизни каждого народа. «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, – считал он, – потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития»⁹.

Однако, как и Герцен, Чернышевский придерживался идеи «избегания» Россией стадии капиталистического развития, надеясь на прямой переход (через общину и крестьянские выступления) к социализму. Признавая позитивную необходимость трансформации российского общества на социалистических началах, Чернышевский одновременно в известной степени не мог не идеализировать и потенциальную роль сильной российской государственности в этом процессе. Впоследствии эти его идеи легли в основу движения народников и соответствующего социально-философского течения русской мысли.

В основе воспитания человека по Чернышевскому должен лежать антропологический подход («Антропологический принцип в философии» (1860))¹⁰, поскольку человек, будучи высшим созданием природы, является изменчивым существом, деятельность и воспитание которого обусловлены, прежде всего, социальной средой. На формирование личности воздействуют самые разнообразные общественные факторы и институты. Социальные перемены оказывают влияние на характер целых народов и их отдельных представителей. Ведущее же свойство человека, по мнению Чернышевского, – гражданская активность, формирующая новых людей и избавляющая общество от лишних.

«Лишний человек» у Чернышевского может эволюционировать в двух направлениях: в сторону социального протеста, радикальных настроений и действий, и – в сторону индивидуалистической ограниченности, отказа от активных практических действий, превращения в обывателя и обычного либерала.

Роман «Что делать?» наполнен жизненной активностью, призывами к действиям, деятельному, освобождающему человека труду. В романе-утопии представлен демократический рай, показанный через историю освобождения женщины и любви. Свобода у Чернышевского – главный атрибут будущего гражданского общества. «Что делать?» можно назвать публицистическим памфлетом и сатирой, единственной русской утопией, воплотившейся в жизнь.

«Что делать?» и сон Веры Павловны в определенной мере предвосхитили будущее устройство России в советскую эпоху. Ликвидация частной собственности, обязательный коллективный труд и всемерная государственная регламентация из ироничной утопии стали жуткой реальностью.

Хотя, публицист, просветитель, историк-утопист и сторонник эволюционного и мирного перехода к социализму,¹¹ Чернышевский, не являвшийся автором приписываемой ему прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», делая ставку на «серые зипуны» Достоевского, не звал никогда Россию к топору. Пусть и несколько наивно, но он видел в новой России саморегулируемую, свободную от всякой бюрократии, крестьянскую общину, местное представительное управление и самоуправление, независимый суд, ограничение самодержавия, справедливое управление на основе разумных законов.

«Разрушая иронией современную ему действительность, Чернышевский не пытается уйти в мир иллюзий, в свой, понятный и близкий только ему одному, идеальный мир, спрятавшись от старого. Он создает свою действительность, свою модель нового мира, где иронии уделено значительное место. Ирония позволяет писателю воспроизводить реальный мир как нереальный, а в идеальном видеть ростки реального мира»¹².

Гражданская активность Чернышевского наиболее выразилась в его произведениях – насмешливо-утопичных, саркастически-острых, искренних и злободневных.

Ратуя не за социальную, а за антропологическую революцию, Чернышевский все бунты считал лишними и кровавыми, уменьшающими количество талантливых и «полезных» людей. И представления о прекрасном у него были антропологическими: отлично то, что здорово, свежо и вкусно. А в эпоху безвременья, по его мнению, нужно делать, прежде всего, себя самого – читая умные книжки, отдыхая на гвоздях. В этом случае, как пишет современный писатель Д. Быков, «общественный строй переменится сам собой. Ведь он держится не на силе государственной

машины, а на слабости подавляемых; не на мощи власти, а на трусости подданных»¹³.

Пока же все наши российские попытки, часто кровавые, вырваться из «четвертого сна Веры Павловны» нужно признать безуспешными.

Мы еще не научились идентифицировать себя по принципу «Я – Другой». Другой, по-прежнему воспринимается как потенциальный или реальный враг, причем часто только по цвету кожи или разрезу глаз. Таким Другим был для многих его современников и Чернышевский – самоучка, сам себя сделавший, антропологический индивидуалист, бесповоротно порвавший с религией, с традициями гуманизма, выше которых он поставил здравый смысл. Гражданственность Н.Г. Чернышевского – это гражданственность слитных, неотделимых дел, мыслей и чувств. Она подтверждается всем делом его жизни, его биографией, проявляется в непрерывном процессе «свободного служения» обществу. Это активная гражданская позиция гражданина, а не подданного.

Гражданское общество в современной России, как и в России Чернышевского, еще отсутствует, а, следовательно, публицистическое, художественное наследие и вся его жизнь как пример активного служения отечеству по-прежнему актуальны.

Примечания

¹ См.: Полонский А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 11. Вып. 1. С. 56–61.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., Т. XI. С. 11.

³ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. XII. С. 682.

⁴ Сахаров В.И. Побег в утопию. Перечитывая «Что делать?» Чернышевского. [Электронный ресурс] // Архив Всеволода Сахарова – URL: <http://archvs.org/chern.htm> (дата обращения: 18.10.2013).

⁵ См. Межебовская В.В. Ирония как философско-эстетическая категория в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать». Автореф.: дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2000.

⁶ Там же.

⁷ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 472. Об иронии Чернышевского см.: Лазерсон Б.И. Ирония в публицистике Н.Г. Чернышевского / Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958. Вып. 1.

⁸ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. X. С. 185.

⁹ См.: Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. V. С. 644–669.

¹⁰ Там же. С. 362.

¹¹ Межебовская В.В. Указ. соч.

¹² См.: Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии / Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. М., 1951. Т. 3. С. 247–249.

¹³ Быков Д. Тайна Чернышевского // Дилетант. 2012. № 1. С. 92.

МОЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Слово Николая Гавриловича Чернышевского воздействует на сердца и умы людей уже более полутора веков и будет еще века побуждать человечество к прогрессу, пока оно не построит общество, путеводной нитью к которому ведет честная, правдивая, ясная мысль этого человека мира.

Труды Николая Гавриловича исследуются учеными разных квалификаций и направлений, в основном филологами, педагогами, философами, историками, социологами. По отдельным вопросам высказывают свое мнение экономисты, политологи, юристы, даже химики, например, об упомянутом в «Что делать?» металле алюминии; медикам не безынтересно здоровье Рахметова, занимающегося йогой, которая сейчас весьма распространена, финансисты изучают взгляд писателя на вексельное дело Лоренса и т. д. Поэтому Николай Гаврилович наделен авторами множеством титулов, обозначающих как бы разносторонность его натуры: революционер-демократ, писатель-романист, философ, обладающий пророческими данными, публицист, критик, языковед-словарник, историк. На сегодняшний день в мире не было, и нет похожей столь титулованной личности.

Однако в истоках творчества Николая Гавриловича лежит не разносторонность, а, наоборот, дарованное всевышним могущественное единство его натуры (могучий духовный разум), применительным принципом которого для Николая Гавриловича было триединство честности, добросовестности и справедливости. Он не отступал от данного принципа, и в этом – его подвиг перед человечеством. Именно это и позволило ему передать людям мысль, актуальную на все времена.

С начала XXI века активно развивается научное направление, именуемое экономической политологией. Его называют новым, но на самом деле это только новые формы давно открытого треугольника, по которому, спиралевидно развиваясь, движется человечество: экономика – политика – право. Политика – концентрированное выражение экономики, право – концентрированное выражение политики, право воздействует на экономику, так как любые экономические преобразования совершаются правовым путем. И в этом новом направлении индикатором уверенности служит указание Николая Гавриловича на главнейшую роль правительства в развитии экономики, правительство обязано «удалять от народной жизни все препятствия действию экономических принципов»¹. За такие высказывания он подвергался многочисленной, даже насмешливой критике (не дело, мол, писателю указывать правительству, как вести дела). Но, такими высказываниями Николай Гаврилович еще 150 лет назад определил необходимость единства экономики и политики. Этим в настоящее время и

занимается наука экономическая политология, разрабатывающая формы и виды государственно-частного партнерства – наука об общих закономерностях отношений бизнеса с государством и обществом.

Как экономист Николай Гаврилович на примере работы мастерской Веры Павловны первым в мире показал и разъяснил, как на реальной основе может быть построено производство, базирующееся не на эксплуатации наемного труда, не на угнетении и подавлении человека, а на принципах равенства, взаимоуважения. За это автора называли утопистом. Но он не был утопистом. Он предвосхитил разрешение основного противоречия капитализма – общественной формы труда и частного способа присвоения.

В произведении «Что делать?» описаны две разновидности новой хозяйственной системы. Одна из них – маленькая коммуна, основана на совмещении производственного предприятия с домашним хозяйством. Здесь мы видим, как объединение средств и усилий работников создает экономию, сокращает материальные затраты и освобождает время для творческих занятий. Жизнеустройство по такому типу было широко распространено среди писателей, художников, музыкантов, будущих ученых. Такими коммунарами были «могучая кучка» композитора М.П. Мусоргского, товарищество передвижных художественных выставок И.Е. Репина.

Другая разновидность хозяйственной системы – производственная артель, кооперация с целью получения прибыли. По такому типу организованы швейные мастерские Веры Павловны, в которых сама она первоначально являлась менеджером производства. И другие понятия современной экономической теории применимы к бизнесу Веры Павловны: маркетинг, бухгалтер, аудит – все эти производственные действия пояснены в романе.

В период 1860–1870 годов, описанный в «Что делать?» тип жизнеустройства и производственного предприятия уже существовал и в литературе, и в жизни, но книга породила традицию, после публикации романа это движение стало массовым в немногочисленной социальной группе интеллигенции того времени².

Спустя 100 лет, в период 1970–1980 годов, в Западной Европе зародилось аналогичное движение под названием «альтернативный проект». Например, в Западной Германии было 12 тысяч таких коллективов, в них работало 80 тысяч человек. Участники движения хотели установить новые формы совместной жизни и работы в самоуправляемых коллективах. На базе западных ценностей они хотели утвердить такие, как общение, солидарность, самовыражение, творчество. Хотели создать социально целесообразные предприятия, в них все доходы должны были стать общим достоянием, никто индивидуально не должен извлекать прибыль для себя.

И мастерские Веры Павловны, и «альтернативный проект» были ликвидированы государственными структурами: мастерские прикрыты полицией, а движение «проектантов» – обескровлено и сведено на нет средствами манипуляции сознанием и экономическим прессингом³.

Современный Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает организационно-правовые формы для осуществления подобных проектов. Это хозяйственные товарищества, объединяющие индивидуальных предпринимателей как равноправных членов, производственные кооперативы (артели), потребительские кооперативы. Но насколько в их деятельности осуществлены эти проекты, данных не опубликовано, очевидно, что никто не занимался рассмотрением этого вопроса.

В статье «Кредитное дело» (1861 год) Николай Гаврилович подробно описал и подверг критике построение финансовых пирамид. Некто господин Лоренс в течение 11 лет выпускал векселя (форма договора займа), возвращая долг заемщикам деньгами, взятыми под вексель у новых вкладчиков. Такое мошенничество (типа пирамиды Мавроди) подрывает финансовую систему государства – указывал писатель. Это действительно так. Но мало, кто из нас разобрался и знает, что на сегодняшний день глобальная экономика – это финансовая экономика, построенная на деньгах и ценных бумагах, которых выпущено в 10 раз больше обеспечиваемого их натурального продукта. И далее продолжают выпускаться в различных модификациях ценные бумаги на ценных бумагах (производные финансовые инструменты). Их становится все больше и больше, растет и растет этот финансовый «мыльный пузырь», и конечно же лопается, когда предъявляются требования об оплате ценных бумаг натуральным продуктом. Но продукта-то нет – и все производные финансовые инструменты враз обесцениваются. Так наступает экономический кризис, когда мелкие и средние собственники разоряются, а крупные снимают куш. Так построена мировая экономика: не развитием естественного производства, а возведением финансовых пирамид. И у нас в Москве в 2015 году намечается открытие Мирового финансового центра, потому что, если уж вступили, то должны идти достойно в системе капитализма, хоть на заклятие, но идти.

Как социолог Николай Гаврилович в романе «Что делать?» пояснил нам, кто такие новые люди, появляющиеся с развитием новой экономической формации, которых сначала единицы и они уйдут, потом появится больше, потом их будет очень-очень много, но они исчезнут совсем. Очевидно – это предвидение пророческого дара Николая Гавриловича, потому что оно соответствует эпохальным преобразованиям в нашей стране. И очевидно, что новые люди – это поколение комсомольцев 20-40 годов, это мы, так как нам от родителей передавалось, что быть честным, справедливым, добросовестным, искренним, служить Родине, делу – это единственно правильный жизненный путь.

Но с перестройкой общества, отсутствием общепризнанной идеологии, все более и более нас окружает всепобеждающее невежество: дилетантство специалистов, клевета, зависть, стремление любым путем к наживе за счет других, потому что честным путем капитал не заработать, только – на

пропитание-проживание. А миром правит капитал, деньги на деньгах, при этом деньги не зарабатываются – деньги делаются. И спекулянт ныне – не преступник, а требующая уважения доходная профессия. Соответственно переворачиваются и наши нравственные начала, потому что человек живет так, как им управляют: сказали, что это преступно – значит нельзя; сказали, что теперь это престижно – значит, будем стараться. Вот и пришлось нашему поколению выбирать дважды.

В девяностых годах выбирали: или быть вором, расхитителем, но стать богатым; или оставаться собой и быть бедным. Хотя, в то время, неосознанно вступая в капитализм, еще не понимали суть такого деления, потому что наши родители и мы родились, росли и жили с осознанием того, что, как выразил советский поэт Мартынов, «...мы не богачи, не бедняки. Мы те, которых не бывало прежде. И собственные ярлыки вы к нашей не привесите одежде». А вот привесили, и теперь выбираем: или «с волками жить – по-волчьи выть», то есть быть в системе; или оставаться собой и стать не нужным, следовательно, выброшенным из жизни бегущими по волчьей тропе капитализма. «Что лучше – быть богатым и здоровым или бедным и больным?» Вот и выживаем, утрачивая душевные и духовные качества. А по пророчеству – и совсем уйдем как не соответствующие общественно-экономической формации капитализма.

Как правовед Николай Гаврилович обнажил пороки правосудия: «дела ведутся деньгами и деньгами», а иные дела «ведутся большими и большими деньгами и тянутся очень долго и, вытянув много денег, кончаются совершенно ничем»⁴.

Николай Гаврилович ратовал за учреждение в России суда присяжных как самого естественного и справедливого суда. Ныне в системе российской уголовной юстиции работают суды присяжных, и, что символично, одним из первых такой суд был введен в Саратовской области – на родине писателя.

В трудах Николая Гавриловича содержатся размышления об источниках и состоянии преступности. Например, взяточничество он пояснял как «старый обычай, тесно связанный со многими другими обычаями, столь же важными и вредными, с многими коренными понятиями о жизни, еще преобладающими в невежественной массе, от нравов которой, как бы гордо ни смотрели мы на нее, зависит все»⁵. Такое пояснение соответствует теории уголовного права о причинах преступности – они созревают в общественной среде. Но это тема другого долгого разговора.

Примечания

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 106.

² Егоров О.Г. Идеал и действительность в жизни «новых людей» в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Литература в школе. 2011. № 10. С. 8–10.

³ Зиновьев А.А. Запад. М., 2000. С. 252.

⁴ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1969. С. 148.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 682.

ВЛИЯНИЕ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ Л. А. ТИХОМИРОВА

Л. А. Тихомиров (1852–1923) – известный русский революционер, ставший во второй половине жизни ведущим идеологом консервативного направления. Для всестороннего исследования формирования его мировоззрения очень важно изучить влияние на него гимназического образования. Его отец, Александр Александрович Тихомиров, происходя из старинного рода священнослужителей, закончил духовную семинарию, стал военным врачом, до конца жизни оставаясь убежденным консерватором и монархистом. Мать Тихомирова, Христина Николаевна, отличалась религиозным фанатизмом, проводя великий пост на хлебе и воде, из-за чего чуть не лишилась жизни¹. Ее зять, врач Савицкий, оказавший определенное влияние на Тихомирова, был человеком пореформенного типа, начитанным, сторонником освобождения крестьян, отчасти одобрял А.И. Герцена². Однако и он строго придерживался консервативных взглядов. В семье Тихомировых было четверо детей, которых обучали дома грамматике, письму, закону Божьему, не организовав, однако, изучения иностранных языков. «И отец, и мать, – подчеркивал Тихомиров, – относились к книгам с преувеличенным доверием, и полагали, что никакая книга не повредит, что хорошее останется, а дурное само отскочит. Они не знали еще, как могуча книга в прививке именно дурного и как много она подорвет из того, что выращивало в нас их воспитание»³. В памяти маленького Тихомирова, жившего в Новороссийске, запечатлелась акция правительства по насильственному выселению горцев с Западного Кавказа, большая часть из которых была изгнана в Турцию и за реку Кубань, меньшая – погибла во время переселения: «все самые горячие годы изгнания горцев прошли, таким образом, пред нашими глазами»⁴. Как же изменилось мировоззрение глубоко верующего, патриархально воспитанного мальчика в гимназии?

В 1864 г. Тихомиров Лев Александрович поступает во второй класс Керченской гимназии – в этом городе жили Савицкие, которые должны были опекать мальчика. Первоначально гимназическая жизнь с трудом переносилась подростком: «Обстановка чужая меня пугала и подавляла. Когда мама первый раз привела меня в гимназию, шумная толпа... меня ошеломила»⁵. Тем не менее, это был первый опыт самостоятельной жизни.

В Керченской Александровской гимназии Тихомиров, быстро социализируясь, становился уверенным и самостоятельным человеком. Из-за рассогласованности образовательных программ за партами вместе с 11-летними детьми сидели 17-18-летние тинэйджеры, некоторые из которых употребляли табак и алкоголь. Подготовка учителей была слабой, особенно иностранных и древних языков. Именно отсюда истекает слабая языковая подготовка Тихомирова, осложнившая его жизнь в эмиграции⁶.

Многие учащиеся этой гимназии, как и многих других, начали критично относиться к традиционным ценностям докапиталистического общества. А.И. Желябов, ставший впоследствии лидером «Народной воли», в 1860-е гг. окончил здесь курс с серебряной медалью. Обучавшийся в Александровской гимназии чуть позже М.Н. Тригони в будущем стал членом Исполнительного Комитета Народной Воли⁷.

Уже в первые годы обучения Тихомиров вел себя оппозиционно, участвуя в уличных стычках, сказывалось дурное влияние местного мещанского общества – гимназистов соблазняли барышни, приглашали на сомнительные вечера.

Однако многие умные гимназисты начинают постепенно готовиться к борьбе с самодержавием, феодальными пережитками, исповедуя антиклерикальные идеи. 1860-е гг. были временем ожесточенной полемики между прогрессивными демократами, группировавшимися вокруг журналов «Русское слово» и «Современник» и консерваторами во главе с М.Н. Катковым.

Так называемая «революция модерности», религия «прогресса и техники» поглощали умы молодежи, распространяя философию Канта. «С 60-х годов система Канта, известная до сих пор только в небольшом кружке более или менее уединенных мыслителей, появляется, по словам Милля, "на поверхности современной философии"». О ней начинают говорить, спорить, по поводу нее возникает целая литература⁸. В среде российской элиты распространялась апологетика вульгарного материализма, убежденность в силе естественных наук и настойчивые призывы к разрушению национальных культурных парадигм. Во многом это происходило оттого, что режим, внедряя технические новшества, научные разработки, отвергал демократические свободы, плюрализм, гражданские права, распространенные на Западе. Это и питало оппозиционные настроения: «что мир развивается – это было в эпоху моего воспитания аксиомой, это был закон. Нравится он кому-нибудь или нет, она придет в Россию, хотя бы уже по тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежным даже теми, кто ее вовсе не хотел. «Эх, молодые люди, – увещевал одного арестованного полицейский офицер, – и чего вы хлопочите? Ну поставят вам памятник через пятьдесят лет: да вы-то где будете в эти времена? Давно сгинете как-нибудь»⁹.

Стало повальной модой читать журналы демократической волны, вызванной жесточайшей цензурой и репрессиями при Николае I. Более всего Тихомирову импонировал Писарев, покоривший подростка, который, не понимая сначала прочитанного, восхищался хлесткостью полемики, постепенно запоминая слова и идеи. «С таким руководителем, конечно, все мои детские верования стирались в какую-то кашу, растворялись, улетучивались»¹⁰. В чем-то моду на «Русское слово» можно сравнить с антимодернизацией Горбачева в конце XX века, называемой обычно перестройкой, когда толстые литературные журналы наподобие «Нового

мира», по сути, насильственно насаждали либеральную идеологию, черня социальные завоевания предыдущего времени. Фанатизм, экзальтация, социальная демагогия публицистов вызывали живое сочувствие у молодежи, особенно гимназистов и студентов.

Демократическая публицистика 60-х гг. оказала огромное влияние на современников Тихомирова, многие из которых стали впоследствии политическими деятелями. К примеру, историк-либерал Н.И. Кареев с восхищением писал о Писареве: «Через Писарева в меня впитывался тогдашний "нигилизм" со своеобразной идеализацией Базарова... кроме Базарова, передо мной стоял образ Рахметова из "Что делать?" Чернышевского»¹¹. Поэтому идейные увлечения Тихомирова не выходили за рамки тогдашней «нормы». Кроме того, к середине 1860-х гг. нигилистические упражнения представляли собой только теорию, мало связанную с практикой, время которой придет в начале 70-х гг.

Лучше всего это доказала первая попытка цареубийства, осуществленная 4 апреля 1866 г. по инициативе Каракозова, которая не произвела никакого впечатления на Тихомирова и его товарищей. «У нас был один (только один) учитель, который заплакал... Единственный из наших наставников, который еще сохранил способность понять сразу ужас происшедшего!» — вспоминал Тихомиров.¹² Однако остается вполне возможным, что это были слезы радости или обычный нонконформизм на фоне десятков других преподавателей из-за недомолвок в дневнике. Нельзя отрицать то, что Тихомиров, подобно большинству гимназистов, находился в тот период под влиянием нигилистических идей отрицателей-шестидесятников. При этом многие учителя, особенно недавние выпускники университетов, потакали новым быстро распространявшимся веяниям.

В те годы монархические идеи стали считаться чем-то дурным, признаком умственной отсталости. Образованный слой понимал как безусловную истину любые оппозиционные идеи. Тихомиров позднее жаловался: «Я решительно не помню за все время обучения, чтобы хоть один из десятков наших учителей сказал нам хоть одно слово в защиту монархического принципа»¹³. Радикализация учащейся молодежи стала массовым явлением, оставившим огромный след в российской культуре.

Тихомиров вспоминал о распространении идей материализма, об отрицании религиозных ценностей, обращая внимание на противоречия между основными идеями нигилистов: как сочетать идеи республики, коммунизма с «основным фоном русской души»? Но гимназисты надеялись на то, что впереди «университет, который должен был все разрешить окончательно, указать, как и что делать...»¹⁴.

Молодые люди всегда более всех восприимчивы к восприятию новых прогрессивных идей, особенно если они попирают заветы отцов. А после «застоя» правления Николая I это ощущалось особенно сильно. Современник событий Д.Н. Овсяннико-Куликовский так рассказывал о

метаморфозе, произошедшей с ним в Симферопольской гимназии: «За это же время я превратился из религиозного, наивно верующего и смиренного юноши в "неверующего" и "протестующего" радикала... Хорошо помню ту интеллектуальную радость "отрицания", которую я тогда ощущал и которая так причудно переплеталась с очарованием "первой любви" и веселым бездельем в дружной компании товарищей»¹⁵.

Будущий известный литературовед как нельзя лучше охарактеризовал эмоциональное состояние и образ мыслей подрастающего Тихомирова. Однако ни Овсяннико-Куликовский, ни Тихомиров в своих последующих оценках не смогли верно указать и важнейшую причину такого легкого перехода молодых людей в стан «нигилистов». Указывалось на недостаток «выработки» религиозного чувства: «Что касается религиозного настроения, – стонал в старости Тихомиров, – оно у нас было очень слабо. Дети поступали в гимназию верующими. Я, например, в детстве был чрезвычайно религиозен. Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала»¹⁶. На самом деле все дети легко внушаемы, во всем подражая родителям. В гимназии же влияние среды, преподавателей, «взрослых» журналов оказывало решающее влияние на подростков, которые хотели во всем быть похожими на взрослых. На смену религии пришло другое положительное мировоззрение, выдвинутое Писаревым, ставшим признанным идеологом нигилистов. Сильно притягивали к себе броские, запоминающиеся слова «реалист», «мыслящие реалисты». Всегда остерегавшийся нарушить царские законы Овсяннико-Куликовский так описал ход своих мыслей в то время: «Это были не столько термины с определенным содержанием, за которыми скрывалась определенная программа, сколько условные лозунги и символы, открывавшие заманчивую даль будущей деятельности, "плодотворной" работы, борьбы, а может быть и славы!»¹⁷. Тихомиров также считал Писарева властителем дум в гимназии, который «был, по существу, гораздо более глубоким отрицателем, чем Чернышевский и Добролюбов... в гимназии это был мой пророк и учитель»¹⁸. Тихомиров объяснял успех нигилистических статей Писарева тем, что «читают и усваивают не то, что умно или сильно аргументировано, а то, что нравится, к чему стремится душа человека».¹⁹ Молодежь отрицала авторитеты, желая свободной жизни по своим правилам, а не так, как велят. Тихомиров подтверждал, что вслед за религиозными авторитетами падали и общественные.²⁰

Как известно, молодежь всегда и везде предпочитала простые ответы на сложные вопросы. Примечательна погромная деятельность хунвейбинов во время Великой Китайской Культурной революции. В течение «Красного мая» 1968 г. в Париже восставшая молодежь выступала под социалистическими лозунгами, кроме того, именно движение «новых левых» стало матерью вооруженного сопротивления против современного буржуазного государства. Ульрика Майнхоф выразила тогдашнюю идеологию вооруженной борьбы так: «Коммунизм сегодня – это и есть вооруженное насилие»²¹. Общеизвестно, что на рубеже 1960–1970 гг. социологические опросы в ФРГ показывали, что каждый

третий немец в возрасте до 30 лет симпатизировал «Фракции Красной армии». В двухтысячные годы на западе появились документальные и художественные фильмы, передающие атмосферу террористической борьбы за коммунизм («Баадер – Майнхофф: Красная армия Террора», «Баадер», «Комплекс Баадер – Майнхофф»).

В России эпоха Великих реформ вызвала тяжелейший кризис правительственной консервативной идеологии. Выдающиеся публицисты нигилистической направленности встретили серьезный отпор только в работах М.Н. Каткова. Невероятная популярность изданий демократической волны подтверждает публицистический талант, способности хлесткой и фанатичной журналистики у литераторов шестидесятых годов. В 1865 г. «Русское слово» печаталось в количестве 3000-3300 экземпляров, а «Современник» имел уже приблизительно 6000 подписчиков, что сказывалось и на заработках авторов.²²

Успеху демократической журналистики способствовала и слепая вера поколения «отцов» в то, что всякое печатное слово полезно. Привыкнув к чугунной цензуре николаевского правления, поколение 30–40-х гг. открыло для своих отпрысков свободный доступ к литературе самого радикального направления. Кроме того, страх восстать против авторитета книги мешал консерваторам проводить открыто консервативную политику в области просвещения. Изучая творчество Писарева, Тихомиров, будучи человеком гордым и тщеславным, в то же время быстро выдвинулся на роль первого ученика в классе. Прилагая усердие в учебе, он в то же время боялся нарушать законы гимназического братства, участвуя в коллективных протестах.²³ Честность, верность дружескому долгу и отсутствие эгоизма были «идеальными» чертами дворянского воспитания. Как уже было сказано, свое детство Тихомиров провел в обстановке постоянной военной тревоги, когда готовность к самопожертвованию, преданность долгу, чувство локтя, взаимопомощи ценились очень высоко.

Следует отметить, что именно эти черты приведут Тихомирова к служению идее, ради которой он будет готов пожертвовать своей свободой, проведя лучшие годы своей жизни в царской тюрьме. Благодаря подобным нравственным принципам Тихомиров будет пользоваться непрерываемым авторитетом в революционной среде, что будет сказываться и после его ренегатства. Говоря о моральных качествах Тихомирова, стоит отметить мнение гражданской жены Н. А. Морозова Любатович О.С.: «Я знала, что он (Тихомиров – *авт.*) не лгал ради самосохранения, я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала также, что если он купил себе свободу ценою своего личного достоинства, ценою своего имени, то вверенные его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цену, не пострадают. Я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом²⁴, ни Дегаевым. А сколько мог бы он вернуть из административной ссылки если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штротмберга, то в каторжную тюрьму... История все-таки это должна знать, помнить и быть справедливой. Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно»²⁵

Тихомиров в старших классах гимназии становится убежденным республиканцем, прогресс для которого был связан только с революцией. Уже после своего ренегатства Тихомиров вспоминал: «отец оставил зародыши монархизма, но собственно чувством своим, теплым отношением к императору Николаю, рассказами об отдельных фактах духа, который то время умело создавать в русских, и т.п.»²⁶. Однако нет никаких оснований полагать, что в те годы авторитет отца как-то мог повлиять на его взгляды и убеждения.

Гимназический курс, оставляя много свободного времени, позволял Тихомирову давать уроки для небольшого заработка и много читать. Его, помимо Писарева, интересовали беллетристика, путешествия, естественные науки, сочинения Н.И. Пирогова.

Гимназические сочинения Тихомирова пользовались популярностью, он решил вести дневник, который бережно вел более 30 лет. Возможно, здесь уместна оценка французского мыслителя «Дневник – это малодушие писателя. Вершинное проявление литературного суеверия, расчет на потомков. А у некоторых проявление скупости, чтобы ничего не пропало»²⁷. Уже в это время юношу отличал теоретический склад ума, конструировавший собственные схемы социального бытия на основе проработанной литературы. Имея много друзей в гимназии, Тихомиров не имел ни одного товарища, с кем мог бы жить полной духовной жизнью. Однако это не заботило Тихомирова, который находил утешение в книгах и размышлениях, которым предавался, прогуливаясь по Крыму.

В 1869 году Тихомиров окончил курс с золотой медалью. Давая характеристику своему мировоззрению, Тихомиров писал, что «все мы были пропитаны, так сказать, культурно-отрицательным направлением. Религия у всех была подорвана, монархический принцип – также, все были проникнуты идеями свободы и демократизма, бродили в нас даже идеи смутного социализма. Но у нас не собирались приступать к революции и не отбрасывали культурных привычек хорошего общества. Сам я кончал курс с намерением серьезно работать в университете, думал о научной карьере...»²⁸. Тихомиров стал в то время настоящим нигилистом, подавив в себе родительское воспитание, хотя и не щеголял в синих очках и плеле, подобно распространенной тогда моде. Это говорит о сохранявшейся еще приверженности Тихомирова патриархальному быту, тем более, что его идеи были тогда туманными, условными. Эта умеренность объясняется идеологической невыработанностью Тихомирова, непродолжительностью новых для него «отрицательных» влияний. Тихомиров не имел еще тогда четких взглядов на будущее России и свое положение в ней.

Когда Тихомирову пришлось расставаться с гимназией, его имя, как ученика, кончившего курс с золотой медалью, было торжественно выгравировано «на так называемой Золотой доске, вывешенной около залы совета»²⁹. Характерно, что после того как Тихомиров был обвинен в политических преступлениях, в том числе в причастности к царевубийству, его имя было навсегда стерто с доски. Действительно, уничтожение памяти о врагах режима началось вовсе не при советской власти.

Тихомиров в тот момент осознавал необходимость продолжать образование, посвятить свою жизнь культурной работе, разумеется, на благо народа. Гимназические годы, особенно последние, остались белой полосой в душе Тихомирова по сравнению с университетскими временами, которые «вызывают у меня лишь воспоминания серые, скучные, лишенные всякого внутреннего содержания»³⁰. В жизни Тихомирова начинался новый этап.

Примечания

- ¹ Воспоминания Льва Тихомирова. / Вступительная статья В. Фигнер. М., 1927. С. 16.
- ² Герцен также был кумиром и Л.А. Тихомирова.
- ³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. статья и примечания М.Б. Смолина. М., 2000. С. 78.
- ⁴ Там же. С. 140–141.
- ⁵ Там же. С. 152.
- ⁶ Репшиков А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 31. Авторы неоднократно жалуются на ошибки, допущенные Тихомировым в написании французских слов.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов. М., 1996. С. 225–226.
- ⁹ Тихомиров Л.А. Критика демократии / Составитель, автор вступительной статьи М.Б. Смолин. М., 1997. С. 93.
- ¹⁰ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 39.
- ¹¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 105.
- ¹² Воспоминания Льва Тихомирова. С. 30.
- ¹³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 162.
- ¹⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 31.
- ¹⁵ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания // Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 317–318.
- ¹⁶ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 163
- ¹⁷ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. С. 318–319.
- ¹⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 163.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 164.
- ²¹ Цит. по: Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 111.
- ²² Репшиков А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. С. 38.
- ²³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 169–170.
- ²⁴ Гольденберг Григорий Давыдович (1855–1880). Народоволец и террорист. После ареста в 1880 г. – предатель. Повесился 15 июля 1880 г. в Петропавловской крепости // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850–1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. / ответственный составитель Л.М. Ляшенко. М., 2009. С. 126–128.
- ²⁵ Любатович О.С. Далекое и недавнее. С. 65.
- ²⁶ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 30–31.
- ²⁷ Дрие ла Рошель, П. Дневник. 1939–1945. СПб., 2000. С. 496.
- ²⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 206.
- ²⁹ Там же. С. 214.
- ³⁰ Там же.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ-УСАДЕБ

Усадебная культура в последние десятилетия привлекает особое внимание исследователей культурологов, историков, искусствоведов, тем более, что ныне ее сохранность и проявление во многом зависят от наличия особых музеев, различных по статусу, и связанных с окружающей средой. Разделение музеев на коллекционные музеи и ансамблевые музеи было предложено в музееведческой литературе в конце 1980-х гг. Музеи-усадыбы, как известно, относятся к группе ансамблевых музеев, созданных на основе музеефикации различных объектов ландшафтного, архитектурного и хозяйственного значения. Подобный музей имеет свою специфику, поскольку его деятельность связана с комплексом недвижимых артефактов, как правило, созданных на значительном временном отрезке, неотделимых от имен выдающихся людей и характеризующихся особым культурным ландшафтом. Любая усадьба представляет собой совокупность разнообразных объектов, отсюда вытекает многогранность самого мира усадьбы, что в свою очередь обуславливает сложность и комплексный характер ее музеефикации. По отношению к каждой составляющей усадебного комплекса применяются особые методы музеефикации. Обычная экспозиция в усадебном доме, связана с восстановлением былого интерьера, к которому добавляются биографические экспозиции. В этом плане экспозиция аналогична домам-музеям. Отличие же между этими музеями состоит в том, что музеефикация относится не только к домам, музей-усадьба включает в себя окружающие сады и парки, а иногда и окружающий ландшафт, тем более что сельские усадьбы исторически создавались на самых живописных его фрагментах. Следует учесть и тот факт, что в последние десятилетия фактически исчезла нетронутая природная среда, и природа становится частью культуры. Неслучайно в последние годы начал «интенсивно развиваться раздел музеологии, рассматривающий различные формы музеефикации и отношений природы и человека»¹. Естественно, что это существенно коснулось и музея-усадыбы.

В последние десятилетия меняются сами подходы, и музеефикация усадьбы становится все более многогранной. Музейные работники и реставраторы стремятся зафиксировать при музеефикации и отразить в экспозиции все основные этапы развития усадьбы, судьбы и образы всех наиболее примечательных ее обитателей. Встают все новые проблемы и выдвигаются на передний план. Так, особое значение принимает ныне проблема «власти места» и мемориализации усадебных территорий. От традиционного понимания значения сельских усадеб переходят к изучению возможности музеефикации городских усадеб и практики их музеефикации и современного функционирования. А на передний план при изучении

городских усадеб выдвигается роль музея-усадьбы в культурной жизни провинциальных городов России. С этим связана и проблема интерактивных методик работы с посетителем на территории музея-усадьбы.

В 1993 г. было возрождено Общество изучения русской усадьбы, члены которого вносят заметный вклад в решение проблем музеефикации усадебной культуры и развития музеев-усадоб. Общепризнанной стала точка зрения, что музеи-заповедники и музеи-усадьбы относятся к числу наиболее ценных объектов национального культурного наследия, наряду с некоторыми другими категориями особо охраняемых природных территорий. Именно они образуют природно-культурную основу России, отражающую ее этническое и культурное многообразие и во многом определяющую ее дальнейшее развитие. Вполне справедливо утверждать, что именно «благодаря их существованию в стране появился институт особо охраняемых историко-культурных территорий»². Большинство особо охраняемых и наиболее ценных историко-культурных комплексов включены в состав музеев-заповедников федерального значения (среди них «Абрамцево», «Михайловское», «Ясная Поляна», «Поленово») или же регионального значения (например, музеи-заповедники – «Тарханы», «Спасское-Лутовиново», «Шахматово», «Болдино», «Карабиха», «Мураново»). Почти все они имеют мемориальный статус и связаны с именами великих русских писателей и поэтов. Памятники этого профиля не могут рассматриваться в отрыве от соответствующих культурно-исторических объектов. В то же время наличие особого ландшафта, порождает и дополнительные требования, поскольку для музея оказывается необходимой постоянная забота о сохранении растительного мира, особенностей художественного облика всего комплекса в различные сезоны года, составления и организации маршрутов осмотра, изучения визуальных перспектив, панорамных планов. И подавляющее большинство музеев-усадоб, как городских, так и сельских, связаны с деятельностью литературно-мемориальных музеев.

Впервые вопрос о современной роли исторических ансамблей рассматривался на Генеральной конференции ЮНЕСКО в Найроби в 1976 г. Именно там было подчеркнuto, что «они обеспечивают живое присутствие прошлого, придают условиям жизни разнообразие, соответствующее разнообразию общества» и именно по этим причинам «приобретают дополнительную ценность и значение для людей»³, «совокупность зданий, сооружений и открытых пространств..., целостность и ценность которых признаны с археологической, архитектурной, исторической, эстетической или социально культурной точек зрения»⁴. Аналогичны были подходы и Совета Европы, хотя наследие разделяется на ансамбли и достопримечательные места. В конвенции, принятой в 1985 г. в Гранаде, под ансамблем (group of buildings) понимается «гомогенная группа городских или сельских сооружений, представляющих выдающуюся ценность, с точки зрения истории, археологии, искусства, общества, науки и техники, а также

имеющая неразрывную связь с окружающим ландшафтом»⁵. Таким образом, любой ансамбль обладает единством архитектуры и в нем присутствует связь с окружающей средой, притом не только естественной, но и откорректированной руками человека (культурный ландшафт⁶). Музей-усадьба специально не выделяется как особый вид ансамбля (вероятно, потому, что это явление почти уникальное в мире и органически связанное с традициями русской культуры), но вполне может трактоваться как ансамбль. В то же время усадьбы вполне подходят по своему характеру и структуре и под определение *sites of importance* – достопримечательные места, где совмещаются артефакты и природа, или же наличествуют особые зоны, где расположены памятники составляющие архитектурную, культурную и историко-социальную ценность. Эти положения международного права получили развитие и в российском законе 2002 года, где говорится об особой ценности такого рода объектов как символа национальной самобытности, элементах культурной среды обитания и исторического ансамбля, что также позволяет связать проблему усадьбы и музея-усадьбы с проблемой культурного ландшафта и в особенности роли культурного наследия⁷. Литературно-мемориальный музей-усадьба неизбежно решает эти проблемы, тем более что культурный ландшафт и природный ландшафт обычно прославлены теми деятелями культуры, которым посвящен каждый отдельный музей.

Роль культурного наследия в жизни любого общества, возможно, определяет духовно-нравственную атмосферу этого общества и характер культурно-исторической памяти. Оно материализует в конкретных предметах и явлениях традицию многих поколений народа, и на его основе продолжает развиваться культура ныне живущего поколения. Русская усадьба занимает особое место среди множества других явлений, входящих в фонд национального культурного достояния, унаследованного от предков. Она необычайно многогранна, в ее истории отразилось все развитие российской истории, прежде всего культурное. Но при этом русская усадебная культура является, по сути, уникальным явлением в мировой культуре, аналогов ей почти не имеется. Понятие «культурное наследие» включает множество аспектов, и одним из важнейших является то, что культурное наследие есть результат взаимодействия человеческого общества и окружающей среды. Так или иначе, любая усадьба составляет часть отечественного культурного наследия и в силу этого лучший способ сохранить ее и продолжить сложившуюся культурную традицию – музеефикация.

Значение музеев-усадоб особенно велико для современной деятельности музеев. Современный музей в своей деятельности все дальше отходит от понятия «музея-коллекции», что нашло отражение в характере экспозиции. Все чаще ставится проблема «театрализации музея», под ней подразумевается, в частности, более зрелищная подача материалов, что меняет характер экспозиции. В основу новой экспозиции закладывается

особый «визуально-пространственный текст», использование приема моделирования, принципа интерактивности, в музейную экспозицию вносятся семантические элементы и символы, типичные для «языка» других зрелищ и т.д. Отсюда и все более широкие мероприятия (что позволяет решать маркетинговые задачи), использование новых выразительных средств.

Единых представлений и подходов еще не выработано, сегодня каждый музей самостоятельно решает данный вопрос. Новые возможности предоставляет и другое направление развития современного музея — использование современных технологий. Если театрализация в большей мере связана с экспозиционной деятельностью, то использование информационных технологий — с музейно-выставочной. Во всех этих новациях музей-усадьба приобретает особое значение как музей, где сохраняется и даже доминирует «власть места», как особое культурное пространство, где ландшафт и артефакт сливаются воедино, реконструируя культурно-историческую память. Делается попытка воссоздания уже ушедшего мира с помощью внедрения виртуальности и театрализации нередко в литературных музеях включаются в действия литературные персонажи. Изучение такого многоаспектного явления, как усадьба, усадебная культура предполагает обращение к необычайно широкому спектру проблем.

Культура русской усадьбы далеко еще не исследована с той полнотой, какой заслуживает это поразительное явление безвозвратно ушедшей эпохи. Усадебная жизнь определялась как особое место обитания, где настоящее время неотделимо от прошлого, а сам человек органично связан с природой. Русская «усадьба — это микромир, замкнутый в своих переживаниях и представлениях, которые формируют идеи и характеры людей, ощущающих свою неразрывную связь с традициями России»⁸. Как главную особенность русских усадеб следует отметить их принципиальную уникальность и неповторимость. Но при всем их многообразии есть много общего, связанного с ландшафтом, соединенного не просто с артефактами, но и с деятельностью великих сынов России. С целью сохранения историко-культурного наследия был создан ряд мемориальных музеев и в городах: усадьба Н.Г. Чернышевского в Саратове (1920), квартира А.Н. Скрябина в Москве (1922) и др. Усадьба — это не просто сложный архитектурный комплекс, созданный усилиями деятелей русской культуры, в усадьбе формировался особый жизненный уклад, традиции и обычаи, составлявшие и выражавшие целый ушедший в прошлое пласт культуры и менталитета российского общества. Усадьба во второй половине XIX в. — это не только родовое гнездо представителей дворянства, но очень часто — резиденция деятелей культуры, то есть инфраструктура, не просто созданная для обеспечения комфортной жизни, но и предоставляющая условия для интеллектуальной деятельности и художественного творчества, где создается особая аура и восприятие данного места, в свою очередь

стимулирующие мысль и чувства владельцев. Вот поэтому-то «вписанное в среднерусский ландшафт родовое поместье с его пусть незатейливой, но все же архитектурой, с его садом – хранителем теней прошлого было местом, в котором как нигде более проявилась взаимосвязь местности и истории в контексте судеб мыслящей и переживающей личности» и заняло особое место в истории отечественной культуры»⁹.

Культурно-историческая память, связанная с усадебной культурой, в наши дни сохраняется благодаря наличию созданных в этих старинных местах обитания музеев-усадоб и музеев-заповедников. В настоящее время в России насчитывается свыше 80 музеев-заповедников, занимающих площадь более 160000 гектаров, и 35 музеев-усадоб, включающих около 900 гектаров. Все они представляют особый специфический чисто отечественный тип культурного учреждения, в состав которого включены музейные коллекции, памятники архитектуры, исторические ландшафты и природные комплексы. Целый ряд музеев-заповедников включен в «Перечень особо ценных объектов культурного наследия народов России».

Очевидно, что само понятие «русская усадебная культура» включает самые различные явления и артефакты, а потому главной ее типологической чертой является синтетичность. В усадебной культуре отражались и отражаются многочисленные проблемы окружающего мира. На передний план здесь выдвигаются, разумеется, проблемы художественного синтеза, поскольку в усадьбах органически и неразрывно связаны архитектура, садово-парковое искусство, декоративно-прикладное искусство, скульптура, а нередко театр, музыка, причем каждый вид искусства неотделим от единого комплекса усадьбы. И, естественно, что поскольку с усадебной культурой связано творчество большинства русских литераторов, многих художников и ученых, то в перечень проблем, связанных с осмыслением наследия усадебной культуры, органически входят и культурологические и филологические вопросы.

Не менее типичной особенностью усадебной культуры, рассматриваемой в контексте этой проблемы, является традиционализм. Наследие прошлого обычно представляется потомкам возвышенным, прекрасным и светлым (что проявилось, скажем, у В. Набокова в «Других берегах»), и это по-особому преломилось в памятниках усадебной культуры, элементы которых словно бы создают временную связь между различными эпохами, соединяя материальные предметы и дух прошлого с современностью. Именно благодаря этому и утверждается в усадебных комплексах исключительная власть места и особую роль приобретают предметы прошлого. Они могут и не быть художественными раритетами, но с ними соединены воспоминания о былых владельцах и их деятельности, они сами как бы являются материальными носителями мифологизации истории, способствуя поэтизации этой культуры. В силу этого при реконструкции прошлого неизбежно проявлялась мифологизация усадебного быта, воплощающего сам дух русской культуры, ставшего

символом национальной самоидентификации. Неслучайно, во время Великой Отечественной войны гитлеровцы стремились истребить на временно оккупированной территории именно эту ауру. Отсюда кощунственные безобразия оккупантов во время Великой Отечественной войны в Ясной Поляне, для этого не требовались и приказы фельдмаршала фон Рейхенау. Тем не менее, сама усадебная культура как исторический феномен, как это не прискорбно, постепенно уходит в прошлое, и задачей любого музея-усадьбы становится сохранение в целостности утраченного мира, а воссоздание его требует сохранения облика и духа эпохи.

Если сельские усадьбы хоть в какой-то мере исследованы и большинство все-таки охраняются, то городская усадьба (за исключением тех, которые вошли в состав города при его расширении, как Останкино) в наши дни переживает сложные времена: натиск с помощью аренды, попытки силой отобрать площади и даже возводить новые сооружения внутри усадебного комплекса, втиснув тем самым на территорию объекта «новодел», короче, растворить мир национальной культуры в современности и повседневности.

Литературные музеи-усадьбы превалируют в комплексе музеев-усадёб количественно – из 35 таких музеев 19 литературных, и именно в них заключен наиболее яркий и доступный массовому восприятию культурный ландшафт ассоциативного типа, поскольку эти музеи обычно посвящены людям, точнее уже образам-символам русской культуры. Поскольку вербальная основа культуры все же доминирует в массовом сознании, то именно с этого рода музеями-усадьбами в наибольшей мере связана идея национальной самоидентификации, и присутствуют самые широкие культурные ассоциации. Объективный факт – в культурно-исторической памяти нашего народа превалируют именно образы, связанные с великой русской литературой. Да и для всего мира очевидно, что именно она продвигала в другие страны русскую культуру, так что литературные музеи-усадьбы стали действительно знаковым воплощением национальной самоидентификации. Неслучайно в обществе сформировалось особое отношение к музеям-заповедникам, связанным с именами Пушкина и Толстого, – двух величайших художников, ставших символами русской культуры. Музеи-усадьбы, где сочетаются и природные родные ландшафты, и образ ушедшего прошлого влекут даже малосведущих в культуре людей. А личные предметы и даже сила слова в литературно-мемориальных музеях-усадьбах еще более способствуют воссозданию утраченного в силу времени культурного ландшафта, в самых разных масштабах от старинного города до отдельно взятого квартала или улочки.

Вполне закономерно, что многие из этих литературно-мемориальных музеев приобретают, по сути, а иногда и *de jure* комплексный статус; помимо музея-заповедника в Михайловском, можно назвать Государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-усадьбу Ф.И. Тютчева «Мураново», Литературно-мемориальный историко-

художественный музей-усадьбу В.В. Набокова «Рождествено» и др. Имя великих мастеров русской литературы в этих музеях неразрывно связано с миром русской природы, национальной культурой и традицией.

В Саратове два литературно-мемориальных музея: музей-усадьба Н.Г. Чернышевского и музей К.А. Федина. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского уникальна, поскольку одновременно связана и с культурным просветительством в регионе, и с деятельностью крупного писателя и мыслителя. Сохраняя верность своим функциям мемориального музея, он решает и более широкую задачу – воссоздать культурный мир старого Саратова, его облик, стиль мышления, даже топографию. Речь идет о воссоздания старой городской культуры, сформировавшей целый пласт отечественной культуры, культурные гнезда в самом городе. Это становится одним из важнейших направлений деятельности музея-усадьбы. Но и Государственный музей К.А. Федина также обратился к реконструкции культуры Саратова с целью воссоздания реликтового культурного ландшафта с помощью слова, чтобы выявить различные аспекты культурного текста, свидетельствующие о памятниках прошлого родного города (например, выставки «Саратов. Время прошедшее и настоящее», «Родина моя – Саратов», посвященная саратовским страницам жизни К.А. Федина и теме Саратова в творчестве писателя).

Сам характер музея-усадьбы определяет и специфику его функционирования и музеефикации объекта в контексте с проблемой культурного ландшафта. Комплекс музея-усадьбы вообще-то может анализироваться и трактоваться как культурный текст, с тенденцией к символизации, и именно комплексы музеев-усадоб мемориального характера становятся символом не только культурной, но и национальной идентичности. Усадебная культура является неотъемлемой частью русского историко-культурного наследия, и деятельность музеев-усадоб, в особенности литературно-мемориальных, активно способствует сохранению национальной традиции, верности заветам великой русской культуры и сохранению национальной идентичности.

Примечания

¹ Сотникова С.И. Природа и музей в культуре эпохи. Исторический экскурс //Вестник РГГУ. Серия «Культурология». 2007. № 10. С. 254.

²Круглый стол «Русская усадьба и ее судьбы» // <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/44508301>

³ Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО. Найроби, 26.XI.1976 //Международное право и охрана художественных ценностей. Афины, 1997. С. 108.

⁴ Там же. С. 109

⁵Convention on the protection of Architectural Heritage of Europe. Granada; 3.X.1985 // Международное право и охрана художественных ценностей. Афины, 1997. С. 182.

⁶ Под культурным ландшафтом в настоящее время принято понимать природные территории, которые воспринимаются или рассматриваются в контексте с

социокультурными ценностями, символами или явлениями культуры. См. например. *Замятин Д.Н.* Откуда и куда. Русская усадьба: ландшафт и образ // *Человек.* 2004. № 6. С. 35–43.

⁷ *Щукин В.Г.* Вертоград заключенный. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков // *Вопросы философии.* 2000. № 1. С. 53

⁸ *Ойнас Д.* Усадьба. История и современность // *Архитектура, Строительство, Дизайн.* М., 2005. № 3 (49). С. 51.

⁹ *Щукин В.Г.* Вертоград заключенный. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. С. 63.

Г. А. Дмитриевская

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Гражданско-патриотические и семейные проекты, поддержанные Благотворительным фондом преподобного Серафима Саровского и Координационным комитетом по поощрению социальных, образовательных, культурных, информационных и иных инициатив под эгидой Русской Православной Церкви: «На пороге семейного счастья: семья – малая церковь», «Один в поле не воин» и «Семья – малая родина – Отчизна», «Талант быть русским», – открыли новую страницу в деятельности Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова. Осуществляя их, музей привлек новый круг заинтересованных лиц и сформировал и закрепил новый ракурс собственной деятельности, завоевав уважение и авторитет среди сотрудничающих с музеем специалистов.

Особенно остропроблемным оказался проект «Талант быть русским». В его рамках в 2012 году проходили круглые столы, дискуссии и диалог-клубы для нижегородской молодежи, где были сформированы социальные запросы на новое направление в продолжение проекта. Выступления современной молодежи в диалог-клубах, на круглых столах показали, насколько необходимы для подрастающего поколения доверительное общение со взрослыми наставниками и постоянная, планомерная, целенаправленная работа, акцентирующая внимание на служении России, ее достижениях, ее славных победах и именах, ее достойных людях, ее духовных и культурных традициях. Это пример жизни выдающихся людей, особенно таких, как Добролюбов, который, будучи их сверстником, ставил перед собой уже в юном возрасте высокие цели, задумываясь о том, каким образом он может служить Отечеству и быть его достойным сыном, в противовес пагубному, разрушительному воздействию, транслируемому в изобилии современными СМИ, и прежде всего – телевидением и Интернетом. На мероприятиях музея все его участники, и прежде всего – нижегородская студенческая

молодежь, – единодушно выразили общее мнение о важности реализации подобных проектов для воспитания подрастающего поколения и необходимости продолжения этой деятельности.

Многочисленные высказывания участников проекта выявили проблему недостатка патриотического воспитания и позитивного досуга именно юношей, в том числе военнослужащих и новобранцев, приезжих абитуриентов, и проблему их социокультурной адаптации, поскольку 50% нашей целевой аудитории – иногородние. Большинство живет в общежитиях и интернатах, оторвано от родного дома и влияния семьи. Незнание традиций и ценностей, культуры и истории, отсутствие высоких целей и идеалов, социальная апатия, конфликты, искалеченные судьбы отражаются на духовно-нравственном климате области и на ее будущем. Молодежь нуждается в духовном руководстве, гостеприимном и доверительном отношении, и учреждения культуры в тесном сотрудничестве со священнослужителями являются ресурсом, способным изменить ситуацию к лучшему.

Были сформулированы предложения по взаимодействию светских учреждений с православной церковью, государственных, социальных структур и общественных организаций в патриотическом и гражданском воспитании молодежи Нижнего Новгорода, особенно будущих мужчин – граждан и защитников отечества, – в духе лучших духовно-нравственных отечественных традиций.

Этот запрос на деятельность вылился в подписание соглашения о сотрудничестве между командованием воинских частей, администрацией ряда средних и высших специальных учебных заведений города и области, где учатся юноши, и музеем, что свидетельствует о высокой востребованности деятельности музея по гражданско-патриотическому воспитанию.

И в течение 2013 г. Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова реализовал проект «Сыны Отечества» по программе «Православная инициатива», направленный на возрождение лучших отечественных духовно-нравственных традиций и ценностей, воспитание патриотизма и гражданственности, духовности у нижегородской молодежи. Это широкий круг подростков и юношей – новобранцев, молодых военнослужащих, пациентов военного госпиталя, учащихся, студентов, – из Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Сотрудниками музея разработана православная просветительская программа «Сыны Отечества». Она предусматривала работу как с молодежью, так и со специалистами учреждений культуры и образования Нижнего Новгорода и Нижегородской области, которые являются «агентами влияния» на молодежь.

Православная просветительская программа «Сыны Отечества» включает в себя следующие блоки в виде циклов занятий: «Отечества достойный сын», «Их именами гордится Россия», «Патриотизм

доказывается делом», «Пример, достойный подражания», «Знакомство с Нижегородской землей», «Примите нас под свой покров, питомцы волжских берегов». Все эти занятия и встречи, повествующие, как наши предки страдали и радовались, трудились, воевали и побеждали с именем Бога на устах, – пропагандируют среди молодых людей наше бесценное историко-культурное наследие, необходимое православному на трудном пути к истинной вере. Среди них цикл мероприятий, встреч и бесед под девизом «Их именами гордится Россия» – о выдающихся людях земли нижегородской на примере жизни и творчества Н.А. Добролюбова и других наших выдающихся земляков. На регулярной основе проходили встречи диалог-клуба «Патриотизм доказывается делом» для молодежи с целью закрепления молодежи на родной земле для достойного устройства ее жизни.

В целях знакомства иногородних членов целевых групп (их более 50%) с традициями гостеприимства Нижегородской земли был задуман лекторий «Знакомьтесь: земля Нижегородская». Чтобы члены целевой группы получили знания о тех именитых людях России, которые побывали здесь, запланирован цикл встреч с известными краеведами и историками с использованием мультимедийных презентаций и видеороликов – «Примите нас под свой покров, питомцы волжских берегов!». Цикл также организован в качестве примера для приехавшей в наш край молодежи, чтобы воодушевить их на большие дела: и они могут своими делами прославить Нижегородскую землю, стать такими же известными.

Подрастающему патриоту и романтику была предложена серия устных новелл о подвигах православных воинов с участием известных нижегородских историков и писателей «С верой – за святую Русь!», в котором играет отблеск славы давних времен.

Стало событием для целевых групп проведение литературных концертов для молодежи «Сердца русского город» и просветительской акции «А можно ли прожить, не увидев Нижнего Новгорода?», посвященной знакомству со славными традициями Нижнего Новгорода и сохранению памятников истории и культуры России, совместно с Управлением государственной охраны памятников истории и культуры, а также организация интерактивных спектаклей «Я буду полезен Отчизне» Театра «Вера».

Великая сила искусства православной направленности, благотворно влияющая на умонастроения молодежи, привлечена для придания особого звучания и красочности проекту при проведении ряда передвижных и стационарных выставок и встреч с фотохудожниками и художниками: «Сыны Отечества», «Под Покровом Богородицы», «Православный Нижний» «Учитель и ученик», «Дело, которому ты служишь: от 18 до 25» (с участием сотрудников музея Максима Богдановича в Минске, Республика Беларусь) и др.

С целью преодоления настроений космополитизма и установления в умах и душах крепкой духовной связи в цепи «Я – мое будущее – Россия –

православие», проводился цикл встреч «Принадлежишь Отечеству – принадлежишь и человечеству».

В проекте уделялось большое внимание индивидуальному общению с каждым человеком. Музейная работа в целом предполагает адресацию к душе каждого посетителя: ведь в числе функций музея – духовно-целительская функция. Этой целью отвечал цикл индивидуальных бесед для испытывающих потребность в этом молодых людей с духовными особами, писателями, представителями нижегородской интеллигенции, музейными работниками «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины...».

Занятия в экспозиции музея формируют представление об атмосфере духовного единения, родства, сотворчества, сотрудничества, где находится место воспитанию и гражданственности, и патриотизма, чувства долга, ответственности перед обществом, родиной, и семьей. Такая атмосфера создается на наших занятиях и мероприятиях с молодежью, и она высоко ценится аудиторией как альтернатива бездуховному воздействию телевидения и развлечений, направленных на удовлетворение примитивных потребностей и разжигание агрессивности, жестокости и насилия. При посещении музейных мероприятий у посетителей возникает ощущение причастности к прошлому, к истории своего рода, к православной вере своих предков, меняется душевный настрой, появляется познавательный интерес к духовному наследию, развивается способность к проявлению высоких чувств, в том числе гражданских, милосердию, сопереживанию, проявляется чувство гордости за историю своей родины.

Одна из основных форм работы с целевой аудиторией – социокультурный десант, когда все сотрудники музея выезжают в военную часть, училище, госпиталь, школу кадетов и т.д. и одновременно используют разнообразные виды просветительской работы с несколькими аудиториями.

В итоге проведены такие крупномасштабные мероприятия, как социокультурный десант в районы Нижегородской области: были организованы выезды в Кстовский район Нижегородской области (с Кстовским нефтяным техникумом музей работает по заключенному соглашению); в Павловский район Нижегородской области (с Павловским техникумом народных художественных промыслов РФ музей работает по заключенному соглашению), в Бутурлинский район.

Итог проекта был подведен на круглом столе «Служишь Отечеству – служишь и человечеству» проекта «Сыны Отечества», где участвовали более 40 человек, в том числе: помощник благочинного Нижегородского округа по образованию о. А. Мальцев, советник губернатора Нижегородской области Н.Г. Смирнов, декан исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского А.А. Кузнецов, заместитель начальника Речного училища им. И.П. Кулибина В.И. Крылов, писатель Виктор Карпенко, пять сотрудников музеев из других регионов РФ. На круглом столе, в продолжение идей проекта, шла речь об

ответственности взрослых за то воспитание, что получает молодежь. В Круглом столе приняли участие представители всех основных организаций и учреждений, которые представляют целевую аудиторию проекта «Сыны Отечества»: это войсковая часть № 7408, Нижегородский автомеханический техникум, Речное училище им. И.П. Кулибина, Кстовский нефтяной техникум, с которым активно работает Центр писателей г. Кстово. Присутствующие пришли к единомыслию в важных вопросах гражданско-патриотического воспитания и подтвердили важность таких инициатив, как проект «Сыны Отечества».

Работа по проекту проходила в тесном сотрудничестве со священнослужителями не только Нижнего Новгорода, но и зарубежными (Республика Беларусь), а также с различного уровня властными структурами и светскими организациями и учреждениями. В работе проекта большую роль играло участие в нем помощника благочинного Нижегородского округа по образованию Алексея Мальцева.

В результате реализации проекта «Сыны Отечества» возникли качественные изменения в развитии и организации просветительской работы по гражданско-патриотическому воспитанию в Нижнем Новгороде и Нижегородской области.

В анкетах, отзывах и опросниках студентов и школьников Нижегородской области заключаются свидетельства того, что реализация проекта повысила статус православия среди молодежи и способствует развитию чувства гордости за свою родину, созданию в сознании молодых крепкой духовной связи в цепи «я – мое будущее – Россия – православие» с ориентацией на православный образ жизни, закреплению на месте своего рождения и желанию трудиться на ниве достойного устройства жизни на земле Нижегородской у молодого поколения нижегородцев.

Одним из позитивных итогов работы проекта является то, что в общественном сознании нижегородцев, жителей Нижегородской области, коллег-специалистов из ПФО и других регионов России, а также специалистов из Минска (Республика Беларусь) и Киева (Украина) укореняется представление о музее Добролюбова как об учреждении, которое поставило во главу угла работу по православным программам и куда обращаются за опытом и с запросом по проведению мероприятий на православные темы, которые связаны с работой по гражданскому и патриотическому воспитанию молодежи.

Музей разрабатывает обширную специальную программу православного, гражданского и патриотического воспитания молодежи и позиционирует себя как площадку для презентации форм работы по данной тематике учреждений культуры Нижегородской области при поддержке министерства культуры Нижегородской области. Сотрудники проекта стали известны как представители организации, несущей православную проповедь, на различных российских конференциях и форумах.

Одним из критериев успешности нашего проекта является то, что в процессе реализации проекта члены молодежной целевой группы научаются быть настоящими гражданами своей родины на основе примеров патриотизма, чувства долга, социальной активности своих выдающихся земляков, быть ответственными перед обществом личностями.

Они научаются выражать свои чувства и мысли, говорить и размышлять на эти темы без естественного для молодых смущения в рассуждении о высоких идеалах, без показного цинизма, скептицизма и агрессивности. Молодежь получает представление о том, каким образом можно без стеснения и робости беседовать о таких сложных для обсуждения предметах, как патриотизм, родина, любовь к ней, честь и долг, воинский долг и воинская слава, свое предназначение в мире, собственная связь с прошлым и грядущим. Молодые люди не просто получают информацию – ведь это не главная цель нашей деятельности, но, тем не менее, они подчеркивают, что полученные знания по русской культуре и истории заполняют имеющиеся в их образовании пробелы, отмечают, как много нового и позитивного они узнают в результате работы в проекте, как меняется картина представлений об окружающем мире, России, ее вкладе в мировую историю, ее традициях, науке, истории, культуре. Об этом они сообщают в своих анкетах и отзывах.

Часть встреч диалог-клуба проходила с присутствием и участием известных в Нижнем Новгороде и Нижегородской области выдающихся современников-нижегородцев. Эти участники мероприятий воочию убедились в значимости и важности проводимой музеем работы, стали весомой поддержкой в начинаниях музея в этом направлении, выражают намерение и в дальнейшем участвовать в подобных мероприятиях с молодежью, распространяют позитивную информацию о проектной деятельности музея.

Например, родственница Н.А. Добролюбова, профессор кафедры ЮНЕСКО Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, Почетный гражданин Нижнего Новгорода Татьяна Павловна Виноградова оценила вовлечение в мероприятия по проекту следующим образом: «Очень высоко оцениваю подобные встречи. Это прекрасная идея Музея Н.А. Добролюбова. Видела заинтересованные, умные лица молодых людей. Такие встречи для них необходимы. Хочется пожелать, чтобы инициатива Музея благополучно жила. Это государственное дело».

С другой стороны, в результате совместных мероприятий и молодые участники адресной группы увидели, что среди наших взрослых современников есть имеющие заслуги, выдающиеся люди, которые поддерживают и развивают тематику и пропагандируемые проектом ценности, являясь примером для подражания, но с которыми, тем не менее, можно беседовать на равных на острые злободневные темы, получая понимание и поддержку.

Погружаясь в прошлое, изучая высокие примеры жизни выдающихся русских людей прошлого и наших современников, их высказывания о традиционных отечественных ценностях, молодые участники проекта *ощущают неформальное, заинтересованное, индивидуальное отношение к себе, включаются в процесс творческого соучастия, отмечают, насколько важно общение со взрослыми любящими и знающими свое дело специалистами.*

Особенно значимым для оценки работы музея по проекту стало мнение целевой аудитории из войсковой части 7408, работающей по договору с музеем, как наиболее сложной аудитории, среди которой – ребята из самых разных регионов России: это Чувашия, Марий-Эл, Алтай, Хакасия и др. Когда сотрудники проекта отметили высокую дисциплину среди слушателей, нам ответили, что юноши так внимательно слушают оттого, что их сумели заинтересовать:

«Мы, войсковая часть 7408, посещаем музея Добролюбова по проекту «Сыны Отечества». Выражаем огромную благодарность, такие занятия дисциплинируют военнослужащих, воспитывают в духе патриотизма, любви к Родине, помогают лучше узнать край, в котором они проходят военную службу, познакомиться с его памятниками истории и культуры, выдающимися людьми, узнать традиции и обычаи Земли Нижегородской. С удовольствием придем еще раз!!!».

Музей Н.А. Добролюбова уверен в том, что именно через просвещение, культуру и православные традиции он профессионально и ответственно вносит свой вклад в решение поднятой далеко не простой проблемы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаза Н.С. 130
Абкарров И.Г. 174
Аверинцев С.С. 48
Аветов С.С. 179
Аврелий Марк. 58
Адамян П.И. 177
Адулян М.М. 4,173
Азадовский К.М. 86
Айвазян М. 181
Аксаковы 35,44
Александр II 7, 22,24,66,67,122,
123,130,162,172
Александр III 46,130,171
Александров А.Ф. 158
Алексеев Н.А. 80
Амброджо И. 106,107
Андреева Т.В. 27,32
Андреевский И.Е. 71
Андреоли Э. 106
Анненков П.В. 4,36,86,87,88,89,91,
92,93, 94, 95,96
Антонов В.Ф. 32
Антонова Г.Н. 87
Антонович М.А. 52
Аракчеев А.А. 44
Аристотель 43,60
Арсеньев К. 68
Арустамова А.А. 118,121,122
Аузрбах Ю.Ф. 132
Афанасьев А.Н. 52
Баадер Ф.К. 203
Бакалов Луис Энрикес 107
Бакунин М.А. 11,18,34,38,105
Балакин А. 86
Бантышев А.О. 156,157
Барсуков Н. П. 32
Батюшков Ф.Д. 167
Бахтин М.М. 117
Баяр Ж.-Ф.-А. 154
Бедный Демьян (Еф. Ал. Придворов) 38
Белинский В.Г. 11,21,35,38,53,55,89,90,
105,153,185
Белобровцева И.З. 117
Белозерский В.М. 71
Беме Я. 82
Бенедиктов В.Г. 72
Бенкендорф А.К. 26
Бентам И. 10
Бенуа Малон 105
Бердяев Н.А. 6,9,18,34,35,36,37,39,40,58,
61
Берков П.Н. 182,183
Берковский Н.Я. 71,78
Берлин Ис. 21
Берте А.А. 70
Берти Дж. 107
Бессчетнова Е.В. 3,40
Бестужев-Рюмин К.Н. 124
Бибииков П.А. 94
Бибииков П.И. (прот.) 144
Бибиихин В.В. 43,48
Биньяни Э. 105
Благосветлов Г.Е. 71
Блан Луи 34
Блок А.А. 45,48,122

*Составлен И.Е. Захаровой и
О.В. Прокофьевой

- Богданов А. 117
 Богданович А.И. 75
 Богданович М. 215
 Боград В.Э. 79
 Бокова (Обручева) М.А. 159
 Бокова В.М. 32
 Бондарь С.А. 167,168
 Борщевский С.С. 80
 Боткин В.П. 90
 Брюсов В.Я. 117
 Бубер М. 57
 Булатова В. 165
 Булгаков М.А. 34,111,112,117
 Булгаков С.Н. 10,18, 35,36,37,40
 Булгарин Ф.В. 109
 Булич Н.Н. 165
 Булычев М.В. 170, 172
 Бухарев А.М.(Феодор Бухарев) 47
 Бухштаб Б.Я. 79
 Быков Д.Л. 193,194
 Бэкон Ф. 60

 Вагинов К.К. 111,112,116
 Вакуров В.Д. 4,168,169,170,171,172
 Вакуров Д.М. 170,173
 Вакурова О.А. 172
 Вакурова Р.Д. 170
 Вакуровы 171,173
 Валентинов – см. Вольский
 Валуев П.А. 25,32
 Васильев С.Е. 163
 Васильева Е.С. 164
 Васильева Т.А. 32
 Вебер Г. 174
 Вельф М.О. 137

 Вентури Ф. 105
 Верди Дж. 155
 Вердинуа Ф. 106,107
 Вернадский В.И. 57
 Вернадский И.В. 68,69
 Верстовский А.Н. 154
 Веснины 110
 Ветринский П.Е. 22,140,148,149,150
 Викторович В.А. 79
 Виноградова Т.П. 216
 Вишневецкий И.Г. 116
 Воейков В.Н. 75
 Волков Е.Е. 68
 Волконская М.Н. 167
 Вольский (Валентинов) Н.В. 6,9,18

 Гавр Д.П. 31,32
 Галкин-Врасский М.Н. 169
 Гапоненков А.А. 3,32
 Гарднер Р.А. 132
 Гарибальди Дж. 105
 Гафиз 77
 Гегель Г.В.Ф. 9,11,17,18,20,21,42,47,82
 Гед Ж. 105
 Гейне Г. 77
 Гелен А. 57
 Гельвещий К.А. 6,8,56
 Герасимова Ю.И. 71
 Герольд Л.-Ж. 154
 Герцен А.И. 3,6,7,15,19,20,21,22,23,
 28,29,32,35,36,38,41,44,48,49,55,86,
 87,101,156,189,191,192,199,205
 Гершензон М.О. 36
 Герье В.И. 124,165
 Гете И.В. 77,115
 Гиероглифов А.С. 71

- Гизо Ф. 191
 Гинзбург М.Я. 110
 Гиппиус В.В. 72,79
 Глаголевский Стеф. (митр. Серафим) 75
 Гоббс Т. 60
 Гоголь Н.В. 35,53,54,76,90,106,153,
 157,158,177
 Головнин А.В. 24,32,66,67
 Гольбах П. 60
 Гольденберг Г.Д. 203,205
 Гончаров И.А. 106,185,188
 Горбачев М.С. 200
 Горчаков А.М. 27
 Горький М. 106,122
 Готторн Н. 93
 Грачев А.С. 205
 Грибоедов А.С. 104,157
 Григорьев Ал. А. 50,88,97,104
 Григорьев П.А. 154
 Григорьев П.И. 157
 Гришунин А.Л. 55
 Громова Л. 71
 Гропиус В. 110
 Гросул В.Я. 32
 Губернатис Андж. де 105
 Губернатис-Безобразова С. 105
 Гумбольдт А. 191
 Гуссерль Э. 60
 Гюго В. 154,156

 Д'Амелия А. 116,117
 Давыдов С.И. 154
 Даль В.И. 52,55
 Данненберг М.А. (Сосногорова) 132
 Данте А. 48

 Д'Арк Жанна 77
 Дегаев С. 203
 Декарт Р. 60
 Делянов И.Д. 124
 Демченко А.А. 4,65,89,95,96,137
 Денисьева Е.А. 73
 Джаббаров Р.Р. 4,199
 Джанумов И.С. 177
 Джанумов Ст. 176
 Джанумова В. 177
 Джозеф Д. 65
 Диккенс Ч. 76
 Дильтей В. 57
 Дмитриева В.И. 160,161,167
 Дмитриев-Оренбургский Н.Д. 168,170,
 171,172,173
 Дмитриевская Г.А. 5,213
 Добролюбов Н.А. 5,10,35,37,52,71,87,89,
 92,93,97,104,125,132,155,186,202,213,
 215,218
 Добротворский И.М. 144,149
 Доницетти Г. 155
 Дорст Ж. 58
 Достоевский Ф.М. 3,4,12,18,20,34,35, 36,
 49,50,51,52,53,54,55,71,87,106,110, 118,
 119, 120,121,122,193
 Доценко С.Н. 117
 Дрие ла Рошель П. 205
 Дружинин А.В. 87
 Дудышкин С.С. 94
 Духовников Ф.В. 137,148,149,151
 Дьяконов В.А. 4,151
 Дювер Ф.-А. 154

 Евгеньев-Максимов В.Е. 71
 Евграфов В.Е. 79
 Егоров Б.Ф. 50,55,86,95

- Егоров О.Г. 198
Екатерина II 47
Елисеев Г.З. 71
Ермолова Е.П. 133
Ерымовский К.И. 181
Есенин С.А. 122
Есин Б.И. 71
Ефремов П.А. 95
- Жадовская Ю.В. (Север) 132
Жекулин Н.Г. 87,88,95
Желябов А.И. 200
Жемчужников А.М. 26, 32
Жихарев М.И. 32
Жук А.А. 89
Жукова О.А. 40
Жуковский В.А. 26,72,75
Журавлева А.И. 98,104
- Зайцев Б.К. 37
Залесский Н.И. 154
Замятин Д.Н. 213
Замятин Е.И. 110,111,117
Западов А.В. 71
Засулич В.И. 129
Захарова И.Е. 4,134,167
Захарова Л.Г. 32
Захарьин Н.Н. (Я.З. Черняк) 28
Зельдович М.Г. 86,88,95
Зефиоров М.М. 165
Зиммель Г. 57
Зиновьев А.А. 198
- Иаков (И.И. Вечерков) 134,135, 136,
138,139,141,142,143,145,146,147,150,151
- Иванов-Разумник Р.В. 19, 79
Иванюшина И.Ю. 116
Изгоев А.С. 36
Иловайский Д.И. 164
- Кавелин К.Д. 26,27,29,32,36
Каверин В.А. 111,112,117
Кавос К.А. 154
Калачев Н.В. 71
Козлова Е.И. (Авдотья) 162
Калиновский Д.И. 71
Кандель В.Л. 108
Канжинская Ф.И. (см. Мелькумова)
Канжинский А.И. 175
Кант И. 41,57,60,191,200
Кантор В.К. 3,6,18,40,48,49,86
Капнист В.В. 152
Каракозов Д.В. 201
Карамзин Н.М. 35,72
Кара-Мурза А.А. 40
Карапетян Р. 180
Кареев Н.И. 201
Кароли Л. 106
Карпенко В.Ф. 216
Карпович М.М. 9,10,14,18
Карр Э.Х. 21
Карченкова Т.А. 132
Кассирер Э. 8,18
Катков М.Н. 33,35,39,123,124,
125,126,127,128,129,130,131,132,200,203
Катчер Л. 133
Кауэр Ф. 154
Керенский А.Ф. 33
Кинглек А.У. 77,80
Киреевские 35

- Киреевский П.В. 81
Кирпотин В.Я. 79,80
Кирьякова А.Я. 132
Кистяковский Б.А. 36
Климовский Е.И. 156
Ковалевский Е.П. 27,67
Ковров Г. 158
Козлова Евд. И. 162
Козырев Б.М. 86
Козьмин Б.П. 79,80
Колеров М.А. 40
Колесников А. 152
Колосова А.В. 155
Кольцов А.В. 73,74,75,76,77
Кони Ф.А. 153
Корганов К. 180
Корканян К. 180
Корнеев М. 157
Короленко В.Г. 161,167
Короленко И.Г. 161
Косич А.И. 169,170
Костомаров В.Д. 7
Костомаров Н.И. 139,148,149,155
Котляревская Л.Н. 187
Котляревский И.П. 153
Кочукова О.В. 3,23
Кравченко Н.Ю. 5,188
Краевский А.А. 71,92
Краснов Г.В. 79
Крестовский В.В. 93
Кржижановский С.Д. 111
Крупская Н.К. 165
Крылов В.И. 216
Крылов И.А. 154
Кузнецов А.А. 216
Кулибин И.П. 216,217
Кэри Г.К. 191
Кюстин А. де 48
Кюхельбекер В.К. 72
Лавров П.А. 35,36,56,94
Лавров П.Л. 95,96
Лазанчина Л.М. 5,195
Лазерсон Б.И. 194
Ламетри Ж.О. 60
Ле Корбюзье 110,112
Лебедев А.А. 134,135,136,137,148,150,
151
Лебедев П.С. 68
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 167
Левшин В.А. 152
Лемке М.К. 71
Ленский Д.Т. 153
Леонидов И.И. 110
Леонов В.Г. 32
Леонтьев К.Н. 8,35
Леонтьев П.М. 125
Лермонтов М.Ю. 72,74,75,76,77
Лессинг Г.Э. 16,91,186
Леткова Е.П. 167
Листвина Е.В. 117
Лихачева Е.О. 132
Логвинова О. 165
Лодыженская Е.А. 132
Лоренс, г-н 195,197
Лорис-Меликов М.Т. 130
Лосев А.Ф. 43,48
Лосский Н.О. 37,40
Луначарский А.В. 6
Лысыкова Н.П. 3,61,65

- Львов Н.М. 96,97
Любатович О.С. 203,205
Ляцкий Е.А. 148,149,150
Ляшенко Л.М. 205
- Мавроди С.П. 197
Магницкий Л.Ф. 75
Мазер Э. 153
Майков А.Н. 72,75,78
Майнхоф У. 202
Макаровская Г.В. 86,88,95
Макиавелли Н. 8
Максимов А.М. 155
Максимов Е.К. 170,172
Мальшенко Г.М. 148,150
Мальков А.А. 154
Мальцев А. 216,217
Марго Д.Д. 164
Маркович М.А. (Марко Вовчок) 50,132
Марковский В.А. 158
Марковский С.А. 158
Маркс А.Ф. 182
Маркс К. 15,20,35,58
Мартьянов Л.Н. 198
Маслов Р.В. 3,55
Матафонов В.С. 171,173
Маяковский В.В. 111,122
Медведев П.М. 156,157,159
Медем Н.В. 67,69,70
Медиоланский Амвр. 150
Межебовская В.В. 194
Мей Л.А. 72
Мейер Ф. 71
Мейербер Дж. 156
Мейлах М.Б. 116
- Мелькумов Е.М. 174,175,176
Мелькумов И.М. 174,175
Мелькумов М.М. 174
Мелькумов Серг.М. 174,175
Мелькумова А.К. 174, 175,176
Мелькумова Л.М. 174
Мелькумова С.М. 174,175,176
Мелькумова Ф.М. (Канжинская) 174,175,
176,177
Мелькумовы 174,176,181
Мельников К.С. 110
Мельников П.И. (А. Печерский) 135,142,
146,148,151
Менделеев Д.И. 122
Менькова П.К. 71
Мерзляков А.Ф. 75
Мерло-Понти М. 61
Милевский О.А. 205
Милль Дж.С. 10,132,192,200
Милославский Н.К. 155
Милютин Д.А. 130
Миртовский М. 150
Михайлов И.Д. 158
Михайлов М.Л. 106,123,132,160
Михайловский Н.К. 35,36,37
Мицук Т.И. 4,119
Мишин Г.А. 136
Мишле Ж. 125,132
Моисей (Близнецов-Платонов) 141,142
Молчанов И. 157
Мольер Ж.-Б. 152,156
Мордвинов Н.С. 44
Мордовцев Д.Л. 137
Морозов Н.А. 203
Мостовская Н.Н. 87,89,93,95
Мотольская Д.К. 86,95

- Моцарт В.А. 156
 Мусоргский М.П. 195
 Муханов Н.А. 68
- Набоков В.В. 210,212
 Наганава Мицуо 19, 23
 Наполеон Бонапарт 19,73
 Нарезный В.Т. 75
 Нахлас В. 148,149
 Некрасов Н.А. 26,71,72,74,76,77,79,87,89,
 90,96,183
 Нечаев С.Г. 7,10,19
 Никанор (Бровкович А.И.) 139,149,150
 Никитенко А.В. 41,48,95
 Никитин И.С. 72,75,80
 Никитина Е.П. 87
 Николаев А.А. 79
 Николай I 41,162,200,202,204
 Никольский (свящ.) 145
 Никулина-Косицкая Л.П. 155
 Ницше Ф. 35,47,57,60
 Новиков (капельм.) 153
 Новиков Н.И. 38
 Новикова Н.В. 3,71
- Оберт К.С. 70
 Обручев А.А. 159
 Обручев В.А. 159
 Овнан Г. 180
 Овсянко-Куликовский Д.Н. 201,202,205
 Огарев Н.П. 6,72,75,87
 Одоевский В.Ф. 75,109
 Озеров И. 75
 Ойнас Д. 213
 Он ОЯ 4,80
- Орнатская Т.И. 108
 Осокин Н.А. 165
 Осповат А.Л. 86
 Островский А.Н. 4,87,94,96,97,98,99,100,
 101,103,104,105,156,158,159,166
 Оуэн Р. 117
 Очкин А.Н. 71
 Очкин Г.В. 158
- Павлов Н.Ф. 68
 Павлова А.В. 133
 Павлова К.К. 132
 Павлов М.Г. 86
 Павлова К. 78
 Павлюченко Э.А. 167,168
 Пакстон Дж. 117
 Палимпсестов И.И. 138
 Палимпсестов И.У. 149,150
 Панаев И.И. 89,93
 Пантелеев Л.Ф. 190,194
 Панчулидзе А.Д. 151
 Паперно И. 7,18
 Паскаль Б. 58,59,61
 Пассек В.В. 75
 Перевалова Е.В. 4,122
 Петр I 13,44,46
 Пигарев К.В. 86
 Пикар Л.-Б. 153
 Пиксанов Н.К. 132
 Пирогов Н.И. 75,139,171,204
 Писарев Д.И. 35,36,37,160,200,202,203,
 204
 Писемский А.Ф. 71,93,155,157
 Пиунова-Шмитгоф М. 155
 Плавильщиков В.А. 75
 Плавильщикова П. 152

- Плеснер Х. 57
- Плетнев П.А. 95
- Плещеев А.Н. 72
- Погодин М.П. 25,28,32
- Погосский А.Ф. 71
- Позднева С.П. 3,55
- Покусаев Е.И. 95
- Полевой В. 153
- Полевой Н.А. 154,157,183,184
- Полевой П.Н. 5,179,182,183,182,184,185,
186,187,188
- Полежаев А.И. 75
- Полонский А.В. 194
- Полонский Л.А. 94
- Полонский Я.П. 24,72,79
- Порох И.В. 32
- Пржещлавский О.А. 70
- Прибиль Я.И. 69
- Прокофьева О.В. 5
- Протазанов Я.А. 117
- Прудона П.Ж. 125
- Пушкин А.С. 6,21,25,40,53,54,71,72,
74,88,90,95,106,157,182,185,211
- Пфеффель К. 81,86
- Пыпин А.Н. 3,49,50,51,52,53,54,55,76,87,
89,95,149,150,180
- Пыпина Е.Н. 76
- Пыпина Ек.Н. 166
- Пырков И.В. 5,182
- Рабинович Е.Г. 116
- Радищев А.Н. 38,40,172
- Расин Ж. 152
- Рахманинов Ф.И. 92
- Рейсер С.А. 108
- Рейхенау В. 211
- Репин И.Е. 196
- Репников А.В. 205
- Роберти А. 4,105
- Родичева Ф.И. 23
- Розанов А.И. 149
- Розанов В.В. 44,48
- Розенталь И.С. 35
- Россини Дж.А. 156
- Руднева Я.Б. 4,159
- Рудницкая Е.Л. 18
- Руссо Ж.Ж. 88
- Рыбаков Н.Х. 155
- Савицкие 199
- Салиас-де-Турнемир Е.В. (Е. Тур). 125,
132
- Салтыков-Щедрин М.Е. 13,95,155,186
- Самарин Ю.Ф. 35,44
- Самойлов В. 155
- Санд Жорж 76
- Сапов В.В. 39
- Сарабьянов Д.В. 116
- Саровский Серафим 213
- Сахаров В.И. 117,194
- Сен-Симон К.-А. 29
- Серебряков В.И. 172,173
- Сиро Като 3,19
- Скатов Н.Н. 79
- Скафтымов А.П. 80,103,105
- Скворцов Г.А. 137
- Скобелев М.Д. 171
- Скопин Н.Г. 136,164
- Скриба Э. 153
- Скрябин А.Н. 209
- Славин И.Я. 169,170,173
- Слепцов В.А. 160

- Словцова Е.А. 132
Смирнов Н.Г. 216
Смирнова В.В. 4,96
Смолин М.Б. 205
Соколов В.П. 149,150
Соколов И. 150
Соколов М.Д. 136
Соколов Н.С. 136,137,149,151
Соколов П.С. 149
Соколов С.Д. 136
Сократ 56,60
Соллогуб В.А. 96,97
Соловьев Вл.С. 3,11,18,34,35,36,40,42,43,
44,45,46,47,48,83,86
Соловьев [Е.] 151
Соловьев Н.С. 144
Соловьев П.С. 144
Соловьев С. 154
Соловьев С.М. 32
Сотникова С.И. 212
Соханская Н.С. 132
Сперанский М.М. 44
Спиноза 6
Срезневский И.И. 10,184
Стайтс Р. 132
Сталин (Джугашвили) И.В. 38
Станкевич Н.В. 75,89,90
Старчевский А.В. 71
Стаферова Е.Л. 32
Степанов А.П. 148
Степанов Н.А. 71
Степанов С.И. 156
Степняк-Кравчинский С.М. 17
Степун Ф.А. 7,18
Стоппард Том 21
Страхов Н.Н. 35
Стрелков Е.Ф. 152
Стрелкова А. 155
Струве П.Б. 35,36,38,40
Суворов А.А. 67,71
Сукиасова-Артемьева С.Б. 177,178,179
Сухих И.Н. 86,88,95,96
Сухово-Кобылин А.В. 155,157
Сухомлинов М.И. 95
Тарасов Б.Н. 86
Тарасова И.А. 117
Тверитинов А.Н. 105
Теолон М. 154
Тимм В.Ф. 71
Тирш Ф.В. 81
Тихомиров А.А. 199
Тихомиров Л.А. 4,201,202,203,204,205,
206
Тихомирова Х.Н. 199
Ткачев П.Н. 7,129,205
Токвиль А. 191
Толстой А.К. 72
Толстой А.Н. 112,117
Толстой Д.Н. 80
Толстой Л.Н. 18,20,53,87,88,106,119,122,
211
Топоров В.Н. 116
Трибунский П.А. 9
Тригони М.Н. 200
Тройницкий А.Г. 68
Трубецкой Е.Н. 46,49
Тур Е. – см. Салиас-де-Турнемир Е.В.
Тургенев А.И. 75,81,86
Тургенев И.П. 75

- Тургенев И.С. 34,36,86,87,88,89,90,91,
92,93,94,95,106,109,113,115,116,117,118,
156,171,185,186
Тынянов Ю.Н. 111
Тюкавкин В.Г. 32
Тютчев Ф.И. 4,17,35,71,72,73,74,75,76,
77,78,79,80,81,82,83,84,85,86,211
Ульянов-Ленин В.И. 6,9,10,17,18,20,22,
33,34,38
Усов П.С. 71
Утин Е.И. 104,105
Фавр Ш.-С. 153
Фадеев А.М. 135,148
Фадеева Р.А. 25
Фаусек Вл. 35
Федин К.А. 212
Федоров К.М. 166,173,180
Федотов Г.П. 37
Фейербах Л. 6,8,10,35,37,40,56,57
Феодор (А.М. Бухарев) арх. 49
Фет А.А. 72,73,75,76,77,79,183
Фигнер В.Н. 167,205
Финогеев Д.Г. 158
Фирсов Н.А. 165
Фишер С.Н. 127,128,130,131,132,133
Флоренский П.А. 61
Флоровский Г.В. 35,39
Фокин А.А. 122
Фонвизин А.И. 75
Франгуловы 176
Франк С.Л. 34,36,38,39,40
Фрейд З. 58
Фриче В.М. 33,39
Фурье Ш. 110,117
Харджиев Н.И. 116
Хачатуров М.Х. 178
Хачатуров С.М. 179
Хачатурова С.М. (Зося) 178,179
Хачатуровы 174
Хачиков П. 174,178
Хачиковы 181
Хвостова О.А. 4,86
Хвошинская С.Д. 133
Хвошинская-Зайончковская Н.Д. 132
Хлебников В. 112
Хмельницкий Н. 152
Хованский Н.Ф. 137,149,150
Холодов Е.Г. 105
Хомяков А.С. 35, 44,117,183
Хрущев Н.С. 119
Цехновицер О.В. 132
Цивьян Т.В. 116
Циолковский К.Э. 57
Цион И.Ф. 17,18
Цицерон 150
Чаадаев П.Я. 32,35,38,44
Чернов В.М. 79
Чернов С.Н. 134,136,138,
141,142,144,145,146,147,149,150,151
Чернова Г.С. 3,49
Чернышев И.Е. 157
Чернышевская А.А. 168
Чернышевская Ант. А. 168
Чернышевская В.С. 167,168
Чернышевская Е.И. 167
Чернышевская Е.С. 164
Чернышевская М.А. 4,163,164,165,166,
168

- Чернышевская Н.М. 166,167,169, 181
Чернышевская О.А. 168
Чернышевская О.С. 163,168,174,177,179
Чернышевская Э.Б. 168
Чернышевский А.Г. 162,168
Чернышевский А.Н. 175
Чернышевский Г.И. 4,134,135,136,137,
138,139,140,141,142,143,144,145,146,147,
148,149,150,151,162,167,170
Чернышевский К.А. 162,168
Чернышевский М.А. 168
Чернышевский М.Н. 137,149
Чехов А.П. 106,167
Чешихин-Ветринский П.Е. см.:
Ветринский
Чиамполи Д. 106
Чижевский А.Л. 57
Чингиз-хан 92
Чичерин Б.Н. 27,29,30,31,32,35,191
- Шаликова Н.П. 132
Шарден П.Т. де 58
Шаховской А.А. 75,152
Шаховской Иоанн 37
Шебуева Е.П. 158
Шевченко М.М. 32
Шевырѳев С.П. 75,79
Шеербарт П. 117
Шекспир В. 152,153,156
Шелгунов Н.В. 95,123,132
Шелер М. 57,58
Шеллинг Ф.В. 4,21,80,81,82,83,85,86
Шемановский М.И. 132
Шенк Э. 154
Шестаков П.Д. 165
Шилина Т.А. 132
- Шиллер Ф. 17,77,152,153,156
Шиндина О.В. 4,109,116,117
Шкута Е.А. 4,168
Шмелева М.В. 151
Шнейдер Л. 153
Шокар А. 154
Шопенгауэр А. 35
Штротберг А.П. 203
- Щепкина Е.Н. 164,167,168
Щербина Н.Ф. 72,75
Щербинин М.П. 68
Щукин В.Г. 213
- Эйзенштейн С.М. 111,117
Эльфонд И.Я. 5,202
Энгельгардт С.В. 132
Эриксон Э. 61,65
- Юдин П.Л. 149,150
Юкихико Канэко 19
Юркевич П.Д. 37
Юрьев В. 159
- Ямпольский М.Б. 117
Ярославцев А. 68, 69
Ясперс К. 59,61
- Alpi Roberto 108
Archibugi Francesca 108
Ciampoli Domenico 108
Cirino Bruno 108
Girone Remo 108
Gubernatis Angelo De 108
Locatelli Milesi Giuseppe 108

Love Lucretia 108
Maestri Anna 108
Margine Marzio 108
Montesi Gianni 108
Padovani Gianfranco 108
Pozzi Elisabetta 108
Roberti Anna 108
Sernas Maria Stella 108
Serra Gianni 108
Sherman Tomaso 108
Stagnaro Carola 108
Tchernycheswky N. G. 108
Venturi Franco 108

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
--------------------	---

I Исследования и статьи

В. К. Кантор. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране?	6
Сиро Като. По поводу издания в Японии монографии «А.И. Герцен: его жизнь и творчество»	19
О. В. Кочукова. «Кумир общественного мнения»: из опыта осмысления современниками общественно-политической ситуации в России второй половины 1850-х – начала 1860-х гг.	23
А. А. Гапоненков. Чернышевский и веховцы	33
Е. В. Бессчетнова. Диалог Н. Г. Чернышевского и Вл. С. Соловьева о прекрасном	40
Г. С. Чернова. А.Н. Пыпин и Ф.М. Достоевский. оппоненты или единомышленники?	49
Р. В. Маслов, С. П. Позднева. «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевского и современность	55
Н. П. Лысикова. Идеи Н.Г. Чернышевского о культурной самоидентификации человека	61
А. А. Демченко. Журналистика и власть в эпоху Чернышевского: риски сосуществования	65
Н. В. Новикова. Н. Г. Чернышевский о Ф. И. Тютчеве	71
Он Оя. Поэтический мир Ф. И. Тютчева и философия Ф. Шеллинга (о влиянии концепции бездна)	80
О. А. Хвостова. Н. Г. Чернышевский в письмах П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу	86
В. В. Смирнова. Образ Жадова в комедии А. Н. Островского «Доходное место»: трактовка революционно-демократической критикой и авторский замысел	96
Анна Роберти. Итальянские издания «Что делать?» и успех романа в Италии	105
О. В. Шиндина. Дом в антропологической перспективе (архитектурные утопии Н. Г. Чернышевского и образ русской усадьбы в русской литературе)	109
Т. И. Мицук. Америка и тема самоубийства в романах Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	118
Е. В. Перевалова. Освещение вопроса высшего женского образования в отечественной журналистике 1860–1880-х гг. (по материалам газеты «Московские ведомости»)	122

II. Сообщения и материалы

И. Е. Захарова. Неопубликованная статья А. А. Лебедева «Отец Чернышевского».....	134
Александр Лебедев. Отец Н. Г. Чернышевского.....	137
В. А. Дьяконов. Театрально-музыкальное искусство Саратова эпохи Н. Г. Чернышевского.....	151
Я. Б. Руднева. М. А. Чернышевская: из жизни провинциальной «эмансипе».....	159
Е. А. Шкута. О портрете кисти Н. Д. Дмитриева-Оренбургского из собрания Радищевского музея.....	168
М. М. Адуляни. Армяне Астрахани и Н. Г. Чернышевский.....	173
И. В. Пырко в. Н. Г. Чернышевский в «Истории русской словесности» Петра Николаевича Полевого.....	182
Н. Ю. Кравченко. Понимание гражданственности в трудах Чернышевского.....	188
Л. М. Лазанчина. Мой Чернышевский.....	195
Р. Р. Джаббаров. Влияние гимназического образования на формирование взглядов Л. А. Тихомирова.....	199
И. Я. Эльфонд. К вопросу о современной деятельности литературно-мемориальных музеев-усадоб.....	206
Г. А. Дмитриевская. Гражданско-патриотическая работа с молодежью в православных просветительских проектах Государственного литературно-мемориального музея Н. А. Добролюбова традиции и новации.....	213
Указатель имен.....	220

Научное издание

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

Вып. 19

Подписано в печать 24.10.2013 г. Формат 60x84 1/16

Печ. л. 13,60. Уч.-изд. л. 12,11.

Бумага офсетная. Цифровая печать. Гарнитура Таймс.

Тираж 200 экз. Заказ № 2514

Печать ООО «АРМК Софит»,
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 153
Тел.: (845-2) 74-32-62, 74-32-72

sofit-adver.ru